

SERIES MINOR

Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

ИМЯ И ВЛАСТЬ

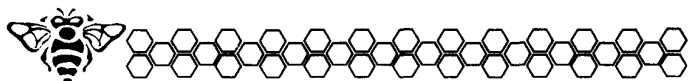
ВЫБОР ИМЕНИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ДИНАСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

STUDIA PHILOLOGICA

МАЛАЯ СЕРИЯ

Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

ИМЯ И ВЛАСТЬ

ВЫБОР ИМЕНИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ДИНАСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2001

ББК 63.3(0)4
У 77

Успенский Ф. Б.

У 77

Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 160 с. – (Studia philologica. Series minor).

ISBN 5-7859-0208-7

Эта книга посвящена тому, как выбирались имена для членов королевского рода в средневековой Скандинавии. До конца XIII в. выбор имени в Скандинавии остается важнейшим регулятором сложных и подчас чрезвычайно запутанных династических отношений. История имени в эту эпоху – это история сосуществования христианства и язычества, история борьбы за власть, история союзов и противостояний, разделов и объединений, – словом, едва ли не вся история полуострова.

ББК 63.3(0)4

В оформлении обложки использованы миниатюры и фрагменты текста из следующих рукописей:

«Законоуложение Магнуса Эрикссона» — раздел «О заключении брака» (Giftermålsbalken), сер. XIV в.;

«Руководство» (Stórn) — древнеисландское переложение отдельных глав Ветхого Завета AM 227 fol., листы 23 v, 33 v, кон. XIII в.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavie@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0208-7

9 785785 902084 >

© Ф. Б. Успенский, 2001
© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Предисловие	9
I. Свое и чужое имя в королевском роду	15
II. Рождение бастарда — рождение образца (Олав Святой и Магнус Добрый)	21
III. Бастарды и самозванцы (Признанные и непризнанные обладатели имени Магнус) ...	27
IV. Бастарды и «маменькины сынки» (Магнус Эрлингссон и Свейн-Магнус Астридссон)	43
V. Бастарды и прямые наследники (Энунд-Якоб и его единокровный брат Эмунд)	57
VI. Имя и род, имя и титул, имя и судьба	69
Послесловие	81
Примечания	85
Сокращения и список цитируемой литературы	121
Генеалогические таблицы	131
Указатель имен исторических лиц и персонажей	139

ОТ АВТОРА

Цитаты из источников чаще всего даются параллельно на русском языке и языке оригинала. Иногда мы считаем возможным ограничиться русским переводом с вкрапленными в него фрагментами оригинального текста или исключительно русским переводом. Ссылки на оригинальные тексты даны в сокращениях, которые расшифровываются в конце книги, в разделе «Сокращения и список цитируемой литературы». Везде, кроме специально оговоренных случаев, русский текст «Круга Земного» (Hkr.) и «Саги о Сверрире» (Sv.) приводится по изданиям [Круг Земной 1980] и [Сага о Сверрире 1988] без дополнительных ссылок на эти издания. Другие тексты, там, где не указан переводчик, даются в нашем переводе.

Автор выражает искреннюю признательность А. В. Бусыгину, Т. Н. Джаксон, Т. Польской, В. В. Рыбакову, Сванте Страндбергу и Б. А. Успенскому.

Особая благодарность — А. Ф. Литвиной; помощь, оказанную ею на всех этапах работы над книгой, трудно переоценить.

«Man untersucht besser nicht das Wesen des Namens,
sondern das Wesen der Namengebung...»

[Keil 1931, 107]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое исследование посвящено роли имени собственно в истории средневековой Скандинавии. Прежде всего нас интересовало, как выбирались имена для членов королевского рода — удивительным образом, в выборе имени для наследника престола отразилась едва ли не вся история полуострова XI—XIII вв.

Этот период, непосредственно следовавший за крещением, на наш взгляд, является одним из самых ярких и значимых для скандинавской культуры. Христианское и языческое начала еще долго сосуществовали вместе и относительно мирно уживались друг с другом. Так, после крещения Скандинавии детей продолжали называть в честь их предков-язычников, уже будучи христианами, скандинавы получали, таким образом, *исконные, языческие* имена.

Языческие, родовые имена были чрезвычайно устойчивы, а выбор имени для ребенка подчинялся определенным правилам. Эти правила не были, разумеется, жесткими и безапелляционными, однако для того, чтобы войти в мир рода, ребенок должен был получить *родовое имя*. Выбор имени был событием историческим — имя почти всегда давалось в честь умершего предка, связывало ребенка с историей рода и передавало эту связь в будущее. Обычай называть потомка в честь умершего родича на много веков переживает веру в переселение душ и остается своеобразным реликтом подобных архаических представлений.

В первую очередь это касалось тех детей, которым предстояло стать наследниками, старшими в роду, в своем поколении. Их, как правило, называли в честь деда, прадеда, дяди или другого близ-

кого родственника по мужской линии. Иногда, в силу тех или иных причин, ребенок мог получить имя и в честь предка по материнской линии, побратима отца, друзей рода (а в некоторых исключительных случаях появление отдельных имен вообще невозможно объяснить родовыми связями). Однако наречение именем главного наследника изначально должно было устанавливать его связь с родом.

Особенно значимым делом был выбор имени в знатных родах и прежде всего в королевской семье. В христианскую эпоху имя во многом продолжает восприниматься как инструмент воздействия на судьбу. Участь отпрыска королевского рода, его шансы взойти на престол не в последнюю очередь зависят от того, получил ли он «правильное», надлежащее имя.

Говоря об именах скандинавских конунгов, невозможно не коснуться столь обширных и сложных проблем европейской истории, как порядок и принципы престолонаследия, судьба культа рода в Средневековье, взаимоотношения церкви и королевской власти, понятие законного рождения... Конечно, не может быть и речи о сколько-нибудь детальном освещении любой из этих проблем в рамках данной работы, но тема выбора имени является, на наш взгляд, своеобразной точкой схождения разноплановой исторической и филологической проблематики, «магия имени» позволяет взглянуть на все эти вопросы в единой перспективе, под одним углом зрения.

Итак, для семьи скандинавского конунга такое правильное имя было не просто родовым, а еще и династическим именем. Чем же *династическое имя* отличалось от *родового*? Родовое имя как бы подчеркивает и усиливает желательные для будущего наследника родственные связи. При выборе же династического имени должны быть учтены также и политические связи будущего монарха — кто из родичей, живых или умерших, может быть ему полезен по политическим соображениям. Существенно также, что в королевских семьях, помимо реальных предков, был целый сонм легендарных прародителей и родоначальников, связь с которыми могла оказаться не менее важной, чем с близкими родственниками. Кроме того, в Скандинавии довольно рано усваивается идея «родства» между европейскими правящими династиями. Иногда это «родство» воплощалось в реальных матримониальных связях, иногда же оно существовало на «виртуальном», легендарном уровне.

Можно сказать, что династическое имя, так же как и родовое, обеспечивало наследнику связь с его родом, только в королевский род оказывались включенными и ближайшие родственники, и мифические предки, и державные соседи. Важность понятия рода, родовых связей для монарха лишь усиливалась по сравнению с обычным человеком, но порой род мог трактоваться здесь расширительно. Благодаря этому династические имена оказываются, с одной стороны, даже еще более устойчивыми и консервативными, чем просто родовые, но, в то же время, именно они порой оказываются более проницаемыми для новшеств.

Выбор правильного имени для мальчика, сына монарха, оказывался, таким образом, делом чрезвычайно сложным и ответственным. Будущему наследнику было важно быть признанным придворными, тингом и дружиной — ведь скандинавский конунг в эту эпоху был не просто правителем государства, но в первую очередь военачальником, предводителем национального войска. Народное признание, легитимность его власти требовалась конунгу и при восшествии на престол, и всякий раз, когда он должен был вести за собой своих подданных. Упрощая дело, можно сказать, что конунгом становился тот, кто принадлежал к королевскому роду, был избран тингом и признан народом. В ситуации, когда был возможен выбор, сопоставлялись разные достоинства претендентов. Не последним из этих достоинств было правильно избранное имя. Правящий конунг, давая имена своим детям, по-видимому, всегда пытался определить их будущее, их династическую судьбу. Он обращался к тингу, ко всем своим подданным, на своеобразном «языке имен», и этот язык, несомненно, был понятен аудитории. Наследнику предстояло объезжать все тинги страны, добиваясь поддержки, и династическое имя помогало получить ее, ибо имя было знаком прямого волеизъявления предыдущего конунга.

Выбор будущего правителя, как правило, осуществлялся из нескольких возможных претендентов — членов королевского рода. Основание претендовать на престол в некотором смысле имели все потомки древних конунгов по мужской линии. В первую очередь речь идет, с одной стороны, о братьях царствующего конунга, а с другой стороны — о его сыновьях. Наследование королевской власти «по горизонтали» (от брата к брату) или «по вертикали» (от отца к сыну) оставалось практически равновероятным. Кроме

того, власть в стране могла перейти к единственному наследнику, а могла быть разделена между всеми претендующими на нее полноправными членами рода. В такой ситуации имя давало или не давало преимущество племяннику над дядей, брату над братом. Роль правящего конунга при определении будущего наследника была несомненно очень велика: как правило, он сам давал имена своим детям и именно он должен был решать, кто унаследует власть после него.

Во власти конунга было также признать или не признать родившегося ребенка своим сыном. Дело в том, что в Скандинавии еще долгое время после принятия христианства *побочные дети* — если они были признаны своими отцами — пользовались правами, немалого отличавшимися от прав *законнорожденных наследников*.

Вообще говоря, проблема законного рождения у скандинавов в языческую и христианскую эпоху оказывается весьма сложной и недостаточно исследованной¹. Очевидно, что в еще дохристианские времена проводилось определенное различие между детьми, рожденными от жен, и детьми, рожденными от наложниц, но при этом мы очень немного знаем о том, на каких основаниях жены отличались от наложниц. Известно, что в архаическом скандинавском праве проводились довольно тонкие различия между разными категориями побочных детей. Со времени принятия христианства, когда полностью определилось понятие законного, освященного церковью брака, стало более контрастным и противопоставление *законных и побочных детей*, различия же между разными группами незаконнорожденных постепенно стирались. В то же время, в Скандинавии признанный отцом внебрачный сын по-прежнему имел определенные права и занимал определенное место в роду отца. Эти права, в частности, явным образом были очерчены в различных скандинавских судебныхниках. Едва ли не у каждого конунга-христианина в Скандинавии были официально признаваемые побочные дети — общество и даже церковь относились к этому обстоятельству с редкой терпимостью. В ситуации борьбы за власть побочный сын конунга отнюдь не становился изгоем. То, какое имя выбрал для него отец, во многом определяло его шансы в этой борьбе.

Предполагаемый законнорожденный наследник почти всегда получал династическое имя, восходящее к временам язычества.

Христианские имена очень медленно входили в обиход, когда речь шла о законных отпрысках королевского рода. Побочные же дети правителя могли получать при рождении как династические, так и христианские имена.

Здесь необходимо отметить, что после принятия христианства **христианские имена** еще долго воспринимались в Скандинавии как **иностранные**. Действительно, первые десятилетия собственно скандинавских святых, носящих исконные, привычные имена, было еще очень немного. Церковь пришла сюда со сформированным корпусом личных имен, и все эти имена — будь они греческого, латинского происхождения или немецкого — никак не были включены в собственно скандинавскую систему родовых связей.

Иностранные, заведомо заимствованные имена встречались в скандинавском антропонимиконе и прежде, но они были весьма малочисленны. Традиционный именовал до сих пор никогда не испытывал столь массивного натиска инокультурных имен, причем, с одной стороны, эти имена были поддержаны авторитетом церкви, а с другой стороны, как уже говорилось, не имели никакого отношения к истории рода. **Христианские имена** усваивались медленно и так и не смогли окончательно вытеснить из обихода **исконные скандинавские имена**.

Имянаречение побочных сыновей конунга не требовало столь жесткой укорененности в родовой традиции, оно могло служить своего рода «полигоном», на котором испытывались различные нововведения. Именно благодаря побочным детям христианские имена, по-видимому, постепенно проникают в королевский род. При этом необходимо помнить, что и христианское имя всегда давалось ребенку неслучайно. Без преувеличения можно сказать, что в выборе имени для сына конунга всегда содержится попытка так или иначе определить его судьбу, его право на власть. До конца XIII в. имя в Скандинавии остается важнейшим регулятором сложных и подчас чрезвычайно запутанных династических отношений. История имени в эту эпоху — это история борьбы за власть, история союзов и противостояний, история разделов и объединений, в известном смысле, вся история Скандинавии.

Мы попытаемся выявить некоторые принципы в этой сложной игре имен — языческих и христианских, исконных и иностранных, собственно родовых и династических, попытаемся пронаблюдать, чем имя для законнорожденного отличается от имени для бастар-

да², как соперничают именами племянник и дядя, как имена участвуют в борьбе самозванцев за престол.

Мы попытаемся реконструировать, чем руководствовался тот, кто выбирал имя для ребенка королевской крови, и как его действия воспринимались современниками и потомками. Разумеется, в пределах одного исследования невозможно охватить историю всех королевских имен, тем более что в ней, как уже говорилось, нашли свое отражение все основные перипетии скандинавской истории в целом. Мы стремились выбрать несколько наиболее выразительных и значимых, на наш взгляд, ситуаций имянаречения и проследить наиболее общие модели выбора имени для потомка королевского рода.

СВОЕ И ЧУЖОЕ ИМЯ В КОРОЛЕВСКОМ РОДУ

После крещения Скандинавии основная масса христианских имен проникает на полуостров и становится неотъемлемой частью антропонимического фонда. При этом христианские имена существуют бок о бок с традиционными, исконно скандинавскими именами, унаследованными из языческого прошлого.

Подобное сосуществование языческих и христианских имен вообще характерно для стран поздней христианизации. В разных странах, в разных культурных традициях параллельное бытование двух именовсловов, естественно, происходило по-разному. Так, человек мог носить сразу два имени, христианское и языческое, и в одних культурных ситуациях фигурировать под своим мирским, языческим именем, а в других под крестильным, христианским. По-видимому, таким образом дело обстояло на Руси и отчасти в Дании. О сосуществовании и взаимодействии языческого и христианского антропонимикона в Скандинавии в целом известно сравнительно немного, но очевидно, что между Данией, Швецией и Норвегией существовали заметные различия. Не менее очевидно, однако, что в этих странах процессы усвоения христианских имен протекали синхронно и осуществлялись в едином культурном пространстве.

В настоящей работе появление в Скандинавии (и прежде всего в Норвегии) новых имен на первых порах после христианизации рассматривается под определенным углом зрения. Нас интересовал вопрос, как христианское (иностранное) имя попадает в обиход правящего королевского рода.

Среди членов норвежской династии (в особенности мужчин), управлявшей страной на протяжении всего Средневековья, усвоенное извне христианское имя — вещь относительно редкая. Так,

имена норвежских правителей с XI по XIV в. не похожи на имена других европейских монархов этого времени: большинство норвежских конунгов не обладает каноническим, церковно-календарным именем, общепринятым в христианском мире Западной Европы³. Имена подавляющего большинства норвежских конунгов — исконно скандинавские⁴. Кроме того, по преимуществу это имена, выделяющиеся своей принадлежностью к династической традиции, то есть с относительной регулярностью повторяющиеся в поколениях, характерные именно для этого рода в целом и признаваемые за таковые основной частью общества.

Отсутствие среди норвежских конунгов общепринятых христианских имен иностранного происхождения имеет под собой достаточно очевидные основания. Династическое имя было прежде всего знаком, непременным атрибутом власти, обладание им, как мы увидим позже, являлось необходимым условием для восшествия на престол. Наречение именем, унаследованным от того или иного царственного предка и дающим право на престол, всякий раз свидетельствовало о непрерывности самой династической традиции и обеспечивало единство рода. Поэтому система мужских имен, принятых в скандинавских правящих династиях, была в высшей степени замкнутой в себе, традиционной, консервативной.

Указанные характеристики значительно затрудняли доступ новых имен в династический именовослов. Тем не менее, иностранные антропонимы со временем появляются в обиходе правящего рода, хотя о массовом их проникновении говорить по-прежнему не приходится⁵. Как же это происходило? Каким образом усваивались христианские имена в королевском роду? Что в каждом конкретном случае побуждало членов рода отказаться от традиционного имени в пользу нового, иностранного, не просто не укорененного в обиходе этой семьи, но нарушающего сложившийся порядок именовослова и исподволь расшатывающего династические устои?

Поставленные здесь вопросы, очевидно, не предполагают однозначного, исчерпывающего ответа. Причины, по которым предпочтение в том или ином случае отдавалось иностранному имени, могли быть достаточно разнообразными (ср.: [Meldgaard 1994]). Совершенно ясно, например, что значительную роль здесь играли матримониальные связи (как внешние, так и внутренние, т. е. межскандинавские), благодаря которым новые имена распространялись и тиражировались по всей Скандинавии, вплоть до Исландии.

При рассмотрении вопроса о распространении христианских имен нельзя не учитывать, как кажется, и многих других факторов, таких как спонтанное возникновение моды на иностранные имена, подчеркнутая ориентация на континентальную или любую иную культурную модель, наконец, просто набожность отдельных представителей правящего рода...

Хотелось бы, однако, обратить внимание на еще один аспект интересующей нас проблемы. В королевском роду имя — как традиционное (исконно скандинавское), так и иностранное (христианское) — было важным средством, с помощью которого родители (прежде всего отец ребенка) могли регулировать династическую судьбу новорожденного.

Хотел ли отец закрепить за ним право на престол или, напротив, лишить его этого права, стремился ли он укрепить родственные связи с кем-то из новоприобретенной родни или подчеркнуть связь с кем-либо из знаменитых предков, пытался ли он как-то иначе определить место своего потомка в роду, — он использовал имя для демонстрации своей воли.

Вообще говоря, указывать с помощью имени, какая участь уготована ребенку, было принято во многих правящих домах Европы. Следы архаической веры в переселение душ родичей могли сочетаться здесь с обычаями, возникающими в новую христианскую эпоху. Так, о норвежском конунге Олаве Святом ходили слухи, что он является новым воплощением другого Олава, своего предка, Олава Альва Гейрстадира⁶. С другой стороны, известно, например, что у баварских и саксонских герцогов X—XI вв. существовал обычай давать имена Видукинд и Брун тем детям, которые предназначались только для церковной карьеры (см. подробнее: [Althoff 1997, 134—136]).

Этот отпечаток личной воли монарха, судя по всему, был весьма значим в глазах современников: человек, обладающий «правильным», подобающим, именем, обладал и большим правом на престол⁷. Не случайно претенденты на престол, чья принадлежность к королевскому роду была спорной, могли менять имя или брать себе дополнительное, дабы придать своим притязаниям на власть большую легитимность⁸.

В каждом конкретном случае выбор имени был делом индивидуальным. Тем не менее, существовали, на наш взгляд, и типовые модели выбора имени, использовавшиеся в зависимости от того,

какая участь готовилась ребенку. Наречение христианским именем было одним из знаков, придающих династической судьбе ребенка особый оттенок. Чрезвычайную важность приобретало имя в судьбе королевских побочных детей, оказавшихся невольными распространителями христианских имен в правящих династиях. Именно здесь особенно ясно просматриваются механизмы тонкой настройки, с помощью которых скандинавские конунги пытались регулировать династические отношения.

В средневековой Скандинавии появление побочного сына у конунга создавало новые возможности при выборе имени для ребенка. При наречении незаконнорожденного, по-видимому, допускались существенно большие отступления от традиции, нежели при наречении ребенка, рожденного законной женой.

Выбор имени для легитимного наследника во многом был предопределен заранее — представитель династии должен был быть назван в честь деда, прадеда или другого близкого родича по отцовской линии, причем в интересах правящей семьи было обеспечить максимальную прозрачность выбора. Напротив, выбор имени для побочного сына не был в такой степени стеснен и регламентирован династической традицией. Незаконнорожденный, в принципе, мог быть назван новым именем, никак не ассоциировавшимся с набором личных имен, принятых в королевском роду. Иначе говоря, побочный ребенок зачастую получал имя, свободное от явных династических реминисценций.

В качестве такового, лишённого отсылки к истории рода, наименования в Норвегии — и, шире, в Скандинавии — нередко выступали христианские имена иностранного происхождения. Именно их и получали, судя по всему, многие незаконнорожденные дети конунгов. Здесь необходимо отметить, что проблема законного и незаконного происхождения встает с такой остротой именно с момента принятия христианства. Церковная регуляция матримониальных отношений, запрет на многоженство впервые четко противопоставили положение детей, рожденных в законном браке и положение детей, появившихся на свет вне брака.

Таким образом, распространение иностранных (христианских) имен и появление статуса побочного ребенка приходится на один и тот же период и оказываются тесно связанными между собой.

По-видимому, с момента принятия христианства рождение в законном браке в большинстве европейских королевских домов

становится едва ли не непременным условием для восшествия на престол, хотя, конечно, и здесь были свои исключения. Ранее у древних германцев или, шире, в варварских королевствах обычным делом было предоставление равных прав законным и незаконным сыновьям⁹.

Четкое противопоставление законных и незаконных детей, пришедшее в Скандинавию вместе с христианством, очевидно, не могло не повлиять на порядок престолонаследия. Специфика скандинавской ситуации заключается в том, что разделение прав и полномочий между законными и побочными детьми еще долгое время проводилось не так жестко. На протяжении XI—XII вв., в частности, более половины норвежских конунгов — побочные дети. Видимо, в это время в представлении норвежцев конунг должен быть сыном конунга, и, хотя законное происхождение правителя считалось нормой, а бастард на троне — некоторым отклонением от нее, такое отклонение было более допустимым, чем в большинстве европейских стран. Характерно, в частности, что в эпоху самозванцев в XII в. в Норвегии большинство претендентов на престол объявляло себя именно побочными сыновьями конунга.

Практика наречения бастардов христианскими именами сохранялась даже тогда, когда уже стерлась сама острота противопоставления языческого и христианского имени, предположительно в том или ином виде имевшая место в Скандинавии сразу после христианизации. В XII в., например, датский конунг Вальдемар Великий (1157—1182)¹⁰ называет своего внебрачного сына (по-видимому, первенца) Христофор (Kristóforús) [Knýt., 242, 287], именем, до сих пор не представленным в королевском роду, тогда как старший из его законных сыновей и наследник престола получает традиционное династическое имя Кнут¹¹ [Ibid., 287].

Подобная длительная сохранность этого принципа именнаяречения свидетельствует, на наш взгляд, о том, что для династической традиции было актуально прежде всего различие исконного и иностранного имени. Бастард, очевидно, мог получить христианское имя еще в XII или в XIII в. в силу его чужеродности и экзотичности в обиходе правящего рода, а не в скандинавском антропонимиконе вообще¹².

Личный выбор конунга — в том, что касалось дальнейшей судьбы его династии, — играл немалую роль в Скандинавии. Дело в том, что реальная необходимость выбора постоянно существовала:

с одной стороны, наследование власти могло осуществляться как от брата к брату (по горизонтали), так и от отца к сыну (по вертикали), а с другой стороны, права законнорожденного и незаконнорожденного сыновей конунга на наследство (и, в частности, на престол) отличались не слишком сильно.

Исключение бастарда из права наследования престола появляется в Норвегии лишь во второй половине XII века (ср.: [NGL, I, 3]), причем характерно, что число самозванцев, выдающих себя за побочных детей конунгов, с этого момента только возрастает — по-видимому, права таких претендентов на престол по-прежнему поддерживаются традицией.

Ситуацию же с «вертикальным» и «горизонтальным» наследованием престола можно было бы охарактеризовать следующим образом: на протяжении нескольких столетий «вертикальный» (от отца к сыну) принцип постепенно, шаг за шагом, вытесняет «горизонтальный» (от брата к брату), но ни в какой период невозможно говорить о полном и окончательном торжестве одного принципа над другим.

Таким образом, называя ребенка тем или иным именем, конунг, в сущности, решал сложную династическую задачу. Это решение всякий раз носило, разумеется, индивидуальный характер. Тому, кого прочли в наследники, нужно было дать «правильное» имя, то есть имя, с одной стороны, не выходящее за пределы традиции и, с другой стороны, соответствующее его положению в роду. Так, если отец хотел закрепить право наследования за бастардом, то он мог действовать иначе, чем в случае с законным сыном. Никаких четко определенных правил, по которым полагалось действовать в конкретной ситуации, по-видимому, не существовало. Каждый акт наименования, каждый выбор династической судьбы — в известном смысле уникален. Тем не менее, в скандинавской традиции существовало, на наш взгляд, несколько устойчивых, воспроизводимых моделей, по которым осуществлялся выбор. Определить происхождение образца, которым пользуются для решения определенной династической задачи, зачастую довольно сложно.

Лучшая сохранность исторических сведений о норвежской династии дает больший материал для анализа подобных моделей, а те сведения, которыми мы располагаем о Швеции и Дании, позволяют говорить об общескандинавской практике с небольшими расхождениями на уровне местной традиции.

РОЖДЕНИЕ БАСТАРДА — РОЖДЕНИЕ ОБРАЗЦА (Олав Святой и Магнус Добрый)

Формирование одной из моделей выбора имени можно проследить на примере имени Магнус в норвежской правящей династии. В XI—XII в. на норвежском престоле побывало, по крайней мере, 6 конунгов по имени Магнус, 5 из которых были бастардами. Очевидно при этом, что имя Магнус не является скандинавским по происхождению. До XI в. это имя не встречается в королевском роду, да и в дальнейшем законных детей норвежских конунгов, как правило, не называли Магнусами.

Создается впечатление, что имя Магнус закрепляется в норвежской традиции престолонаследия в качестве специального имени для бастарда, причем такого бастарда, которого отец желал бы видеть после себя на троне. По-видимому, в глазах правящей династии это имя обеспечивало успех такого замысла, а каждый следующий незаконнорожденный Магнус, взошедший на престол, создавал еще один «прецедент успеха».

Что же послужило первоначальным образцом для этого, какая ситуация задала модель «успешного» наречения бастарда именем Магнус? Прежде всего, существенным для формирования такой модели, по-видимому, оказался тот факт, что имя Магнус носил п е р в ы й б а с т а р д, которому удалось взойти на норвежский престол в христианскую эпоху. Это был Магнус Добрый (1035—1047), побочный сын конунга Олава Святого, знаменитого крестителя Норвегии.

Исследователю этого исторического сюжета в известном смысле повезло, потому что он располагает едва ли не единственным подробным описанием того, как получает имя сын конунга. Это описание неслучайно относится именно к Магнусу Доброму, или

Могучему, как его называют некоторые источники (см.: [Flat., I, 28; DI, III, 29]). Снорри Стурлусон рассказывает об этом в «Саге об Олаве Святом»:

«Одна женщина звалась Альвхильд, ее называли рабыней конунга (konungs ambótt)¹³. Она была знатного рода и очень хороша собой. Она повсюду ездила с Олавом конунгом. В ту весну Альвхильд ждала ребенка, и друзья конунга знали, что отец этого ребенка — конунг. Однажды ночью Альвхильд почувствовала себя плохо, поблизости народу было мало: несколько женщин, священник, Сигват скальд и еще несколько человек. Альвхильд было очень плохо, и казалось, что ей уже недолго осталось жить. Она родила мальчика, и долго нельзя было понять, живой ли он. Когда он наконец подал признаки жизни, хотя и слабые, священник попросил Сигвата скальда пойти и сказать конунгу. Тот отвечает: „Я ни за что не посмею разбудить конунга, ведь он никому не позволяет прерывать его сон до тех пор, пока сам не проснется“. Священник отвечает: „Необходимо крестить (fái skírn) ребенка, ибо, мне сдается, что он проживет недолго“. Сигват сказал: „Я скорее решусь на то, чтобы ты крестил ребенка (þú skírir barnit), чем пойду будить конунга. Я готов взять на себя ответственность дать ему имя (ok mun ek ávítum upp halda ok gefa nafn)“. Они так и сделали, крестили ребенка и дали ему имя Магнус (Svá getðu þeir, at sveinn sá var skírðr ok hét Magnús). А утром, когда конунг уже проснулся и оделся, ему рассказали о том, что произошло. Он велел позвать к себе Сигвата. Конунг сказал: „Как ты смел позволить крестить ребенка без моего ведома?“ Сигват отвечает: „Потому что считаю, что лучше двух человек отдать Богу, чем одного дьяволу“. Конунг сказал: „А почему это могло случиться?“ Сигват отвечает: „Ребенок был при смерти, и если бы он умер некрещеным, то попал бы к дьяволу, а теперь он Божий человек. Кроме того, я знал, что если ты разгневаешься на меня, то я поплачусь за это самое большее жизнью. Но я полагаю, что тогда я попал бы к Богу“. Конунг спросил: „Почему ты захотел, чтобы мальчика назвали Магнусом? У нас в роду не было такого имени (Hví léztu sveininn Magnús heita? Ekki er þat vart ætt nafn)“. Сигват отвечает: „Я его так назвал в честь Карла <Великого. — Ф. У.> Магнуса конунга, а о нем я знаю, что он был лучшим человеком на всем белом свете (ek hét hann eptir Karla-Magnúsi konungi, þann víska ek mann baztan í heimi)“» [Нкр., II, 266—267].

Итак, перед нами подробное описание имянаречения ребенка в довольно сложной династической ситуации. Дело в том, что ребенок, о котором идет речь в процитированном фрагменте, со всей очевидностью является бастардом (ни один из исторических источников не позволяет усомниться в этом¹⁴), но в то же время он — единственный сын Олава Святого, а значит, и единственный наследник по вертикальной линии родства¹⁵. Снорри предоставляет в наше распоряжение уникальный материал, детально описывающий, как разрешалась эта династическая задача, хотя при анализе этого описания необходимо помнить, что оно сделано два века спустя и Снорри решал и свою собственную «литературно-историческую» задачу.

На уровне исторической фабулы с большей или меньшей уверенностью можно предположить следующее. Перед нами событие чрезвычайной важности: впервые после принятия христианства производится наречение сына конунга. Замечательно при этом, что этот сын оказывается бастардом (противопоставление законнорожденного и побочного ребенка становится настолько актуальным, как мы помним, именно с принятием христианства). Кроме того, как уже говорилось, Магнус будет первым, но далеко не последним бастардом на норвежском престоле.

На наших глазах происходит «рождение обычая» — сцепление случайных обстоятельств, сопутствующих появлению этого ребенка на свет, создает устойчивую модель, которая сыграет заметную роль в последующей норвежской истории. Участники этого первоначального события, видимо, вынуждены были действовать интуитивно, сообразуя по ходу дела требования разных традиций со сложившимися обстоятельствами. Что же это за обстоятельства?

Как бы ни относиться к изложенной выше версии Снорри, нам представляются достоверными следующие слагаемые этого события. Итак, в 1024 г. у конунга рождается единственный сын. Было бы естественно думать, что отец хотел видеть его своим наследником. Однако приближенные, по-видимому, ничего не знают наверняка о планах конунга относительно своего сына. Вполне вероятным представляется и то, что наречение ребенка по тем или иным причинам состоялось в отсутствие отца¹⁶. К тому же вся процедура наречения окрашена тем, что происходит при чрезвычайных обстоятельствах.

В этих чрезвычайных обстоятельствах приближенные конунга стремятся следовать определенным христианским нормам. Это означает прежде всего, что ребенок не должен умереть некрещеным¹⁷. В результате при крещении ребенок получает иностранное имя, которое, по-видимому, осознается как христианское.

Далее в саге обыгрывается факт противоречия христианской традиции и старой, династической традиции имянаречения: Олав, по версии Снорри, недоволен тем, что ребенок получил имя, не являющееся родовым (*ættnafn*), а значит, и лишен прав, связанных с принадлежностью к роду. Здесь же, в самом тексте саги, приводится и разрешение этого противоречия. Скальд остроумно объясняет конунгу, что ребенок получил хотя и не родовое, но определенно династическое имя, возводящее род Олава к роду Карла Великого и дающее ребенку потенциальное право на престол. Для Олава Святого, крестившего Норвегию и введшего ее, таким образом, в круг европейских христианских держав, было важно родство с европейскими монархами, родство, разумеется, не только реальное, биологическое, но и родство-преемственность, связывающее его с образцовыми монархами-христианами. Несомненно, фигура Карла Великого воспринималась как первый и главный из таких образцов.

Очевидно также, что Снорри как автору литературного произведения весь этот эпизод нужен не в последнюю очередь для того, чтобы продемонстрировать исключительную находчивость и просвещенность скальда.

Итак, отвлекаясь от того, насколько точно рассказ Снорри, составленный два века спустя, воспроизводит события, сопровождавшие рождение Магнуса, рассмотрим вполне определенные следствия этих событий. Складывается, видимо, новый механизм регуляции престолонаследия: во-первых, с этого времени более определенно различаются статус законнорожденного и бастарда, хотя в Скандинавии, как уже упоминалось, это различие еще долго не становится безусловным.

Во-вторых, задается возможность наречения бастарда иностранным именем, и в то же время поддерживается практика наречения потенциального наследника (в том числе и бастарда) династическим именем. Как уже говорилось, династическое имя в известном смысле расширяет границы исторической реальности: действительно, как человек Олав Святой, разумеется, не является родственником Карла Великого, но как христианский монарх он

состоит с ним в некотором легендарном династическом родстве. Представление о таком легендарном родстве христианских правителей существовало, по-видимому, у многих европейских народов Средневековья. Иногда (но вовсе не обязательно) оно воплощалось в составлении фиктивных, легендарных генеалогий, а иногда принимало форму своеобразного почитания кого-либо из иностранных государей¹⁸.

Имя Магнус удачным образом совмещает два начала: будучи иностранным (и, по-видимому, уже осознаваясь как христианское), оно является и престижным с династической точки зрения. Кроме того, это имя с самого начала давало пространство для сложной семантической игры. Первыми участниками этой игры стали Олав Святой и его ближайшее окружение. Впоследствии в нее оказываются втянутыми другие члены норвежской правящей династии, составители саг и генеалогий и, наконец, современные исследователи.

Дело в том, что элемент *Magnus* мог восприниматься и как эпитет при имени, и как личное имя. В качестве личного имени Магнус было именем, несомненно, христианским: так, известен епископ Магнус, погибший мученической смертью в III в. (см.: [Reg-soppattn 1947, 140], с указанием литературы на с. 185). День его смерти отмечался датской церковью 19 августа. Святой по имени Магнус («апостол баварцев»), умерший ок. 750 г., особенно почитался в Германии (день памяти — 6 сентября); имя Магнус, таким образом, присутствовало в древненемецком (в том числе и княжеском) именовании [DGP, 886]. Более того, конунг Магнус Олавссон, вопреки общепринятому мнению (см., например: [Lind 1905—1915, 756]), был отнюдь не первым скандинавом, носившим это имя. Существуют данные, что задолго до него (в X в.) это имя, по-видимому, было в ходу среди скандинавов в Лимерике (Ирландия), на Гебридских островах и острове Мэн. Так, в частности, звали одного из предводителей викингов, бывшего при англосаксонском короле Эдгаре в Честере в 973 г. (см.: [Bugge 1906, 279—280, DGP, 886; 151; Kahle 1909, 145; Koht 1916, 434; Keil 1931, 131, прим. 47]); под именем Магнус, возможно, упомянут некий скандинавский паломник IX в. (см.: [Reich., 10, № 152 (20)])¹⁹.

Однако для европейского Средневековья элемент Магнус ассоциируется именно с Карлом Великим (*Carolus Magnus*), причем и в составе его имени Магнус могло восприниматься и как второе

личное имя, и как династический эпитет; в разные периоды в разных европейских правящих домах актуализировалась то одна, то другая его функция (относительно Magnus в функции династического эпитета см., например: [Kienast 1967, 1—15]).

Современниками Олава Святого Магнус, по-видимому, воспринималось как второе личное имя императора Карла. В позднейшей скандинавской традиции восприятие элемента Магнус у Карла Великого как личного христианского имени только закрепляется. Следует учитывать, что во времена язычества граница между прозвищем и именем вообще была проницаемой: прозвище деда могло легко становиться личным именем внука (см.: [Storm 1893, 215—217]). Интересно, что имя Магнус в Скандинавии воспринимается не только как второе личное имя императора, но как имя, совершенно равноправное его первому имени — Карл²⁰. Все перечисленные выше обстоятельства делали имя Магнус еще более престижным для норвежской династии и ее подданных.

Разумеется, для последующей практики весьма значимым было и то, что «магия имени» оказалась действенной — Магнус Олавссон действительно стал королем Норвегии²¹. Именно в годы его правления норвежская династия добилась весьма значительных политических успехов. Норвегия стала самой могущественной державой на скандинавском полуострове, власть Магнуса Доброго распространялась на саму Норвегию, Данию и ряд скандинавских колоний. С тех пор как родился Магнус Добрый, его имя стало своего рода «подарком». Так, скальд Сигват, одарив Магнуса этим именем, получил от Олава Святого ответный дар — тот стал крестным отцом его дочери (см., например: [Flat., III, 240—241]). Сам Магнус Добрый впоследствии вознаграждает этим именем своего приближенного, Торстейна Хальссона, за верную службу (см.: [Msk., 142—143; Flat., III, 330]), и таким образом имя Магнус попадает в Исландию²². По нашему мнению, под непосредственным политическим влиянием Магнуса Доброго будущий датский конунг Свейн Астридссон²³ берет себе второе личное имя Магнус (см. ниже). Еще при жизни Магнуса Доброго этим именем был назван его племянник — законный сын Ульвхильд (дочери Олава Святого) и саксонского герцога Отто (см., например: [Flat., III, 283]). И, наконец, что для нас особенно важно, в следующих поколениях норвежские конунги «дарят» это имя своим побочным сыновьям, если хотят передать им династические права.

III

БАСТАРДЫ И САМОЗВАНЦЫ

(Признанные и непризнанные обладатели имени Магнус)

После смерти Олава Святого в 1030 г. в Норвегии наступает «эпоха бастардов на престоле». Целая вереница побочных сыновей один за другим получают по воле своих отцов королевскую власть. При таком положении дел наречение именем Магнус становится своего рода «десигнацией» для новорожденного: давая своему побочному ребенку это имя, правящий конунг как бы заявляет, что не только признает его своим сыном, но и хочет видеть его своим преемником²⁴. Как уже говорилось выше, сын Олава Святого оказался удачным образцом для решения такой династической задачи, причем образцовость Магнуса Доброго (Magnus inn góði), видимо, осознавалась и конунгами, дававшими своим побочным сыновьям такое имя, и народом, которым этим сыновьям предстояло править.

Итак, в XI—XII вв. на норвежском престоле побывало приблизительно 13 бастардов (Магнус Добрый, Магнус Харальдссон, Олав Тихий, Магнус Голоногий, Эйстейн Магнуссон, Сигурд Магнуссон (Крестоносец), Олав Магнуссон, Харальд Гилли, Магнус Слепой, Эйстейн Харальдссон, Сигурд Рот, Хакон Широкоплечий, Сверрир Магнус). Пятеро из них, как мы видим, носили интересующее нас имя Магнус²⁵. Столь частый повтор одного и того же имени в относительно короткий промежуток времени (ок. 170 лет) не имеет аналогий в скандинавских правящих династиях, другие династические имена повторяются здесь с несомненно меньшей частотой. Можно сказать, что имя Магнус стало своеобразным династическим именем для бастарда.

Первым после Магнуса Доброго это имя получает сын Харальда (Сурового) Сигурдарсона, взошедший на норвежский престол в 1066 г. Его отец был единоутробным братом Олава Святого и, соответственно, дядей Магнуса Доброго. Когда Магнус Добрый

уже правил страной, Харальд вернулся из Византии и заявил о своих правах. Магнус, согласно Снорри Стурлусону и другим источникам, добровольно разделил с ним власть, и они правили совместно до самой смерти Магнуса в 1047 г. С 1047 г. Харальд становится единовластным правителем Норвегии.

Как известно, Харальд был женат на дочери Ярослава Мудрого Елизавете (Эллисив древнескандинавских письменных источников), от которой имел двух дочерей. Кроме того, как сообщают источники, у него было два сына от некоей Торы: «Харальд конунг взял в жены Тору, дочь Торберга сына Арни, на следующую зиму после того, как умер конунг Магнус Добрый. У них было два сына. Старшего звали Магнус, другого Олав. У Харальда конунга и его жены Эллисив было две дочери. Одну звали Мария, другую — Ингигерд» (Haraldr konungr fekk Þóru Þorbergsdóttur Árnasonar inn næsta vetr eptir en Magnús konungr inn góði andaðisk. Þau áttu ii. sonu, hét inn ellri Magnús en annarr Óláfr. Haraldr konungr ok Ellisif drótning áttu dóetr ii., hét önnur Mária, en önnur Ingigerðr) [Нкр., III, 122].

Как мы видим, в тексте саги и Эллисив, и Тора, мать Магнуса, оказываются женами конунга. Однако из текста той же саги следует, что Эллисив и Тора были женами Харальда *о д н о в р е м е н н о*, что представляется едва ли возможным в рассматриваемый период²⁶. Как убедительно показала Т. Н. Джаксон, Тора в действительности «не была купленной за мунд (свадебный дар) женой Харальда, а была его наложницей» [Джаксон 1999, 70] (ср.: [Круг Земной 1980, 655, прим. 45]).

У Харальда не было других детей мужского пола, кроме упомянутых сыновей Торы. Старшему из них он дает имя Магнус. Со всей очевидностью Харальд хотел, чтобы он стал конунгом — именно его, в частности, он оставил править в Норвегии, отправляясь в свой последний поход в Англию, из которого ему уже не суждено было вернуться: «Харальд конунг, прежде чем уехать из Трандхейма, велел провозгласить конунгом своего сына Магнуса, и тот стал править Норвегией, когда Харальд конунг уехал. Тора дочь Торберга тоже осталась дома, а Эллисив конунгова жена поехала с ним и дочери ее Мария и Ингигерд. Олав сын Харальда конунга также уехал вместе с ним из страны» [Нкр., III, 195–196] (ср.: [Fask., 282]).

Давая будущему правителю Норвегии имя Магнус, Харальд, по-видимому, разрешил разом целый клубок проблем. Он стре-

мился, с одной стороны, предоставить своему незаконнорожденному сыну право на престол и, с другой стороны, укрепить в качестве династической свою ветвь рода в целом.

Есть основания полагать, что Харальд в данном случае сознательно повторял спонтанно возникший образец — поскольку его брат Олав назвал своего побочного сына Магнусом, а тот взошел на престол и благополучно правил, это дало Харальду возможность рассчитывать, что его собственный внебрачный сын, получив такое же имя, получит и такую же династическую судьбу²⁷.

В то же время подражание Олаву Святому имело значение для Харальда и с точки зрения подтверждения права на престол всей его родовой ветви. Дело в том, что происхождение самого Харальда Сурового делало его права на власть далеко не безупречными.

Вся норвежская династия претендовала на то, что восходит к Харальду Прекрасноволосому, правившему ок. 858—928 гг.²⁸ Не был исключением и интересующий нас конунг, названный, возможно, в честь самого основателя династии²⁹. Харальд Суровый был сыном Асты — матери Олава Святого³⁰ — и мелкого конунга в Восточной Норвегии по имени Сигурд Свинья. В свою очередь, Сигурд Свинья был внуком Сигурда Хриси (ср., например: [Ágr., 39; Fask., 216; Msk., 56; Flat., I, 28; Flat., III, 288]) — сына Харальда Прекрасноволосого от финки Снефрид³¹.

Рассказ о матери Сигурда Хриси — Снефрид дочери Сваси — в составе «Круга Земного» ([Hkr., I, 133—135]) несет на себе явный отпечаток вымысла, что позволяет предположить некоторую недостоверность этого генеалогического ряда (см.: [Bugge 1914, 28] и [Krag 1989, 289, 291] со ссылками на литературу). Обращает на себя внимание в этой связи и прозвище одного из Сигурдов — Хриси (hrísi), которое означает 'нагулок, побочный сын', букв. 'рожденный в зарослях, в лесу' (ср. hrísungr — одно из обозначений внебрачного ребенка в языке древнескандинавского права) [Lind 1920—1921, 157f.; Vries 1977, 257; Cleasby 1957, 286; Fritzner 1954, II, 60—61]³². По-видимому, такое происхождение как во времена Сигурда, так и во времена Харальда Сурового считалось темным и не слишком почетным³³. На протяжении всего своего правления Харальд Суровый акцентировал свою родовую связь с единоутробным братом Олавом Святым, а не со своим отцом — Сигурдом Свиньей³⁴. Существенно, что именно в годы правления Харальда Сурового расцветает культ Олава Святого.

При этом почти никто из многочисленных скальдов, прославлявших Харальда, не упоминает его отца и не говорит ни слова о его прямом родстве с Харальдом Прекрасноволосым [Bugge 1914, 28]³⁵.

Нарекая своего сына именем Магнус, Харальд, таким образом, уподоблялся Олаву Святому и подчеркивал тем самым связь и равенство собственного рода с родом единоутробного брата. Характерно, что непосредственно в честь Олава он назвал своего младшего побочного сына.

Можно сказать, что если с помощью имени Магнус он как бы установил «симметрию» между своей семейной ситуацией и семейной ситуацией Олава Святого, то, называя младшего сына Олавом, Харальд как бы подчеркнул преемственность по отношению к брату. Следует отметить, что имя младшего из bastardов к тому времени было одновременно как династическим, так и, несомненно, христианским, ведь его нарекли не просто в честь дяди, но в честь крестителя Норвегии и первого скандинавского святого.

Стремление воспроизвести однажды сложившуюся и оказавшуюся «удачной» династическую последовательность двигало, по видимому, и младшим сыном Харальда Сурового — Олавом Тихим. После смерти Харальда Сурового Олав Тихий сделался соправителем своего брата Магнуса Харальдссона, а после смерти последнего в 1069 г. правил страной до 1093 г.

«Семейное положение» Олава Тихого мало чем отличалось от положения большинства конунгов: «Конунг Норвегии Олав женился на Ингирид, дочери конунга датчан Свейна <...> У сына Харальда Олава, которого некоторые называют Олавом Тихим, а многие Олавом Бондом, был сын от Торы дочери Иоана. Он был назван Магнусом» (Óláfr Nóregs-konungr fekk Ingiríðar, dóttur Sveins Dana-konungs <...> Óláfr Haraldsson, er sumir kölluðu Ólaf kyrra, en margir Ólaf bónda, hann gat son við Þóru Jóansdóttur; sá var nefndr Magnús [Hkr., III, 229])³⁶.

Когда родился побочный сын Олава Тихого, модель, согласно которой бастарда-наследника называют Магнусом, уже успела обрести некоторую традиционность. Нареченные этим именем Магнус Олавссон (Добрый) и Магнус Харальдссон уже побывали на норвежском престоле. Таким образом, Олав называл ребенка и в честь своего родного брата, и, что особенно важно, в честь своего двоюродного.

В последней трети XI в. Олав Святой уже широко почитался не только в самой Скандинавии, но и за ее пределами, он уже воспринимался как патрон Норвегии³⁷, а его жизнь превратилась в своего рода династический образец для всех последующих конунгов. Давая мальчику имя Магнус, Олав Тихий воспроизводил династическую ситуацию времен Олава Святого не только на уровне имен, но и на уровне патронимов. Его сын — будущий конунг Магнус Голоногий — стал называться Магнусом Олавссоном, а его отца звали Олавом Харальдссоном. Таким образом, повторялась генеалогическая триада *Харальд — Олав — Магнус*³⁸, актуализирующая родовую связь с самим крестителем Норвегии (Олавом Харальдссоном (Святым)) и с его предком (Харальдом Гренландцем) и потомком (Магнусом Олавссоном (Добрым)).

С того времени, как Магнус Олавссон (Голоногий) взошел на престол, его имя окончательно утвердилось как «талисман», обеспечивающий право на престол побочному сыну конунга. Очевидно, в сознании норвежцев уже укрепилась мысль о том, что если правящий конунг дает своему сыну имя Магнус, он и в самом деле хочет сделать его своим наследником. В то же время Магнус Голоногий (как и Магнус, сын Харальда Сурового) не мог дать это имя ни одному из своих признанных внебрачных детей (при жизни отца было не принято давать сыну его имя)³⁹.

Между тем у Магнуса было, по крайней мере, три побочных сына: «Магнус конунг женился на Маргрете, дочери конунга шведов (*fekk Margrétar dróttningar*). <...> У Магнуса конунга уже до этого были дети, о которых известно. Одного его сына звали Эйстейн. Мать его была низкого рода (*var hans móðerni lítit*). Другого его сына звали Сигурд, он был на год младше. Мать его звали Тора. Третьего звали Олав. Он был намного моложе всех. Матерью его была Сигрид, дочь Сакси из Вика, знатного мужа в Грандхейме. Она была наложницей конунга (*hon var fríðla konungs*)» [Hkr., III, 255].

Не исключено, что ни один из сыновей Магнуса Голоногого не стал Магнусом⁴⁰ еще и потому, что отец не хотел выделять одного из них в качестве единственного наследника, а имя Магнус к тому времени, по-видимому, уже определенно ассоциировалось с актом своеобразной «десигнации», с объявлением его носителя прямым и непосредственным преемником.

Три бастарда получили династические имена, которые могли бы получить и законные дети конунга; вероятно, эти имена служили выражением воли их отца, желавшего передать власть всем сыновьям и разделить страну между ними (ср. начало «Саги о сыновьях Магнуса Голоногого» в «Круге Земном» [Нкг., III, 267] или [Fask., 328]). Замысел Магнуса Голоногого удался лишь отчасти — династические имена сыграли свою роль, и все три сына поочередно побывали на норвежском престоле.

С тех пор имя Магнус использовалось в «канонической» династической практике (когда отец-конунг сам называет так своего потенциального преемника) еще один раз — Сигурд (Крестоносец) Магнуссон называет так своего побочного сына, будущего конунга Магнуса Слепого, родившегося в 1115 г.: «Боргхильд дочь Олава слышала, что о ее беседах и дружбе с Эйстейном конунгом ходит дурная слава. Она отправилась в Сарпсборг, попостилась, как полагается перед испытанием раскаленным железом, пронесла его и совершенно очистилась от обвинений. Услышав об этом, Сигурд конунг проехал за один день расстояние, которое обычно проезжали за два, приехал к Олаву в Долине и заночевал там. Он сделал Боргхильд своей наложницей и увез ее с собой (Dá tók hann Borghildi frillu-taki ok hafði hana brot með sér). Их сыном был Магнус» [Нкг., III, 289]⁴¹.

Зато это имя немедленно подхватывается множеством разнообразных самозванцев, объявлявших себя побочными детьми конунгов и верившими, что оно — в силу устоявшейся традиции — принесет успех их предпрятию.

Итак, как мы могли видеть, норвежская история XI—XII вв. отличается редким изобилием незаконнорожденных сыновей конунгов на престоле⁴². Тем не менее, невозможно утверждать, что в Скандинавии в ту пору сохранялся нетронутым архаический порядок наследования, слабо различающий законных жен и наложниц, законных сыновей и бастардов.

Архаическое норвежское законодательство предполагало существование трех разрядов незаконнорожденных детей — речь в нем идет, во-первых, о детях, рожденных свободными родителями, не состоящими в браке, но открыто живущими вместе (*hornungr*), во-вторых, о рожденных свободными людьми, состоящими в тайной связи (*hrísungr*), и, в-третьих, о детях, рожденных от свободного

и рабыни (*býborin(n) sonr/dóttir*) [KLNМ, XIII, 67–76; Maurer 1883, 4–19; Karras 1990, 146–149, 159–160].

Исходно права незаконнорожденных, принадлежавших к первым двум разрядам, несущественно отличались от прав законных детей, тогда как ребенок, рожденный от рабыни, обладал минимальными родовыми правами. Благодаря церковным установлениям понятие законного рождения было резко противопоставлено понятию незаконнорожденности, а противопоставление между разными разрядами побочных детей стиралось [Maurer 1883, 60; Karras 1990, 148]. В некотором смысле, с точки зрения церкви положение любого побочного ребенка соответствовало тому положению, которое в архаической системе занимал ребенок, рожденный от рабыни.

В новой, пришедшей с христианством, системе семейных отношений незаконное рождение воспринималось гораздо более негативно, однако для незаконнорожденных детей в рамках церковной традиции предусматривалась особая ниша — парадоксальным образом, именно эти дети нередко предназначались для духовного звания. Разумеется, архаическая система распределения прав между детьми, рожденными в браке, и разного рода детьми, рожденными вне брака, не исчезает бесследно. Еще долго в сознании людей бастард, признанный своим отцом, пользуется большими преимуществами, а тайно рожденный от свободной женщины выше рожденного от рабыни.

Реликты этой архаической системы порождают разнообразные возможности для политической игры. Как мы видим, взаимодействие старой и новой систем семейно-правовых отношений сыграло огромную роль в истории норвежской династии. Так или иначе, противопоставление законного и незаконного рождения прочно вошло в обиход, и передача всех прав и полномочий побочному ребенку не могла, по-видимому, не восприниматься как отклонение от нормы.

Исключительно показательны в связи с обсуждаемой здесь проблематикой высказывание автора саги о потомках Харальда Гилли, у которого были как побочные, так и законные дети: «В то время Норвегией правили сыновья Харальда Гилли. Эйстейн <побочный сын. — Ф. У.> был старшим из них, но Инги был законнорожденным, и лендрманы оказывали ему больший почет» (*Í þann tíma réðu synir Haralds gilla í Nóregi. Var Eysteinn þeira ellstr,*

en Ingi var skilgetinn, ok höfðu lendir menn á honum mestar virðingar) [Orkn., 193; Flat., II, 472]. В Скандинавии побочный ребенок никогда не становится изгоем, но с момента принятия христианства правовые преимущества отчетливо смещаются в сторону законно-рожденных детей⁴³. В такой ситуации «эпоха бастардов», начавшаяся с Магнуса Доброго, когда незаконнорожденные дети один за другим занимали норвежский трон, видимо, не могла не расшатать сам принцип легитимности наследования престола.

Эпоха бастардов, получавших свою власть от отца, сменилась эпохой смут и гражданских войн, когда на престол претендовали самозванцы и каждый из них объявлял себя побочным сыном конунга. Замечательно, что имя Магнус оказалось значимым, «пригодилось» и в этот период.

В эпоху бастардов побочное происхождение наследника престола, как правило, не скрывалось, но, разумеется, и не подчеркивалось. Единжды признав своего сына и каким-либо образом закрепив его права на престол, конунг навсегда снимал вопрос о его происхождении. Современники как бы «забывали» о его происхождении. Исследователь в целом ряде случаев должен сопоставить несколько источников, чтобы понять, законным или побочным ребенком является то или иное историческое лицо (ср., например, рассмотренный выше эпизод с детьми Харальда Сурового). Можно сказать, что незаконное происхождение для наследования было допустимым, но законное было предпочтительным.

В эпоху самозванцев стратегия претендентов на престол в этом отношении претерпевает существенный сдвиг или существенное смещение акцентов. По-видимому, в эту эпоху в последний раз актуализируется архаический принцип наследования, когда побочные дети претендуют на те же права, что и законные. Самозванец в Норвегии всячески декларирует и активно эксплуатирует именно незаконность своего происхождения, с обликом самозванца здесь прочно связана маска незаконного сына. Несомненно, этому способствовала сравнительная толерантность социума в вопросах законного брака и законного рождения.

Видимо, в подобной ситуации решающую роль играла воля отца — признавал ли он своего сына и какую участь ему готовил. А как мы помним, если речь шла о королевском роде, наречение именем Магнус означало одновременно и признание отцом, и «избранность». Называя так побочного сына, отец как бы не просто

признавал его, но выделял среди всех побочных детей (если их было несколько) и стремился закрепить за ним право на власть.

Имя Магнус так «пригодилось» в эпоху гражданских смут, потому что связывало претендента с королевским родом и потому что выделяло его среди других претендентов. Не случайно многие самозванцы меняют свое первоначальное имя на имя Магнус или берут его в качестве второго имени.

Претендент, объявившийся после смерти того конунга, чьим сыном он себя называл, мог быть с точки зрения архаического скандинавского права в лучшем случае *hþisung'*ом (ребенком, рожденным в тайной связи со свободной женщиной). Называя себя Магнусом, он в определенном смысле пытался приблизиться к статусу бастарда, рожденного в открытой связи со свободной женщиной (*hornungr*). Хотя с принятием христианства правовые различия между этими статусами постепенно стираются, в сознании людей они еще долго играют немалую роль.

По-видимому, к началу XII в. имя Магнус сделалось особенным, «чудесным» — оно распространилось с невероятной быстротой в течение одного столетия, его носила целая череда королевей-бастардов, и, наконец, оно устойчиво связывалось со св. Олавом, к концу века окончательно превратившимся в единоличного патрона Норвегии. Имя Магнус осознавалось как королевское — было известно, что оно принадлежало многим снискавшим славу конунгам.

Но за этими многими всегда отчетливо просматривался единственный, первоначальный образец: Олав Святой и его сын Магнус Добрый. Каждый новый Магнус, обладавший престолом или претендовавший на него, мыслил себя некоторым образом как сын Олава Святого, подобно тому как норвежская корона, с тех пор как коронация вошла в обычай, принадлежала Олаву Святому — «вечному королю Норвегии» (*rex perpetuus Norvegiae*), — а каждый следующий конунг считал себя вассалом Олава и как бы получал ее в лен на годы своего правления.

Едва ли не самым ярким примером такого «воплощения» является знаменитый конунг Сверрир. Человек, до некоторых пор известный как сын гребенщика Унаса с Фарерских островов, готовившийся к духовной карьере, решил претендовать на норвежский престол и объявил себя побочным сыном конунга Сигурда Рта (1136—1155).

Приступая к исполнению своего замысла, он взял себе второе имя Магнус, или — по версии Саксона Грамматика — сменил свое имя на имя Магнус⁴⁴. Согласно саге, написанной по прямому заказу Сверрира, это имя было дано ему самим св. Олавом, явившимся Сверриру во сне⁴⁵. Характерно, что в саге не просто актуализируется связь претендента на престол с Олавом Святым, но и воспроизводится мотив крещения и сопутствующего ему именнаяречения сына Олава — Магнуса Доброго.

«Сверрир так рассказал о сне, который однажды ему приснился. Ему привиделось, что он приехал в Норвегию с запада из-за моря, чтобы получить какой-то сан, и он думал, что избран епископом. Но в стране, как ему виделось, было большое немирье из-за распри между конунгами, конунг Олав Святой боролся против Магнуса конунга и Эрлинга ярла, и Сверрир колебался, к кому из них примкнуть. Он решил, что лучше поехать к Олаву конунгу, и когда он явился к нему, его там очень хорошо и дружелюбно приняли. После того как он недолго там пробыл, однажды утром, как ему снилось, при конунге было мало людей, не больше пятнадцати или шестнадцати, и конунг умывался у столика в опочивальне. Когда он умылся, другой человек подошел к столу и хотел умыться в той самой воде, в которой умылся конунг. Но конунг оттолкнул его рукой, не позволяя ему этого. Затем он назвал Сверрира Магнусом и велел ему умыться в этой воде (*Síðan næfndi hann Svægti Magnus oc bað hann þva ser í því sama vatni*). Тот сделал, как ему велел конунг...» *<Затем св. Олав взял щит, которым он намеревался защитить своих соратников, вручил Сверриру свой боевой знак и меч, обратившись к нему как к «государю» (herga), и они вместе отправились в бой>* [Sv., 4–5; Flat., II, 537].

Важно отметить, что перед нами первый пример саги, написанной по непосредственному заказу конунга. Она представляет собой некую квинтэссенцию «идеологической программы» Сверрира. Называя себя побочным сыном конунга Сигурда, он одновременно провозглашает себя как бы династическим сыном и наследником Олава Святого.

Разумеется, он не выдает себя буквальным образом за Магнуса Доброго, сына Олава Святого, но он стремится отождествить в сознании людей права Магнуса Доброго и свои собственные династические права. Не случайно в сне Сверрира его противник Магнус Эрлингссон оказывается противником и самого Олава Святого.

С тех пор, как Харальд Прекрасноволосый предпринял попытку установить в Норвегии единовластие, отказавшись от раздела страны между всеми своими сыновьями, поддержка и одобрение народа приобрели особую значимость. Зачастую именно от нее зависело, кто именно из потомков конунга станет его единственным преемником⁴⁶. К концу XII в. правление Олава Святого, крестителя Норвегии, стало легендарным. Тот факт, что его единственный наследник и преемник был рожден вне брака, в известном смысле санкционирует притязания незаконнорожденного на престол. Бастардам, официально признанным своими отцами при рождении (таким, как сыновья Харальда Сурового и Олава Тихого), подобная историческая санкция была необходима. Но насколько нужнее она была человеку, который сам объявил себя побочным сыном конунга и который постоянно был вынужден доказывать, что его происхождение давало ему право на престол!

Сверрир вновь и вновь обращается к временам царствования Олава Святого и Магнуса Доброго, причем больше всего его интересует, по-видимому, правовой уклад той эпохи. Именно в «древнем» праве он надеется найти основу для своих притязаний: «Конунг всегда ссылался на законы, установленные конунгом Олавом Святым, и книгу законов трендов, которая называется Серый Гусь и которую велел написать Магнус Добрый сын Олава. А архиепископ говорил, что надо следовать книге Золотое Перо, которую велел написать архиепископ Эйстейн» [Sv., 122]. Или ср. еще: «Затем Сверрир конунг стал держать речь. Он сказал, что охотно бы помирился с Магнусом конунгом и в стране был бы тогда мир. Он предлагал разделить страну на две равные части, так чтобы они оба были конунгами, как в свое время были сыновья Магнуса Голоногого или сыновья Харальда Гилли. Он сказал, что, с тех пор как конунг Магнус Добрый поделил страну пополам с братом своего отца Харальдом, в Норвегии часто бывали провозглашены одновременно два конунга, а иногда и больше, и он сказал, что они вполне могли бы сделать то, что другие делали до них» [Sv., 66)]⁴⁷.

Как кажется, не случайно Сверрир, обращаясь к своим воинам, называл их «людьми св. Олава» [Sv., 175] (см.: [Paasche 1948, 246]). Прямое обращение к легендарному образцу, отождествление с Магнусом Добрым как бы «через голову» всех предшественников на престоле, по-видимому, позволяло Сверриру утверждать, что он как никто другой обладает правом на это имя.

Взяв себе второе имя, Сверрир создал ситуацию, в рамках которой норвежский престол оспаривали одновременно два Магнуса — Сверрир-Магнус и царствующий конунг Магнус Эрлингссон. Сверрир утверждает, что самим своим происхождением он как бы больше соответствует имени Магнус, чем его соперник и тезка, который был рожден в законном браке, но принадлежал к королевскому роду лишь по материнской линии: «ибо никогда не случилось в Норвегии, чтобы тот, кто не сын конунга, был назван конунгом до того как ты был назван им, Магнус конунг» (*þvi at þat varþ en allðri fytt i Noregi at sa vœri konungr callaðr er eigi var konungs son, en þu Magnus konungr*) [Sv., 68] (ср. *þat vard enn allðri fytt i Noregi er eigi var konungr konungsson fytt en þu Magnus konungr* [Flat., II, 590]).

«Историческая аналогия» с временем Олава Святого и Магнуса Доброго, с временем легендарных образцов, выгодна Сверриру еще и потому, что, хотя традиция рассматривает Магнуса Доброго как естественного преемника Олава Святого, он стал править Норвегией не сразу после смерти отца. Как известно, Магнус Добрый был призван на престол, чтобы избавиться от датского конунга Свейна (сына Кнута Могучего), получившего власть над Норвегией после гибели Олава Святого. Таким образом, формировалась параллель между двумя бастардами — Магнусом Добрым и Сверриром Магнусом, естественными наследниками, вытесняющими с престола узурпаторов.

Итак, важной составляющей стратегии Сверрира является утверждение, что он истинный Магнус, отмеченный самим Олавом Святым, патроном Норвегии. Уже сделавшись конунгом, он активно использует свое второе имя, всякий раз употребляя его в надписях на монетах и печатях: так, по сообщению английского хрониста Уильяма из Ньюберга, современника Сверрира, на печати Сверрира было начертано *Suegus rex Magnus, fergus ut leo, mitis ut agnus* («Король Сверрир-Магнус, яростный, как лев, кроткий, как агнец») [HRA, 232]. Известны и другие надписи на его монетах и печатях (*REX SVERVVS MAGNVVS, REX MAGNVVS SVERRV(S)*) [Holst 1936, 111, 109]). Этими двумя именами (*Sverrir Magnus konungr*) он скреплял государственные акты и документы (см.: [Koht 1952, 74–76]).

Замечательно, что при Сверрире имя Магнус вновь, как во времена Магнуса Доброго, приобретает определенную новизну. Повидимому, вновь актуализируется его связь с титулом «Великий».

К концу XII в., как мы помним, Магнус в качестве личного имени было распространено и укоренено в Скандинавии. Не говоря о пяти царствовавших конунгах по имени Магнус⁴⁸, это имя носили люди, принадлежавшие к самым разным социальным группам. К этому времени уже появился собственный скандинавский святой — мученик, оркнейский ярл Магнус Эрлендссон (ум. в 1115, перенесение мощей в 1136, празднование 16 апреля).

Хотя в Скандинавии имя Магнус, безусловно, воспринималось как имя собственное, скандинавы не могли не столкнуться с обще-европейской практикой использования этого элемента в качестве приименного эпитета у правителя (ср.: [Kienast 1967]). То обстоятельство, что Сверрир взял себе это имя в качестве второго и, по-видимому, стал пользоваться обоими одновременно, несомненно, усилило связь имени и приименного эпитета⁴⁹.

Не исключено, что в некоторых источниках отражается семантическая игра, позволяющая одновременно называть конунга и Сверрир-Магнус и Сверрир Великий. Следующие примеры из «Книги с Плоского Острова» допускают такое прочтение: «Сверрир magnus прибыл в Норвегию» (Sverrir magnus kom i Noreg [Flat., III, 517, sub anno 1177]); «Сигурд Рот, его сын Сверрир magnus <...> Сверрир magnus и многие лжеконунги в его дни» (...Sigurdr munng, hans son Sverrir magnus <...> þa Sverrir magnus ok margr lygikonungr vm hans daga [Flat., I, 28])⁵⁰.

Интересно, что Сверрир не однажды использует разнообразные возможности, предоставляемые двойным именованием. Так, собственного старшего сына он называет в честь своего отца, причем с некоторого момента у Сверрира, как у самозваного претендента на престол, парадоксальным образом оказывается как бы два отца — конунг Сигурд Рот и гребенщик Унас, один из них был всем известен как отец Сверрира до того, как тот встал на путь претендента на королевский престол, а другого он объявил своим отцом сам.

Соответственно, сын Сверрира получает два имени — Унас и Сигурд. Сигурд — исконно династическое имя норвежских конунгов, известное с дохристианской эпохи; именно под этим именем (Сигурд Лавард) сын Сверрира фигурирует в сагах. Напротив, его первое имя, Унас, известно лишь из сочинения Саксона Грамматика, который говорит о том, что тот прежде носил имя Унас и лишь впоследствии был назван Сигурдом (см.: [Сахо, II, 502]).

Идеологическая стратегия, избранная Сверриром, в полной мере доказала свою эффективность. В сущности, эта стратегия нам так хорошо известна, прежде всего, потому, что благодаря ей Сверрир стал конунгом Норвегии, имеющим власть чеканить монеты, скреплять документы своей собственной печатью и заказывать о себе саги. При этом Сверрир-Магнус, с одной стороны, фигура уникальная, а с другой стороны, явление в некотором смысле типическое.

В самом деле, ему одному удалось достичь той цели, к которой стремились множество самозванцев — получить власть над всей Норвегией. Будучи по происхождению «высочкой», фигурой, идущей наперекор легитимной королевской власти, Сверрир, как мы видели, по своим идеологическим установкам оказывается в большей степени архаистом, чем новатором. Он апеллирует к династической ситуации, обретшей к его времени ореол почти героической древности.

В то же время в Сверрире воплотился своего рода обобщенный образ самозванца той эпохи⁵¹. Готовясь к духовной карьере, он объявляет себя побочным сыном конунга, обретает сторонников, берет себе имя Магнус и вступает в борьбу за власть, то есть делает все то, что проделывали и многие другие самозванцы, но, в отличие от них, добивается желаемой цели.

Многие самозванцы, до и после Сверрира следовавшие тем же путем, оказались менее удачливы. Так, например, в «Саге о Хаконе Старом» рассказывается о некоем священнике, которого звали Бенедикт, но все его называли Бене (prestr sa... er Benedict het hann var kalladr Bene...) (в некоторых источниках он фигурирует как Beini [Lind 1905—1915, 121])⁵². Он объявил себя побочным сыном конунга, собрал людей, поверивших ему, и заявил о своих притязаниях на власть. В саге, между прочим, сказано, что, пустив слух о своем происхождении от Магнуса Эрлингссона, Бене «изменил имя и объявил, что зовется Магнус в честь своего отца» (Hann sneri nafni sinu ok kuez heita Magnus eftir fedr sinum) [Flat., III, 25—26]. Предприятие этого священника-самозванца окончилось провалом, а сам Бенедикт-Магнус погиб в 1222 г.

Из духовного звания, вероятно, происходили и многие другие самозванцы. Любопытно, что, с одной стороны, действительно существовал обычай, согласно которому побочным детям знатных особ была уготована духовная карьера⁵³, а с другой стороны, из

среды низшего духовенства зачастую выходили самозванцы, пытавшиеся объявить себя побочными детьми конунга. Предназначенность для духовной карьеры иногда была запечатлена в их именах и прозвищах: о значении кельтского имени Харальда Гилли нам уже приходилось говорить выше (см. прим. 8)⁵⁴, а прозвище Сигурда Слембидьякона, его убийцы, достаточно выразительно говорит само за себя⁵⁵.

По-видимому, с общепринятой точки зрения у человека, объявившего себя побочным сыном конунга, должно было быть или исконное, но династическое имя, или имя христианское. По крайней мере, известны эпизоды, когда сторонники самозванца называют его христианским именем, а противники — нединастическим, исконным: ср. «В городе был человек, которого звали Петр. Берестенники называли его отцом человека, которого звали Орм, а материю Астрид Стейк. Они говорили, что этого самого Орма кукольщики называли Йоном сыном Инги и своим конунгом» [Sv., 117].

Что касается имени Магнус, то, разумеется, далеко не все самозванцы, объявлявшие себя побочными детьми конунга, использовали ту же модель, что конунг Сверрир и священник Бенедикт. Однако известен, по крайней мере, еще один самозванец, называвший себя Магнусом; впоследствии он принадлежал к той же партии мятежников, что и священник Бенедикт-Магнус, но был также убит в самом начале своего предприятия (см.: [Flat., III, 97]). Не исключено также, что самозванцем, выдававшим себя за побочного сына конунга Магнуса Голоногого, был Магнус Рыжий (Magnus gaudí) [Fask., 389], о котором не сохранилось почти никаких сведений.

Статус же побочного сына был самым универсальным орудием для самозванца: практически все самозванцы XII—XIII вв., о жизни которых сохранились сколько-нибудь подробные сведения, объявляли себя побочными сыновьями конунга. Порой складывается впечатление, что у человека, однажды примерившего эту маску бастарда, как бы не оставалось другого выхода, как вступить в политическую борьбу и начать вербовать сторонников. Так, согласно саге, уже упоминавшийся священник Бенедикт сперва едва ли не в шутку объявил себя сыном Магнуса Эрлингссона [Flat., III, 25].

В этот период претенденту на престол, по-видимому, было гораздо выгоднее оказаться внебрачным потомком конунга, чем рожденным в законном браке, но связанным с королевским родом

лишь по женской линии⁵⁶. Потомок конунга по женской линии, вероятно, не мог не осознавать, что в глазах подданных он обладает меньшими правами, чем бастард (подробнее об этом мы скажем ниже). В ситуации борьбы за власть потомок по женской линии был вынужден изыскивать дополнительные средства для утверждения своих династических прав — в частности, он мог имитировать модель поведения бастарда.

IV

БАСТАРДЫ И «МАМЕНЬКИНЫ СЫНКИ»

(Магнус Эрлингссон и Свейн-Магнус Астридссон)

Итак, мы видели, что в эпоху бастардов и самозванцев имя Магнус стало обычным и освященным традицией средством для подкрепления прав на престол в том случае, если претендент по тем или иным причинам нуждался в подобном подкреплении. Чаще всего оно использовалось, чтобы закрепить династические права бастарда, причем бастард мог получить его непосредственно от отца-конунга (если был официально признан им при рождении) или присвоить его себе сам, если решил претендовать на престол и подчеркнуть свое происхождение от конунга, будучи уже взрослым.

Во всяком случае имя Магнус, по-видимому, прочно ассоциировалось с «удачливым» бастардом — бастардом на троне. Оно стало своего рода династическим именем со специфической функцией. К определенному периоду бастард на троне сделался фигурой привычной и (в силу этой же привычности) хотя бы отчасти легитимной⁵⁷. Время от времени в Скандинавии, как уже упоминалось, появлялись претенденты на престол, чьи права были более сомнительны, чем у бастардов, хотя они и были рождены в законном браке и их принадлежность к королевскому роду не вызывала никаких сомнений.

Речь идет в данном случае о людях, принадлежавших к королевскому роду лишь по женской линии. Таков был норвежский правитель Магнус Эрлингссон (1162—1184), сын Кристин — дочери конунга Сигурда Крестоносца и сестры другого конунга, Магнуса Слепого; таков был и конунг Свейн Астридссон, взошедший на датский престол в 1047 г.

Магнус Эрлингссон, как известно, был конунгом Норвегии, когда Сверрир-Магнус объявил о своих притязаниях на власть. Можно сказать, что успех Сверрира, да и само возникновение такого претендента хотя бы отчасти было спровоцировано неле-

гитимным происхождением правящего конунга (ср. «то, что Вы говорите мне, будто я не могу быть конунгом Норвегии, мог бы также я сказать Вам, если бы я помирился с Вами, поделившись отчим наследством, ибо никогда не случалось в Норвегии, чтобы тот, кто не сын конунга, был назван конунгом до того, как ты был назван им, Магнус конунг» [Sv., 68]). Произносятся эти слова, Сверрир опираясь, по-видимому, на закон, традиционно приписываемый в сагах Олаву Святому: «тот есть действительный конунг Норвегии, кто является сыном конунга, а не сыном дочери конунга или сыном сестры конунга» (saa einn er retrr konungr i Noregi er konungssun er enn eigi dottursun edr systursun konunga) [Flat., III, 8].

Таким образом, позиция человека, связанного с королевским родом лишь по женской линии, заведомо уязвима: человеку, объявившему себя побочным сыном конунга, можно верить или не верить и в зависимости от этого считаться или не считаться с его притязаниями на власть⁵⁸. Права же законнорожденного родственника конунга по женской линии в любом случае «дефектны».

Это неполноправие потомков по женской линии, видимо, осознавалось как древнее, исконное и непреложное установление. Недаром закон, согласно которому «каждый его <Харальда Прекрасноволосого. — Ф. У.> потомок по мужской линии должен носить сан конунга, а если он происходит по женской линии, то сан ярла» (hans ættmenn skyldi hverr konungdóm taka eptir sinn föður, en jarldóm sá, er kvensifr væri af hans ætt kominn [Hkr., I, 147–148]), сага приписывает основателю норвежской династии Харальду Прекрасноволосому (X в.)⁵⁹.

Интересно, что права побочного ребенка — будь он сыном конунга или простолюдина — безусловно «дефектны» прежде всего в том новом правовом пространстве, которое формируется христианской культурой и которое не могло не оказывать влияния на Скандинавию XI–XIII вв. В то же время, в рамках местной правовой традиции побочные дети, как уже говорилось, не слишком сильно отличались от законнорожденных (ср.: [Hoffmann 1976, 28]).

С точки зрения церкви, бастард, теоретически говоря, не должен был наследовать престол, но традиция делала это вполне допустимым. Между тем права потомка по женской линии ничем специальным образом не противоречили церковным установлениям, но при этом отвергались традицией.

Таким образом, в условиях взаимодействия двух правовых культур и права бастарда, и права королевского потомка по женской линии были в определенном смысле ущербны, хотя преимущество здесь явным образом оставалось на стороне бастарда. До тех пор пока в стране отсутствовали законы о престолонаследии, соответствующие новой христианской эпохе (а вернее, до тех пор пока эти законы не обросли традицией и не превратились в общепринятый порядок престолонаследия), династическая регуляция оставалась делом сложным, зависящим от целого ряда подчас случайных обстоятельств.

Существенный перелом в пользу законнорожденных наследников в Норвегии совершается, на наш взгляд, в середине XIII в. при конунге Хаконе Старом⁶⁰. В период его правления явно идет на убыль число самозванцев, претендующих на норвежский престол, правящему конунгу удается успешно с ними бороться и передать власть своему законному сыну.

Показательно в этом отношении публичное заявление конунга Хакона о том, что «никогда его потомки не унаследуют Норвегии, кроме того одного, кто будет происходить из рода королевы Маргареты» [Flat., III, 116]. Королева Маргарета — законная жена Хакона Старого, и следовательно, он берет и на себя обязательство в конце концов передать всю полноту власти своему законнорожденному сыну (хотя у самого Хакона были к этому времени другие, побочные, сыновья)⁶¹. В то же время, Маргарета — дочь герцога Скули, который в этот период вел политическую борьбу против Хакона, пытаясь закрепить престол за своим побочным сыном по имени Петр. Своим заявлением Хакон заодно декларирует, что если у рода герцога Скули и есть какие-либо права на власть, то они могут быть реализованы не иначе, как через Маргарету.

Таким образом, Хакон решает три столь значимые для нас династические задачи: разделение прав между законными и побочными детьми, устранение сомнительных претендентов и проблему наследования по женской линии.

Норвегию после Хакона действительно наследует его собственный сын от законной жены, королевы Маргареты⁶². Для нас весьма существенно, что Хакон называет этого законнорожденного ребенка именем Магнус. Можно считать, что с тех пор оно утра-

чивает все свои специфические функции и становится обычным династическим именем.

Однако нас интересует тот период до правления Хакона Старого, когда это имя в течение двух с половиной веков служило удобным средством для того, чтобы в известном смысле компенсировать дефектность, некоторую неполноценность происхождения. Это касалось не только побочных сыновей конунгов, судьбы которых рассматривались выше, но и королевских потомков по женской линии.

Мы ничего не знаем об обстоятельствах имянаречения Магнуса Эрлингссона. Не исключено, что это имя было дано с некоторым расчетом и отражает попытку повлиять на династическую судьбу его обладателя. В отсутствие прямых наследников, происхождение Магнуса, а, возможно, отчасти и его имя⁶³ в действительности сыграли решающую роль при избрании его конунгом: «Тогда спросили у Николаса сына Скьяльдвер, племянника конунга Магнуса Голоногого, не возьмется ли он быть предводителем войска. Николас ответил, что, по его мнению, надо провозгласить конунгом того, кто происходит из рода конунгов (*af konungaætt væri kominn*), а предводителем войска сделать того, у кого можно ожидать достаточно ума для этого. Тогда будет и войско легче собрать. Спросили у Арни, отчима конунга, не позволит ли он провозгласить конунгом кого-нибудь из своих сыновей, братьев Инги конунга. Тот ответил, что сын Кристин, племянник Сигурда конунга <Сигурда Рта. — Ф. У.>, по своему происхождению имеет всего больше права быть конунгом в Норвегии (*væri bezt ættborinn til konundóms í Nóregi*)» [Нкр., III, 433].

Уже будучи избран конунгом, Магнус Эрлингссон, очевидно, ощущал некоторый недостаток легитимности своей власти. Надо полагать, этот личный недостаток лишь усугублялся общим дефицитом легитимности королевской власти. Определенный кризис возник из-за череды бастардов на престоле и из-за практики разделения страны между несколькими конунгами, начавшейся еще с сыновей Магнуса Голоногого. Этот кризис, несомненно, лишь обострился из-за претензий многочисленных самозванцев.

В попытках легитимизации Магнус Эрлингссон и его сторонники стремились использовать инокультурные образцы, в особенности те, где королевская власть санкционировалась церковью. Необходимо напомнить в этой связи, что Магнус Эрлингссон

был первым коронованным и помазанным конунгом в Скандинавии⁶⁴.

При этом приближенные Магнуса всячески подчеркивали и эксплуатировали тот факт, что и сам Магнус рожден в законном браке, и его мать была законной дочерью конунга, понимая, однако, что это обстоятельство само по себе не уравнивает его в глазах народа с побочным сыном конунга. Ср. «Эйстейн архиепископ и Эрлинг Кривой часто беседовали друг с другом с глазу на глаз. <Эрлинг, отец Магнуса, спрашивает, соответствует ли увеличение подати, которое предпринял архиепископ, закону Олава Святого>. Архиепископ говорит: „Когда Олав Святой давал свои законы, он получал согласие и одобрение всего народа. Но в его законах не говорится, что запрещено приумножать права Бога“. Эрлинг отвечает: „Если Вы хотите приумножить Ваши права, то Вы, конечно, поможете нам также приумножить права конунга“. Архиепископ отвечает: „Ты уже раньше возвысил сан и власть твоего сына (aukit hefir þú nú áðr með gnógu nafn ok ríki sonar þíns). И если я противозаконно взял с трендов более высокую подать, то, как я полагаю, ты больше нарушил закон, поскольку тот теперь правит страной, кто не сын конунга (er sá er konungr yfir landi, er eigi er konungs sonr). А это противозаконно и беспримерно здесь в стране“. Эрлинг говорит: „Когда Магнус был провозглашен конунгом норвежской державы, то это было сделано с Вашего ведома и по совету Вашему и других епископов страны“»⁶⁵. <Эрлинг уговаривает архиепископа поддержать власть конунга и укрепить его права>: «Если Магнус не так провозглашен конунгом, как исстари было в обычае здесь в стране, то в Вашей власти дать ему корону и в согласии с Божьим законом помазать его на царство (at smúgja konung til veldis). И хотя я не конунг и не из рода конунгов, большинство конунгов на нашей памяти не так хорошо разбиралось в законах и правах, как я. Но мать Магнуса конунга — дочь конунга и его законной жены (en móðir Magnús konungs er konungs dóttir ok drótningar skilfengin). Так что Магнус законнорожденный сын дочери конунга (Magnús er ok drótningar sonr ok eiginkonu sonr). И если Вы помажете его в конунги, то никто потом не сможет оспаривать его сан (En ef þér vilið gefa honum konungs-vígslu, þá má engi hann taka síðan af konungdóminum at réttu). Вильяльм Незаконнорожденный (Viljálmr bastardr)⁶⁶ не был сыном конунга, однако он был посвящен и коронован (vígðr ok

kórópaðr) в конунги Англии, и с тех пор сан конунга сохраняется в его роде в Англии, и все его потомки были коронованы. Свейн, сын Ульва, в Дании тоже не был сыном конунга, однако он был коронован (kórópaðr), и с тех пор его сыновья и их потомки один за другим были коронованы⁶⁷. Здесь в стране есть теперь архиепископ. Это высокая честь и слава нашей стране. Так приумножим их. Пусть у нас будет коронованный конунг (konung kórópaðan), как у англичан или датчан» [Нкг., III, 461–464].

Единственный пункт, по которому потомок по женской линии мог быть с выгодой для себя противопоставлен бастарду, это законность происхождения (ср.: [Raasche 1948, 134–135])⁶⁸. Внебрачное происхождение явно было недостатком с точки зрения церкви, и поэтому апелляция к законности происхождения была рассчитана, соответственно, на поддержку церкви.

Характерно при этом, что, как мы можем судить по реакции архиепископа Эйстейна, церковь занимала двойственную позицию в этом вопросе. С одной стороны, обычай, согласно которому конунгом мог быть только сын конунга, оказывал сильное влияние на норвежских епископов. С другой стороны, церковь периодически стремилась воздействовать на королевскую власть, а такое воздействие легче было осуществлять в тех случаях, когда претендент имел спорные права на престол. Принадлежащее церкви право помазания и коронации, приумножавшей легитимность королевской власти, являлось немаловажным инструментом влияния на государственную политику.

По-видимому, взаимоотношение церковной традиции и местного права, восходящего к языческим временам, приводило к тому, что в Скандинавии, как и во многих других областях Европы, постепенно складывался такой порядок престолонаследия, при котором монарх должен был быть, во-первых, рожден в законном браке, а во-вторых — принадлежать к королевскому роду по мужской линии. Разумеется, на всем протяжении существования европейских монархий имели место отступления от указанных правил. Для Норвегии XI–XIII вв. — до стабилизации порядка престолонаследия — второе условие было гораздо более весомым, чем первое.

Закон, согласно которому престол должен был занимать законный сын конунга, появляется в XII в., однако еще в течение полувека бастард в глазах общества имел все основания претендовать

на власть⁶⁹, а у потомка конунга по женской линии такие основания были минимальны.

Замечательно, что в Дании порядок престолонаследия претерпел наиболее значительные изменения при конунге, который был связан с королевским родом именно по женской линии (см. подробнее: [Hoffmann 1976] с указанием литературы; ср. в этой связи также: [Knýt., 62, 65–71, 149, 166, 196]). Речь идет о том самом Свейне Ульвссоне, которого Эрлинг Кривой, отец конунга Магнуса, упоминает как достойный образец для норвежской династии (ср.: «Свейн, сын Ульва, в Дании тоже не был сыном конунга, однако он был коронован, и с тех пор его сыновья и их потомки один за другим были коронованы»).

Свейн Ульвссон был законным сыном Астрид-Маргареты, которая, в свою очередь, являлась родной сестрой одного из самых известных датских правителей — конунга Англии и Дании Кнута-Ламберта Могучего (1014–1035) — и дочерью другого конунга — Свейна Вилбородого (ок. 985–965?, 974?, ум. в 1014).

Как известно из саг, Свейн Астридссон получил Данию не от кого-либо из своих родственников из датской династии, а от Магнуса Доброго, сына Олава Святого. После смерти Кнута Могучего в 1035 г., который владел не только Данией, но Англией и недолгое время Норвегией, власть окончательно перешла к его сыновьям. Согласно Адаму Бременскому, Кнут поделил власть между своими законными и незаконными сыновьями следующим образом: законный наследник — Хардекнут (Хёрдакнут в сагах) — получил во владение Данию, а два сына от наложниц остальные владения, Свейн сын Альвивы (не путать со Свейном Вилбородым и Свейном сыном Астрид!) — Норвегию, Харальд — Англию [Adam, 134]⁷⁰. Такое положение вещей сохранялось недолго: после смерти своего единокровного брата Харальда, Хардекнут стал владеть также и Англией, а Свейн сын Альвивы уступил норвежский престол призванному из Руси сыну Олава Святого, Магнусу Доброму, и вернулся в Данию.

После смерти Хардекнута в 1042 г. Магнус Добрый — на основании некогда заключенного с Хардекнутом договора — взял власть над датской державой и правил ею вплоть до своей смерти в 1047 г. Перед смертью Магнус Добрый распорядился отдать власть над Данией яру Свейну, племяннику Кнута Могучего и

своему постоянному сопернику в борьбе за датский престол. С 1047 г. Свейн Астридссон был повсеместно признан как правитель Дании, а в Норвегии окончательно утвердился единоутробный брат Олава Святого, Харальд Суровый.

Таким образом, отношения Магнуса Доброго и Свейна Астридссона, по-видимому, не укладывались в рамки тривиального политического соперничества, сопровождаемого кровопролитными битвами и взаимной враждой. Недаром незадолго до кончины Магнус Добрый отдал на попечение Свейну Астридссону ближайшего родича — своего брата Торира, — по-видимому, опасаясь за его судьбу после того, как тот открыто вступил в конфликт с Харальдом Суровым (см.: [Нкг., III, 116; Ågr., 39; Msk., 142, 144; Flat., III, 330–331]).

В силу указанных обстоятельств своего происхождения Свейн Ульвссон в качестве наследника датского престола оказался в том же положении, что, примерно столетие спустя, норвежский конунг Магнус Эрлингссон. В самом деле, оба могли пользоваться всеми преимуществами законного рождения, но при этом принадлежали к королевскому роду лишь по женской линии. Уже в христианскую эпоху на датском престоле, как и на норвежском, успели побывать побочные сыновья конунга (в Дании это был внебрачный сын Харальда Синезубого — Свейн Вилобородый⁷¹), а права наследника по женской линии по-прежнему были куда сомнительнее, чем права бастарда.

В то же время в борьбе за датский престол законному сыну Свейну Ульвссону пришлось пройти путь «бастарда-самозванца». Поскольку его династия потеряла датский престол, а его собственные права на власть были, по крайней мере, сомнительны, Свейн был вынужден добиваться этих прав своими силами: собирать войско, вербовать сторонников, вести сложную политическую интригу. В этой игре ему со временем удалось добиться успеха, причем скорее политического, нежели военного. В начале его деятельности, таким образом, выбор стратегии поведения, выбор «династического имиджа», был чрезвычайно важным делом.

Будучи законным сыном своих родителей — ярла Ульва и Астрид-Маргареты, — Свейн как бы избирает маску королевского бастарда. Из чего же складывается этот образ? Представляется существенным, что Свейн берет себе патроним, производный от имени матери, и становится не Свейном Ульвссоном, а Свейном

Астридссоном. Обычно связь с родом отца была настолько важной в Скандинавии, что патроним служил едва ли не наиболее существенным после имени средством идентификации человека. Как правило, имя матери в качестве патронима использовали побочные дети, не имеющие возможности или избегающие декларировать свою связь с родом отца⁷².

Так, из уже упоминавшихся знаменитых бастардов по имени матери назывался двоюродный брат Свейна Астридссона — Свейн, побочный сын Кнута Могучего и Альвивы; в источниках он часто фигурирует как Свейн Альвивусон. Норвежский конунг Магнус Слепой (1130—1135, ум. в 1139), побочный сын Сигурда Крестоносца, согласно показаниям некоторых источников, также именовался по имени своей матери: «Магнус конунг, который был прозван сын Боргильд. Его мать была Боргильд, дочь Олава из Долины» (*Magnus konongr er callaðr var Borgilldar sunr. Moder hans var Borgilldr dotter Olafs af Dale [Fask., 390]*)⁷³. Характерно, что такое наименование не помешало им обоим занять престол в качестве наследников конунга.

Конечно, положение Свейна Астридссона несколько отличалось от положения этих бастардов. Совершенно очевидно, что Свейн использует имя матери потому, что именно оно демонстрирует его принадлежность к королевскому роду, и опускает имя отца не потому, что не имеет на него права, а прежде всего потому, что оно ему не выгодно. В сагах подчеркивается любая родственная связь с королевской семьей. Если человек не претендовал на престол, такая связь для него, тем не менее, была важна и полезна.

Для знатных семей зачастую единственным средством породниться с семьей конунга были браки с его дочерьми, законными и незаконными. Дети, рожденные в таких браках, редко вступали в прямую борьбу за королевский трон, они составляли своего рода «третий эшелон» претендентов на власть, до которых дело, как правило, не доходило. Они и их потомки занимали высокое положение при конунге и иногда подчеркивали свою связь с королевским домом, беря себе в качестве патронима имя матери, если та была дочерью или внучкой конунга⁷⁴. Связь же Свейна Астридссона с королевским родом, датской династией была очень близкой и непосредственной: его мать была не только законной дочерью конунга (Свейна Вилобородого), но, как говорится в сагах, и сестрой двух конунгов (Кнута Могучего и Олава Шведско-

го). Таким образом, по происхождению он был почти равен бастарду — наследнику престола по мужской линии. Его отчество, образованное от женского имени, еще больше сближает его с бастардами.

Точно так же, по имени матери («сын Кристин»), мог в исторически значимые моменты именоваться и Магнус Эрлингссон, для которого Свейн, по-видимому, в определенной степени служил образцом. См., например: [Нкг., III, 433]; ср. также стихотворный «Перечень норвежских королей», где обозначение Магнуса по имени матери становится регулярным [Flat., II, 527].

Сколь ни специфичны были мотивы Свейна и Магнуса, побуждающие их использовать имя матери, в результате оказывается, что они именуется как бастарды⁷⁵. Тем самым они неожиданным образом повышают свой династический статус на одну ступень: будучи законными сыновьями, имеющими отношение к королевскому роду по женской линии, они именуется так, как мог бы именоваться один из побочных сыновей конунга⁷⁶.

Еще более показательным в этом отношении является второе имя Свейна. Уподобляясь незаконнорожденному сыну Олава Святого, он берет себе имя Магнус⁷⁷. Мы не знаем точно, с какого времени Свейн зовется Магнусом, однако есть веские основания полагать, что это не было крестильным именем, полученным при рождении⁷⁸. По-видимому, он стал именовать себя так уже в зрелом возрасте, и избрание именно этого имени было, на наш взгляд, частью определенной политической стратегии. Необходимо учесть, что к тому времени в скандинавских королевских семьях был известен только один человек по имени Магнус — норвежский конунг Магнус Добрый, сын Олава Святого.

Как было показано выше, процедура имянаречения Магнуса Доброго задавала своего рода образец для норвежской королевской династии, причем этот образец, как мы видели, со временем утрачивает силы, а лишь все более подкрепляется традицией. Вероятно, этот образец оказался значимым не только в самой Норвегии, но и за ее пределами. При этом в Норвегии это имя в значительной степени было обязано своей популярностью не только самому Магнусу Доброму, но и его отцу Олаву Святому, покровителю норвежской державы, фигуре, постепенно приобретающей житийную авторитетность. Олаву Святому подражали норвежские конунги, дававшие это имя своим бастардам, к его покровительству прибе-

гал Сверрир, присвоивший себе это имя сам. Что касается датчина Свейна Астридссона, то для него, по-видимому, образцом служил не поступок Олава Святого, приведший к благополучному царствованию Магнуса Доброго, а само это царствование.

Для Свейна Астридссона фигура Магнуса Олавссона была одной из наиболее значимых в его политической биографии. Именно у него он вынужден был с 1043 г. оспаривать власть над датской державой, именно от него он получил эту власть в 1047 г. Позднее, уже сделавшись конунгом Дании, он попытался получить и Норвегию — то, что некогда Магнус Добрый отнял у датчан. Становясь Магнусом, Свейн как бы заявляет о себе как о полноправном правителе Дании и о потенциальном владельце Норвегии.

Интересно, что в ту же эпоху соперничества между датской и норвежской династиями Харальд Суровый, как мы помним, называет своего старшего побочного сына Магнусом⁷⁹. Создается впечатление, что и здесь имя Магнус играет роль своего рода «талисмана» — держава будет принадлежать тому, кто является его обладателем.

Характерно при этом, что Свейн Астридссон подражает бастарду — Магнусу Доброму — и соперничает с бастардом, Магнусом Харальдссоном. Взяв себе имя Магнус и воспользовавшись именем матери для патронима, он как будто становится таким же внебрачным сыном конунга, как и они. Пользуясь маской бастарда, Свейн-Магнус достиг желаемых результатов — ему удалось закрепить датский престол за своей ветвью рода. Он не только правил Данией сам около тридцати лет, но и сумел стать новым основателем династии, к которому впоследствии на протяжении столетий возводили свой род все датские конунги.

Таким образом, династические судьбы двух наследников престола по женской линии, отдаленных друг от друга во времени и пространстве, еще раз демонстрируют, что имя Магнус в скандинавских правящих домах имело вполне определенную функцию — компенсировать недостатки происхождения и обеспечить удачную династическую позицию. Это относится в первую очередь к королевским бастардам, получающим имя Магнус от отца, но опосредованно в «подражание бастардам» эту функцию мог эксплуатировать любой, кто претендовал на власть и не мог объявить себя законным сыном конунга, будь то самозванец или законнорожденный потомок по женской линии.

Как мы видели на примере норвежской династии, первоначальный образец наречения бастарда Магнусом немедленно подхватывается и многократно повторяется уже на протяжении XI в. В Дании ситуация оказывается отчасти сходной: Свейн Астридссон, подражая Магнусу Доброму, не только взял себе это относительно новое для Скандинавии имя в качестве второго, но и дал его одному из своих побочных сыновей.

События, связанные с жизнью этого мальчика, с одной стороны, весьма значимы для датской королевской династии, а с другой стороны, не слишком хорошо известны и до некоторой степени загадочны. Согласно Адаму Бременскому, Свейн отправил своего сына Магнуса в Рим, чтобы папа совершил над ним обряд посвящения на царство, но в пути Магнус скончался (*Cumque rex Suein filium Thore, Magnum vocabulo, Romam transmitteret ut ibi consecraretur ad regnum, infelix puer in via defunctus est* [Adam, 164]). По-видимому, так впервые в датской династии была предпринята попытка получить помазание на царство.

Не вполне ясно, почему сын Свейна должен был быть помазан при жизни своего отца. Но каковы бы ни были объяснения этого факта, представляется весьма вероятным, что Свейн отправил в Рим того из сыновей, в ком видел своего непосредственного преемника. Таким образом, очевидно, что наречение именем Магнус могло и в Дании выполнять функцию своеобразной «десигнации», прижизненного провозглашения наследника.

Неясно также, было ли имя Магнус единственным именем этого сына Свейна. В саге, составленной в Исландии в середине XIII в., старший из внебрачных сыновей Свейна Астридссона назван Кнутом: «Кнут звали старшего, он скончался по пути в Рим при жизни своего отца» (*Knútr hét enn elzti, hann andaðiz at lifanda feðr sínum í Rómferð*) [Кнýtл., 61]. Возможно, в тексте саги допущена ошибка, поскольку в этом же перечне побочных детей Свейна Астридссона упоминается еще один сын по имени Кнут (будущий конунг Дании — Кнут Святой)⁸⁰.

Однако не исключено, что старший из побочных сыновей конунга действительно получил два имени — исконно династическое (Кнут) и христианское (Магнус), — что нередко бывало у членов датской династии (ср.: [Hoffmann 1976, 29–30]). В этом случае наречение одного и того же ребенка именами Кнут и Магнус, по-видимому, отражает попытку отца обеспечить династическую по-

зицию старшего сына сразу двумя различными способами, один из которых связан с давним дохристианским родовым обычаем, а другой с новой «политической модой».

Имя Кнут являлось традиционным династическим именем для датчан; ближайший по времени конунг с этим именем был Кнут-Ламберт Могучий, правитель, владевший Данией, Англией и Норвегией, обладавший безусловной легитимностью в глазах своих современников и потомков. Он приходился дядей (братом матери) Свейну Астридссону и был тем полноправным представителем рода, на чье наследие претендовал сам Свейн. Известно, кроме того, что в некоторых латинских источниках этот конунг упоминается как Кнут Магнус, причем Магнус, скорее всего, является здесь приименным эпитетом⁸¹. Не исключено, что когда имя Магнус давалось в качестве второго личного имени при имени Кнут, то учитывались возможности определенной семантической игры, возникающей из-за совпадения крестильного имени и приименного эпитета⁸².

На существование определенной связи между Кнутом-Магнусом, сыном Свейна, и знаменитым датским конунгом Кнутом Могучим дополнительно указывает и то обстоятельство, что младший Кнут, согласно «Саге о Кнютлингах», был отправлен отцом в Рим. Сообщение об этой поездке не может не вызвать в памяти другого свидетельства древнескандинавских источников — о знаменитом путешествии Кнута Могучего в Рим (Румаборг) (см., например: [Fask., 188—189]). Остается добавить, что Кнут-Магнус Свейнссон был не единственным бастардом в датской династии, получившим христианское имя Магнус. В XII в. конунг Эйрик-Давид Ламм (1137—1146) назвал так своего побочного сына, умершего в 1175 г. (об имени Магнус в датской династической традиции см. еще: [Steenstrup 1892—1894; 730; DGP 1941, 877]; ср. о появлении имени Магнус в семье конунга Нильса (ум. в 1134), взявшего в жены вдову Магнуса Голоногого: [Steenstrup 1918, 51]).

В шведской династии ситуация с именем Магнус, по-видимому, была совершенно иной. Сюда Магнус попадает относительно поздно из Дании и Норвегии в качестве обычного имени, пользующегося определенной популярностью в Скандинавии, но лишенного каких-либо специфических коннотаций (ср.: [Grae 1911, 87]).

БАСТАРДЫ И ПРЯМЫЕ НАСЛЕДНИКИ

(Энунд-Якоб и его единокровный брат Эмунд)

Сохранившаяся и после христианизации практика называть будущего наследника династическим, а не христианским именем привела к тому, что и в глазах современников, и в глазах исследователей носитель династического имени предстает законным наследником королевской власти, а носитель христианского — бастардом или, по крайней мере, субъектом, имеющим сомнительные права на престол.

Между тем на практике, по-видимому, дело обстояло несколько сложнее. Манипулируя именами, правящий конунг, как уже говорилось, пытался повлиять на порядок и приоритеты престолонаследия. Порой он отдавал предпочтение бастарду в обход законного сына или младшему наследнику в обход старшего. При этом правитель обычно активно пользовался тем, что династическое имя ассоциируется в глазах его подданных с легитимностью. Показательна в этом отношении судьба шведского конунга Энунда-Якоба, причем здесь можно говорить и о его реальной судьбе, и о его судьбе в качестве персонажа научных исследований.

Из различных по своему характеру источников известно, что у Олава Шётконунга (993—1022/24), обратившегося в христианство во время своего пребывания на шведском престоле, был сын, который уже в первой трети XI в. носил нетрадиционное для Скандинавии того времени христианское имя Якоб. В современной отечественной историографии утвердилось мнение, что он был побочным ребенком в королевской семье (см., например: [Джаксон 1999, 69]). Поэтому данный пример уместно рассматривать, казалось бы, наряду с другими свидетельствами, подтверждающими наши наблюдения о наречении бастардов христианскими именами. Однако мнение, принятое в отечественной историографии, представляется нам ошибочным — судя по всему, Якоб был как

раз легитимным наследником Олава Шётконунга, рожденным от законной жены⁸³.

Тем не менее, этот пример сохраняет для нас интерес и имеет самое непосредственное отношение к теме настоящего исследования.

Причиной возникшей в отечественной историографии ошибки стало, по-видимому, отсутствие необходимых разъяснений в русском издании одного из основных источников. В русском тексте «Круга Земного» Снорри Стурлусона — знаменитом своде королевских саг, составленном и записанном в Исландии в XIII в., — читаем: «У конунга шведов Олава сына Эйрика была раньше наложница, по имени Эдла, дочь ярла из Страны Вендов. Она была взята в плен на войне, и потому ее называли рабыней конунга. Их детьми были Эмунд, Астрид, Хольмфрид. У них был сын, который родился в канун дня святого Якоба, и, когда мальчика крестили, епископ дал ему имя Якоб. Шведам это имя не нравилось, и они говорили, что никогда еще у шведов не было конунга по имени Якоб» (Óláfr Svía-konungr Eriks son átti fyrst friðlu, er Eðla hét, dóttir jarls af Vindlandi; hon hafði fyrir þat verit hertekin ok kölluð konungs ambótt; börn þeira váru Emundr, Ástríðr, Hólmfríðr. En gátu þau son, ok var fœddr Jákobs-vökudag; en skíra skyldi sveininn, þá lét byskup hann heita Jákob; þat nafn líkaði Svíum illa ok kölluðu, at aldri hefði Svía-konungr Jákob heitit [Hkr. 1941–1951, II, 130]).

Русский перевод буквален: «у них» передает здесь þau — личное местоимение среднего рода, употреблявшееся, когда речь шла о совокупности лиц мужского и женского пола. Однако именно в этом месте имеется очевидная порча текста, не позволяющая в точности определить, кто была мать ребенка, нареченного христианским именем. Изучение различных редакций и разночтений не помогает исчерпывающе ответить на этот вопрос.

С одной стороны, существует вариант, где в качестве матери фигурирует законная жена конунга: «У них [с] королевой был сын...» (En gátu þau dróting son... [Hkr., II, 162]). С другой же стороны, есть редакция, где содержится столь же недвусмысленное указание на то, что матерью Якоба была все-таки наложница Эдла: «У конунга шведов Олава была раньше наложница, которую звали Эдла; она была дочерью ярла из Страны Вендов. Их детьми были Эмунд, Астрид, Хольмфрид. Она была взята в плен [и увезена] из Страны Вендов, и ее называли рабыней конунга. У них был сын, который родился в день мессы святого Якоба, и,

когда мальчика крестили, она дала ему имя Якоб. Но шведам это имя не нравилось, и они говорили, что никогда у шведов не было конунга по имени Якоб» (Óláfr Svía konungr átti furst frillu, er hét Eðla, hún var dóttir jarls af Vindlandi; börn þeirra váru þau Emundr ok Ástríðr ok Hólmfríðr; Eðla hafði verit hertekin af Vindlandi, ok var hún kölluð konúngs ambátt; en gátu þau son, ok var hann fæddr Jákobmessu dag; en skíra skyldi sveininn, þá lét hún hann heita Jákob, en þat nafn líkaði Svíum illa ok kallaðu, at allðri hefði Svía konungr Jacob heitit [Fms., IV, 179]).

Необходимо отметить, что версия, согласно которой Якоб был рожден вне брака (а фраза en gátu þau son читается, соответственно, как «у них [с Эдлой] был сын»), находится в прямом противоречии с рассказом самого Снорри о дальнейшей судьбе этого члена королевской семьи⁸⁴. В последующих главах «Круга Земного» повествуется о том, как шведы, недовольные правлением Олава Шётконунга, решили избрать себе нового государя (описываемые события имели место ок. 1020 г.). На тинге рассматривались две кандидатуры: Эмунда, старшего королевского сына, рожденного от наложницы, и Якоба.

Выбор был сделан в пользу Якоба, причем основанием для такого решения послужило именно законное происхождение последнего. Ср.: «Фрейвид спрашивает Эмунда <лагмана, т. е. законораспорядителя; не путать с бастардом Эмундом Олавссоном, претендующим на престол. — Ф. У.>: „Что вы думаете делать, если Олава сына Эйрика убьют? Кого вы тогда хотите в конунги?“ Эмунд говорит: „Того, кто по нашему мнению лучше всего подходит для этого, будь он высокого рода или нет“ (hvárt sem sá er af höfðingja-ætt eða eigi). Фрейвид отвечает: „Мы, шведы из Упланда, не хотим, чтобы нашим конунгом стал человек не из рода древних конунгов, и есть возможность избежать этого. У конунга — два сына, и мы хотим, чтобы один из них стал конунгом. Но между ними большая разница. Один рожден женой конунга, и отец и мать у него шведы, а другой — сын рабыни, и его мать вендка“ (annarr er øðli borinn ok scenskr at allri ætt, en annarr er ambáttar sonr ok vindverskr at hálfri ætt). Тут все одобрительно зашумели и захотели Якоба в конунги. Тогда Эмунд сказал: „Вы, шведы из Упланда, сейчас властны решать. Но я хочу сказать вам, что может случиться так, что многие из тех, кто сейчас и слышать не хотят о том, чтобы их конунгом стал человек не из древнего рода конун-

гов, сами потом посчитают, что лучше было бы, если бы их конунгом был человек из другого рода". После этого братья Фрейвид и Арнвид велели привести на тинг Якоба конунгова сына, и он был провозглашен конунгом. Шведы дали ему имя Эмунд, и потом так его и звали до самой смерти (*ok létu honum þar gefa konungs-nafn, ok þar með gáfu Svíar honum Önundar nafn, ok var hann svá síðan kallaðr, meðan hann lifði*)» [Нкр., II, 193–194].

Итак, из того же текста следует, что матерью одного из сыновей Олава Шётконунга была шведка, законная жена короля. Со всей очевидностью речь здесь идет именно о Якобе, поскольку его старший брат, Эмунд, как явствует из приведенных цитат, был определенно рожден от наложницы. Незаконное происхождение Эмунда подтверждается показаниями другого, более раннего, источника.

В «Деяниях гамбургских архиепископов» Адама Бременского, написанных в 70-х годах XI в., в частности, говорится: «Один из них, рожденный от наложницы, получил имя Эмунд» (*Eorum alter, qui natus est a concubina, Emund nomen accepit [Adam, 119]*). Следует вообще подчеркнуть, что Адам не оставляет никаких сомнений и относительно происхождения второго сына Олава Шведского — Якоба: «Другим [был] Анунд, рожденный королем от законной жены, христианским именем его назвали Якобом...» (*Alter Anund, quem rex a legitima genuit, cognomento fidei et gratiae dictus est Jacobus... [Adam, 119]*).

В другом месте Адам даже называет обоих родителей Якоба: «Олав, самый христианский король шведов, взяв в жены славянку из ободритов по имени Эстрид <Астрид. — Ф. У.>. От нее родились сын Яков и дочь Инград <= Ингигерд>...» (*Olarph rex Suenonum christianissimus erat filiamque Sclavorum Estred nomine de Obodritis accepit uxorem. Ex qua gentius est filius Jacobus et filia Ingrad... [Adam, 99]*).

Вопрос о том, был ли знаком Снорри со свидетельством Адама Бременского, касающимся матери Эмунда-Якоба, остается открытым. Как мы видим, у Снорри подразумевается, что жена конунга — шведка, а о наложнице сказано, что она была славянкой, тогда как у Адама о национальности наложницы, матери Эмунда, не говорится ни слова, а славянкой, напротив, оказывается законная жена Олава Шётконунга⁸⁵.

Этому возможны два объяснения. С одной стороны, Снорри мог ничего не знать о законной жене конунга, кроме самого фак-

та ее существования, но располагать какими-то сведениями о славянском происхождении наложницы. Исходя из того, что жена — законная, и руководствуясь определенной логикой, автор «Круга Земного» решил, что она была шведкой.

Более правдоподобно, однако, выглядит другое объяснение. Славянское происхождение законной жены Олава было, по-видимому, известно в скандинавской традиции. Так, например, «Легендарная сага об Олаве Святом», составленная в начале XIII в., называет в качестве жены Олава (копо) и матери Ингигерд и Якоба вендку по имени Астрид [ОН Leg., 42]. Знал о ее славянском происхождении и Снорри. Однако по ряду причин, к обсуждению которых мы еще вернемся, автор «Круга Земного» счел необходимым частично перераспределить этнические характеристики между имеющимися персонажами, сделав вендкой наложницу конунга. Этот шаг оказался возможным потому, что Снорри, как, судя по всему, и Адам, ничего не знал о ее национальности.

Законной же жене конунга Снорри имплицитно приписал шведское происхождение, стремясь подчеркнуть тем самым полное преимущество ее сына Якоба в вопросе престолонаследия.

Итак, в тексте «Круга Земного» содержится известное противоречие, касающееся происхождения одного из сыновей конунга Олава Шведского — Энунда-Якоба. Если в начале рассказа о королевской семье Якоб фигурирует в качестве побочного сына, то в дальнейшем он выступает в саге как легитимный наследник конунга, рожденный от законной жены.

По нашему мнению, это противоречие следует разрешать в пользу законного происхождения Энунда-Якоба, а версию, согласно которой он был рожден от наложницы, необходимо признать ошибочной, возникшей, по-видимому, в результате порчи текста (ср.: [Storm 1873, 223; Nordal 1914, 168]). К такому заключению нас приводит, прежде всего, раннее свидетельство Адама Бременского (XI в.) и, отчасти, показания «Легендарной саги об Олаве Святом» (начало XIII в.), где матерью Энунда-Якоба названа жена Олава, вендка по имени Астрид (Olaftr enn svænske atte oc kono þa er astriðr het. hon var vindværs. þæira sun var anundr er adru namne het Jacob [ОН Leg., 42]).

Наконец, существует свидетельство еще одного источника, которое, как будто бы, полностью подтверждает сделанные нами выводы. Этот источник — «Отдельная сага об Олаве Святом»,

написанная Снорри Стурлусоном немногим ранее «Круга Земного» (ок. 1230 г.). Здесь, в соответствующем месте, о происхождении Энунда-Якоба сказано следующее: «Конунг шведов Олав сын Эйрика имел прежде наложницу, по имени Эдла, дочь ярла из Страны Вендов. Она была взята в плен на войне, и потому ее называли рабыней конунга⁸⁶. Их детьми были: Эмунд, Астрид, Хольмфрид. И был у них [с] королевой сын. Он родился в канун дня святого Якоба, и, когда мальчика крестили, епископ дал ему имя Якоб. Шведам это имя не нравилось, и они говорили, что никогда еще у шведов не было конунга по имени Якоб» (Olafr Sviakonungr Erics son atti fyrst frillo er het Eðla dottir iarls af Vindlandi hon hafði verit hertekin. oc var fire því caullot konungs ambatt. born þeirra varv Emundr oc Aztriðr oc Hólmfriðr. Enn gatv þau drotning son. oc var hann fœddr Jacobsvocodag. en er scira scylldi sveininn. þa let byskup hann heita Jacob. en þat nafn licaði Svium illa ok kolloðv at aldregi hefði Svía konungr Jacob heitið [SOH, I, 191]).

Со всей определенностью подтверждают сказанное и разночтения, зафиксированные авторитетными издателями саг об Олаве, ср.: «у них, конунга и королевы, был сын...» (þau konungr ok drotningu gatv son... [SOH, I, 191]); «имел он [от] королевы сына...» (atte hann drotningar son...); «был у него и другой сын с королевой...» (gat hann son annan við drotningu... [Flat., II, 109]).

Возникает вопрос, как соотносить указанный вывод о законном происхождении Энунда-Якоба с основными положениями нашей работы. До сих пор, за пределами данной главы, мы говорили об особой роли королевских бастардов в процессе распространения христианских имен. Побочный сын конунга — как человек с «ущербной» генеалогией, в некотором смысле лишенной легитимности, — зачастую получал имя, не содержащее в себе прямой отсылки к истории рода. Конунг-отец давал ему имя, сообразуясь с тем, хотел ли он видеть его впоследствии на престоле. Отсутствие подходящего имени могло служить препятствием для восшествия на престол.

Случай с Энундом-Якобом на первый взгляд противоречит традиционному распределению имен между законными и незаконными детьми конунга. В действительности же он, по нашему убеждению, как нельзя лучше демонстрирует механизмы решения династических задач с помощью имени.

В самом деле, история с наречением Энунда-Якоба является зеркальным отражением той (по-видимому, достаточно стандарт-

ной) ситуации, которая составляла основной предмет нашего исследования. Обычно в скандинавских династиях христианское имя получают побочные дети, причем в случае с именем Магнус это показывает, как мы помним, что отец хотел бы видеть такого наследника на престоле, хотя и не скрывает незаконности его происхождения.

Другие христианские имена, по-видимому, свидетельствовали о том, что их носителям была уготована иная участь, например духовная карьера, как нескольким сыновьям Свейна Астридссона.

Нетривиальным образом, в рассматриваемом здесь примере с Энундом-Якобом и его братом обладателем династического имени оказывается побочный сын конунга. Легитимный же наследник, происходящий от законной жены, получает при рождении христианское имя. До сих пор мы наблюдали обратное: бастард получал христианское имя, тогда как династическое наследовал, напротив, законнорожденный.

Причина подобного, инвертированного по отношению к обычной практике, распределения имен между королевскими сыновьями кроется, на наш взгляд, в том, что Олав Шётконунг прочил в свои преемники именно старшего — незаконнорожденного — сына. На основании «Круга Земного» можно реконструировать примерно следующее развитие событий.

У конунга шведов, Олава сына Эйрика, родился сын от наложницы. Этот ребенок был первым мальчиком из детей конунга, и Олав, возможно сомневаясь в появлении других сыновей, хотел, чтобы именно он и унаследовал престол. Для этого ребенок был назван династическим именем Эмунд, по-видимому, в честь родича по отцовской линии, конунга Эймунда (ср.: [Personnamn 1947, 238])⁸⁷.

Вообще говоря, наречение бастарда христианским именем было делом возможным, но отнюдь не обязательным. Как было показано в предыдущей главе, его вполне могли называть и династическим именем — по-видимому, это был один из стандартных способов закрепить за незаконным сыном право на власть.

Планы Олава относительно старшего — внебрачного — сына несколько не изменились с появлением на свет следующего сына, рожденного уже от законной жены. Об этом можно судить на том основании, что второму мальчику, вопреки обыкновению, при рождении было дано христианское⁸⁸, а не династическое имя

(Якоб), призванное исключить саму возможность его восшествия на престол (ср.: «Шведам это имя не нравилось, и они говорили, что никогда еще у шведов не было конунга по имени Якоб...» (*þat nafn líkaði Svíum illa ok kölluðu, at aldrigi hefði Svía-konungur Jákoð heitit...*)). Называя младшего (законнорожденного) нетрадиционным именем, конунг тем самым создавал ему известное препятствие для наследования власти и еще раз подтверждал право на престол своего старшего (побочного) сына.

Как мы знаем (в частности, из «Круга Земного»), замыслу Олава Шведского не суждено было воплотиться: его младший сын Якоб был избран конунгом на тинге⁸⁹. Однако он был вынужден при этом сменить свое христианское имя на династическое, укорененное в королевском роду⁹⁰ (ср.: «...и он был провозглашен конунгом. Шведы дали ему имя Энунд, и потом так его и звали до самой смерти» (*ok létu honum þar gefa konungs-nafn, ok þar með gáfu Svíar honum Önundar nafn, ok var hann svá síðan kallaðr, meðan hann lifði*) [Нкр., II, 194]).

Необходимо подчеркнуть, что в рассказе Снорри речь идет именно о смене имени при вступлении во власть (ср.: [Thoma 1985, 122–126]), действии, судя по всему, весьма необычном не только для Швеции того времени, но и для Скандинавии вообще. Ничего подобного мы не находим у Адама Бременского, который видит ситуацию с двумя именами — христианским и династическим — совершенно иначе. Согласно «Деяниям гамбургских архиепископов», законный сын Олава Шётконунга был сперва назван династическим именем Анунд и лишь затем, при крещении, получил второе, христианское, имя Якоб (ср. «Говорят, что этот король имел двух сыновей, которых велел крестить вместе с женой и народом. Один из них, рожденный от наложницы, получил имя Эмунд. Другого сына, Анунда, рожденного королем от законной жены, назвали, по благодати, христианским именем Якоб» (*Preterea duos fertur idem rex habuisse filios, quos una cum uxore et populo iussit ambos baptizari. Eorum alter, qui natus est a concubina, Emund nomen accepit. Alter Anund, quem rex a legitima genuit, cognomento fidei et gratiae dictus est Jacobus*) [Adam, 119]).

Тем самым свидетельство Адама как будто бы не подтверждает наших выводов о существовании особого сценария у Олава Шведского, с самого начала ограничивающего возможности своего младшего сына в борьбе за престол. Вместе с тем у нас есть су-

щественные основания не верить в данном случае немецкому хронисту. Говоря об именах королевского сына — династическом, полученном, видимо, еще при рождении, и христианском, полученном уже при крещении, — Адам явно исходил из хорошо знакомой ему датской ситуации ([Thoma 1985, 125]), где представитель королевского рода зачастую обладал двумя именами.

Одно из этих имен в датской династической традиции было всегда христианским и давалось при крещении. Крестильное имя, как правило, сохранялось, но отнюдь не вытесняло исконного, династического наименования, как бы сосуществуя параллельно с ним. Практика наречения вторым именем, возникшая в правящем роду Дании благодаря тесным связям с Германией (см.: [Thoma 1985, 42—43]), повлияла на осмысление шведских событий Адамом Бременским⁹¹. Необходимо учитывать, что среди информантов Адама был датский конунг Свейн Астридссон, сам носивший, как уже упоминалось, второе имя Магнус⁹².

В свете сказанного позиция Адама не вызывает особого удивления. Ориентируясь в датских реалиях лучше, чем в шведских или норвежских, автор «Деяний гамбургских архиепископов» решил, что династическое имя законного наследника Олава Шётконунга должно было предшествовать его христианскому, крестильному имени, подобно тому как исконные имена датских правителей закономерно предшествовали их крестильным именам⁹³.

Итак, интересующий нас принцип наречения бастардов христианскими именами мог сознательно использоваться для достижения тех или иных целей. Возможность подобной антропонимической игры свидетельствует о том, что дело с именами бастардов в действительности обстояло достаточно сложным образом, куда более сложным, чем мы можем заключить, исходя лишь из показаний любого единичного источника.

Со временем понимание различных нюансов и мотивов, обуславливавших в каждом конкретном случае выбор династического имени для бастарда, неизбежно утрачивалось, тогда как логика, изначально лежащая в основе наречения бастарда нетрадиционным именем, напротив, достаточно долго сохраняла свою прозрачность.

Так, реальная подоплека, повлиявшая на распределение нетрадиционного и династического имени между сыновьями Олава Шведского, едва ли была в полной мере доступна для Снорри,

который в данном случае лишь четко воспроизвел некоторую последовательность событий. Наличие же христианского имени у одного из сыновей конунга, вероятно, способствовало возникновению и распространению ошибочной версии, согласно которой Якоб происходил от наложницы Эдлы (см.: [Fms., IV, 179]). Не исключено, что позднейшие переписчики и составители текста напрямую руководствовались более или менее традиционной логикой наречения бастардов и, исходя из этого, сделали для себя вывод о незаконном происхождении Энунда-Якоба.

Насколько уникальна, однако, отраженная в саге попытка именно так регулировать при помощи имен порядок престолонаследия? Какие еще цели мог ставить перед собой конунг, называя своего законного сына нетрадиционным именем? На наш взгляд, следы такой практики имели место в скандинавской истории, когда датский конунг Кнут Святой (1080—1086) назвал своего сына, рожденного в законном браке с Аделой в 1084 г., именем Карл [Knútl., 77, 104] (впоследствии Карл Добрый или Датский, граф Фландрии (ум. в 1127 г.), см. о нем: [Hoffmann 1976, 58, 64; Hansen 1917, 67ff.]).

Имя Карл тогда было редким на датской почве и до тех пор не встречалось в этом королевском роду. Данный поступок, казалось бы, может означать, что Кнут, подобно Олаву Шведскому, стремился по каким-то неведомым нам причинам ограничить права своего единственного сына на престол. Такой вывод, однако, выглядит крайне неубедительно. При более углубленном изучении вопроса оказывается, что мотивы при выборе имени у Кнута были совершенно иными.

В действительности новое имя Карл, избранное для законнорожденного наследника, было призвано не ограничить, но, напротив, обеспечить его дополнительными правами перед лицом надвигающейся борьбы за власть. После смерти Кнута по установлению Свейна Астридссона⁹⁴ все основания претендовать на престол имел его родной брат Олав, следующий за ним по старшинству (о принципах престолонаследия в этот период датской истории см.: [Hoffmann 1976, 58]).

По-видимому, действия Кнута были направлены на то, чтобы переломить «горизонтальный» порядок престолонаследия: заранее воспрепятствовать брату и создать все условия для возведения на престол своего единственного сына. Именно это и определило

выбор имени Карл, который оказался возможен благодаря жене конунга Аделе, напрямую происходившей из рода Карла Великого (она была дочерью Балдуина VI, герцога фландрского [Knytl., 104]).

Иными словами, этот наследник конунга был назван как раз исключительно значимым королевским именем, содержащим, однако, отсылку к другой династической традиции. В некотором смысле повторяется ситуация с наречением сына Олава Святого, Магнуса Доброго, который, как мы помним, также был назван в честь Карла Великого. Наследнику норвежского престола досталось второе имя императора (как уже указывалось, скандинавы рассматривали элемент Магнус как второе личное имя Карла Великого), а наследнику датского престола — первое.

Весьма вероятно, что Кнут Святой подражал в данном случае Олаву Святому, хотя прямой аналогии между династическими ситуациями здесь не наблюдается. Карл был законным сыном Кнута, тогда как Магнус являлся побочным сыном Олава Святого. Кроме того, родство Карла Датского с Карлом Великим было вполне реальным, а родство Олава Святого с императором франков — лишь идеологическим или, так сказать, «виртуальным».

Таким образом, рассмотренный эпизод из датской истории строится по другой модели, нежели история именованная Энунда-Якоба. Тем не менее, оба эти примера в равной степени могут служить иллюстрацией к тому, как личное имя использовалось скандинавами для регулирования престолонаследия.

Строго говоря, практика регуляции династических отношений с помощью личных имен (а зачастую и с помощью перемены имен) не является в рассматриваемую эпоху исключительной прерогативой скандинавских правителей. И в других европейских традициях с помощью династического имени можно было, по-видимому, сообщить бастарду искомый статус законного наследника, а переименовав имя, можно было полностью переменить уже однажды заданную судьбу одного из сыновей.

Как кажется, не уникальна и описанная попытка Кнута Святого повлиять с помощью имени на сам принцип престолонаследия. Так, манипуляции с династическим именем в шведском роду, описанные выше, отчасти напоминают поступок Карла Великого, когда тот переименовал своего сына Карломана, родившегося в 777 г., в Пипина.

Имя Пипин было чрезвычайно значимым в роду императора⁹⁵, и первоначально его носил лишь старший сын Карла, Пипин Горбатый. Однако в 781 г. Карл переименовал своего третьего сына Карломана в Пипина, что, по мнению исследователей, было связано с изменением планов Карла, касающихся порядка престолонаследия в семье (см. с указанием литературы: [Angenendt 1973, 148; Thoma 1985, 77]). Пипин Горбатый был сыном Карла Великого от Химильтруд, наложницы императора. Тот факт, что при рождении он, несмотря на свое незаконное происхождение, получил имя деда, первого каролингского монарха, Пипина Короткого, позволяет предположить, что поначалу именно он рассматривался как потенциальный наследник.

В дальнейшем ситуация, по-видимому, изменилась принципиальным образом (ср.: [Sickel 1903, 119]). У Карла Великого появились законные наследники, и император с какого-то момента решил исключить побочного сына (обладавшего к тому же физическим недостатком) из числа претендентов на престол. Для этого он наделил своего законнорожденного сына Карломана, названного так в честь дяди (умершего в 771 г.), другим династическим именем, как бы «корректируя» уже сложившееся распределение имен в роду (ср.: [Jarnut 1997, 124–125]).

Тем самым Карл Великий достигал одновременно двух целей: с одной стороны, Пипин Горбатый исключался из числа легитимных наследников, с другой же стороны, смена имени Карломан на имя Пипин была призвана символически подчеркнуть окончательный переход от «горизонтальной» схемы престолонаследия (от брата к брату) к «вертикальному» принципу наследования власти (от отца к сыну). Есть все основания полагать, что меры Карла Великого оказались достаточно эффективны: приблизительно с 790 г. Пипин Горбатый полностью исчезает с исторической сцены, а Карломан-Пипин коронуется вместе со своим братом Людовиком на Пасху 781 г.

Специфика скандинавской ситуации заключалась в соотношении династических и христианских имен. Как мы видели, нетрадиционное имя не всегда указывает на незаконность наследника. Тем не менее, в глазах современников традиционное династическое имя указывает на легитимность правителя, а нетрадиционное придает его власти некоторую спорность.

VI

ИМЯ И РОД, ИМЯ И ТИТУЛ, ИМЯ И СУДЬБА

Как видно из предыдущей главы, те или иные династические задачи разрешались не только путем наречения ребенка именем Магнус. В тех случаях, когда предпринималась попытка обеспечить полноту прав человеку с сомнительным происхождением, ему могло даваться — в зависимости от обстоятельств — как династическое, так и христианское имя. Имя Магнус было универсальным и наиболее распространенным, особенно в Норвегии XI—XIII вв., инструментом, служащим для компенсации генеалогического изъяна. Однако различные манипуляции с именами создавали и целый арсенал других средств для династической регуляции.

В течение первого столетия, непосредственно следовавшего за принятием христианства, складывается, как уже говорилось, определенная практика именования бастардов христианскими именами. Вообще говоря, новый именованец, по-видимому, осваивается в Скандинавии таким образом, что первыми в семьях (и не только королевских) христианские имена получают те, кто по тем или иным признакам располагают не максимальной полнотой прав: дочери, младшие сыновья, побочные дети etc. При этом с принятием христианства очень долго сохраняются исконные языческие имена.

Можно сказать, что заимствованные христианские имена в целом не вытесняют в Скандинавии имен исконных, христианское имя так никогда и не делается единственно престижным. С некоторого момента бытование исконных имен может подкрепляться появлением собственно скандинавских святых, носивших эти имена.

Симптоматично, однако, что наречение христианина языческим именем с самого начала не вызывало, по-видимому, никаких затруднений⁹⁶. Носителем исконного имени (иногда с отчетливой

«языческой семантикой») мог оказаться простолюдин, сын конунга, монах⁹⁷. Христианское имя на этом фоне довольно долго выступает как некоторая экзотика, апробируемая на персонажах второстепенных с точки зрения традиционной культуры.

Имя Магнус, по-видимому, было одним из таких имен, приходящих в королевский род вместе с новой христианской эпохой. Оно довольно быстро формирует собственную «микротрадицию» и затмевает все остальные христианские имена, используемые в династических целях. На примере имени Магнус можно видеть, как всякий элемент нового, оказавшись связанным с королевским родом, мгновенно обрастает традиционностью. Вообще заимствования и инновации зачастую усваиваются культурой благодаря семье монарха, и в то же время именно в монаршей семье как нигде важен прецедент, преемственность, образец.

В XI в. мужское христианское имя в правящих домах Скандинавии, видимо, довольно прочно связывается с побочным происхождением ребенка. Разумеется, это не было правилом, не знавшим исключений. Тем не менее, если мальчику в королевской семье в этот период давали христианское имя, это заставляло хронистов и авторов саг сомневаться в законности его происхождения. Так, в частности, произошло с сыном шведского конунга Олава — Якобом.

Бастардам в силу различных причин могли даваться и династические имена. Условно говоря, если отец-конунг рассчитывал передать своему незаконнорожденному сыну власть, он или называл его Магнусом (чаще всего так и происходило), или давал ему династическое имя. С меньшей вероятностью бастард мог получить имя Магнус, если это имя уже носил его отец — как уже упоминалось, называть сына в честь живого отца было не принято ([Stopp 1893], ср., впрочем: [Wessén 1927, 22–23; Keil 1931, 53–55]). Официально признанные при жизни отца побочные сыновья Магнуса Голоногого (1093–1103) получают династические имена Эйстейн, Сигурд, Олав. Возможно также, что Магнус Голоногий называет своих детей так еще и потому, что, желая передать им власть, он собирался не закрепить норвежский престол за кем-то одним, а разделить страну между всеми сыновьями.

Замысел его был осуществлен, и Норвегия была поделена между тремя конунгами. Косвенным же последствием такого разделения державы между всеми сыновьями было появление мощной

волны самозванчества, причем первые из этих самозванцев выдавали себя за сыновей Магнуса Голоногого и требовали своей доли власти. Все они носили династические имена, хотя есть одно возможное исключение — Магнус Рыжий, о котором известно крайне мало и который в одном из источников назван сыном Магнуса Голоногого.

Порой сам конунг имел заведомо недостаточные права на власть, меньшие, чем бастард, — к таким правителям, как мы помним, относились наследники по женской линии. Этот конунг мог давать своим внебрачным детям династические имена, чтобы затушевать «дефектность» права на власть собственной ветви рода. Так поступил, в частности, Свейн Астридссон. Как уже говорилось, его старший побочный сын известен под двумя именами — именем Магнус, выделявшим его среди других наследников, и именем Кнут, являвшимся «ультрадинастическим» именем для Дании.

Первым шести незаконным детям он дает очевидно династические имена, тогда как у следующих сыновей чередуются династические, христианские и исконные, но обыденные имена: «Конунг Свейн сын Ульва был женат на Гуннхильд — дочери ярла Свейна Хаконарсона. Их сына звали Свейн. У конунга Свейна было много детей от наложниц. У него было 14 сыновей, которые достигли зрелости. Кнут звали старшего, он скончался по пути в Рим при жизни своего отца, второго звали Харальд, третьего Кнут Святой, четвертого Олав, пятого Свейн, шестого Эйрик Добрый, седьмого Торгисль⁹⁸, восьмого Сигурд, девятого Бенедикт, десятого Бьерн, одиннадцатого Гутхорм, двенадцатого Эймунд, тринадцатого Никулас, четырнадцатого Ульв, которого называли Убби⁹⁹» (Sveinn konungr Úlfsson átti Gunnhildi, dóttur Sveins jarls Hákonarsonar; þeirra son hét Sveinn. Sveinn konungr átti mörg frillubörn; hann átti XIV sonu, þá er ór barnæsku kómuz. Knútr hét enn elzti, hann andaðiz at lifanda feðr sínum í Rómferð; annar hét Haraldr; þriði Knútr enn helgi; IV. Óláfr; V. Sveinn; VI. Eiríkr enn góði; VII. Þorgísl; VIII. Sigurðr; IX. Benedikt; X. Björn; XI. Guthormr; XII. Eymundr; XIII. Nikulás; XIV. Úlfr, er Ubbi var kallaðr [Кнýtл., 60–61]).

Следует отметить, что в именах побочных детей Свейна отражена и политическая борьба, которую ему пришлось выдержать, и те династические связи, которые он хотел бы закрепить (ср.: [Storm 1893, 211; Hoffmann 1976, 58, прим. 11]). Так, имена Эй-

рик и Эймунд являются династическими для шведского правящего дома, с которым Свейн Астридссон состоял в родстве. Имена Олав, Бьерн, Сигурд и, по-видимому, Гутхорм, Торгисль принадлежали к норвежской династической традиции. В свою очередь, исконно датскими династическими именами были имена Кнут, Свейн и Харальд¹⁰⁰.

Известно, кроме того, что, желая ограничить круг наследников престола, Свейн Астридссон предназначал трех своих побочных сыновей для духовной карьеры (см.: [Hoffmann 1976, 28], со ссылками на литературу и латинский текст Эльнота). Естественно предположить, что это были младшие дети и, вероятнее всего, двое из них получили христианские имена (Бенедикт и Никулас). Позднее, как уже говорилось, духовная карьера стала обычным уделом побочных наследников, однако для Дании XI в. это, судя по всему, было некоторым новшеством.

Характерно также, что в честь своего отца — Ульва — Свейн называет лишь четырнадцатого, самого младшего из своих побочных детей, что противоречило общескандинавской традиции, согласно которой в честь деда по отцу назывался один из старших сыновей в семье.

Кроме того, Свейн нарушает еще один общераспространенный обычай имянаречения. Он называет единственного законного сына Свейном — тем же именем, что носит сам, а старшему из незаконных детей, как уже говорилось, дает свое второе имя — Магнус. Правда, не исключено в данном случае, что имя Свейн дается ребенку в честь прадеда — конунга Свейна Вилобородого (приходившегося Свейну Астридссону дедом по материнской линии) или в честь деда — ярла Свейна Хаконарсона (отца Гуннхильд, матери ребенка). Нам неизвестно, что Свейн Астридссон сделал раньше: взял себе второе имя Магнус или назвал Магнусом своего (предположительно старшего) бастарда¹⁰¹. Однако в любом случае совпадение имен двух основных наследников с двумя именами отца — явление для Скандинавии нетипичное¹⁰².

В целом складывается впечатление, что Свейн Астридссон, стремясь закрепить права своего рода, применяет сразу несколько стратегий, следует нескольким различным традициям, не принадлежа вполне ни к одной из них.

Династическое имя могло, по-видимому, также даваться сыну конунга, рожденному простолюдинкой в отсутствие отца. Тогда

имя, данное человеком, осведомленным об отцовстве конунга, вероятно, было призвано не столько обеспечить ребенку высокую династическую судьбу, сколько «на всякий случай» запечатлеть его связь с королевским родом. Так, о рождении Хакона Широкоплечего (1161—1162), сына конунга Сигурда Рта и, возможно, единокровного брата Сверрира, в саге рассказывается следующее: «Сигурд конунг ездил со своей дружиной по пирам на востоке в Вике и проезжал мимо усадьбы, принадлежавшей богатому бонду по имени Симун. Проезжая через усадьбу, конунг услышал в доме такое красивое пение, что был им пленен. Он подъехал к дому и, заглянув в него, увидел женщину, которая молола на мельнице и необычайно красиво пела. Конунг сошел с коня, подошел к женщине и возлег с ней. Когда он уехал, Симун узнал, что произошло. Женщину звали Тора. Она была работница Симуна. С тех пор Симун стал заботиться о ней. В свое время эта женщина родила сына. Ему дали имя Хакон и называли сыном Сигурда конунга (ok var sá sveinn nefndr Hákon ok kallaðr sonr Sigurðar kopungs). Хакон воспитывался у Симуна сына Торберга и Гуннхильд, его жены» [Нкг., III, 373—374].

Не исключено, что легендарным прототипом подобных эпизодов послужил рассказ об обстоятельствах имянаречения одного из побочных сыновей основателя королевской династии Харальда Прекрасноволосого. Речь идет о рождении будущего правителя и первого конунга-христианина на норвежском престоле — Хакона Доброго, или Воспитанника Адальстейна (ум. ок. 960 г.): «Когда конунгу Харальду <Прекрасноволосому> было почти семьдесят лет, ему родила сына женщина, которую звали Тора Жердинка с Морстра, потому что она была родом с острова Морстр. У нее была хорошая родня, она была в родстве с Хёрда-Кари. Она была красавицей на редкость. Ее называли рабыней конунга (hon var kölluð kopungs ambátt). Многие, и мужчины и женщины, были тогда обязаны службой конунгу, хотя и происходили из хорошего рода. Тогда было в обычае у знатных людей тщательно выбирать тех, кто должен окропить водой ребенка или дать ему имя (Sá var síðr um göfugra manna börn, at vanda menn mjök til at ausa vatni eða gefa nafn). И вот, когда Торе подошла пора рожать, она захотела поехать к Харальду конунгу. Он был тогда на севере в Сэхейме, а она была в Морстре. Она отправилась на север на корабле Сигурда ярла. Однажды ночью они стояли у берега, и тут Тора роди-

ла ребенка на скале у конца сходен. Это был мальчик. Сигурд ярл окропил мальчика водой и назвал его Хаконем по своему отцу Хакону, хладирскому ярлу (Sigurðr jarl jós sveininn vatni ok kallaði Hákon eptir feðr sínum, Hákoní Hlada-jarli)¹⁰³. Мальчик скоро стал красивым и статным и очень похожим на отца. Харальд конунг позволил мальчику остаться при матери, и они с матерью жили в поместьях конунга, пока мальчик не вырос» [Hkr., I, 155—156]¹⁰⁴.

Можно предположить, что впоследствии норвежские самозванцы, объявляющие себя побочными сыновьями конунга, апеллировали именно к таким ситуациям.

Почему бастард получает то или иное конкретное династическое имя, как вообще имена проникают в королевскую семью, каким образом имя становится династическим — все эти вопросы представляют несомненный интерес для исследования, но далеко не всегда на них может быть дан сколько-нибудь однозначный ответ¹⁰⁵. Многие исконные имена связаны со скандинавскими династиями со времен дописьменной древности, и мы не располагаем достоверными сведениями о начале их бытования.

Интерес к судьбе имени Магнус порождается отчасти и тем, что его история может, в сущности, служить наглядным пособием для изучения того, как заимствованное имя проникает в королевский род, обрастает там определенными функциями и устойчивыми ассоциациями, приобретает способность влиять на судьбу своего носителя, а порой и на исторические судьбы государства. Это имя — в отличие от исконных династических имен — проникает в Скандинавию в исторически верифицируемый период — иными словами, мы знаем, когда и как оно заимствуется извне, и можем проследить, что с ним происходит в дальнейшем. Таким образом, мы можем в некотором смысле моделировать сам процесс формирования династического именослова.

На примере имени Магнус мы видели, в частности, как соединение случайных обстоятельств привело неожиданным образом к появлению устойчивого династического образца для наречения побочных детей. Несомненно, в скандинавских правящих домах существовали и другие образцы подобного рода. Такое предположение кажется правдоподобным, в частности, в связи с тем, что в текстах саг мы можем уловить некоторые клише в самих описаниях наречения детей конунга¹⁰⁶.

В качестве одного из основных образцов поведения конунга в сагах предстает основатель норвежской династии — Харальд Прекрасноволосый. У Харальда было множество сыновей, часть из которых позднейшие источники называют законными, а часть побочными¹⁰⁷. О том, как один из побочных сыновей Харальда был назван Законом, уже говорилось выше.

Существует также свидетельство саги о том, как Харальд делает свое собственное имя династическим, моделирует преемственность королевской власти и преемственность имени. Так, Харальд Прекрасноволосый, уже передав власть над Норвегией своему сыну Эйрику Кровавая Секира (ум. в 954), согласно саге, объявил и следующего конунга своей державы: «У Эйрика и Гуннхильд родился сын. Харальд конунг окропил его водой, дал ему свое имя и сказал, что он будет конунгом после Эйрика, своего отца» (*Haraldr konungr jós vatni ok gaf nafn sitt, segir svá, at sá skyldi konungr vera eptir Eirík föður sinn*) [Нкр., I, 161]¹⁰⁸. По-видимому, дальнейшие исследования могли бы обнаружить в повествованиях о родоначальнике династии еще целый ряд образцов, объясняющих укорененность того или иного имени в королевских семьях. Однако необходимо учитывать, что эти тексты записывались в ту пору, когда времена Харальда Прекрасноволосого явно воспринимались уже как отдаленная древность, а бытование соответствующих имен в правящих династиях насчитывало около трех столетий.

Возможно, в сагах содержится своего рода «объяснение задним числом», когда для существующих имен создаются вымышленные образцы, актуальные ко времени составления источника¹⁰⁹. Для нас, тем не менее, значимо как реальное событие X в., так и его интерпретация, возникающая тремя столетиями позже.

Не исключено, что и в судьбе имени Магнус сыграла некоторую роль традиция наречения сыновей, восходящая к временам Харальда Прекрасноволосого. Как уже не раз говорилось, для истории имени Магнус оказался чрезвычайно важным тот факт, что элемент Магнус мог читаться в нескольких смысловых регистрах. Прежде всего, Магнус в Скандинавии воспринималось как личное христианское имя. Но, как мы помним, уже довольно рано на скандинавской почве заново устанавливается связь этого имени с латинским словом *magnum*. В европейских правящих династиях, как известно, это слово использовалось в качестве почетного прозвища, которого устаивался далеко не каждый правитель.

В Скандинавии, да и во всей Европе, оно ассоциировалось прежде всего с Карлом Великим, именно эту связь подчеркивал, в частности, скальд Сигват, оправдывая свой выбор имени для наследника перед Олавом Святым. У Карла Великого элемент *magnus* вошел в его полный императорский титул (*serenissimus Augustus a Deo coronatus magnus pacificus imperator, Romanum gubernas imperium*), и, по-видимому, именно с этого времени *magnus* становится в Европе столь почетным элементом в именовании монарха (ср.: [Kienast 1967, 10, 12, 13]).

С другой стороны, в правящих династиях иногда используется и еще одно, по-видимому более архаическое, значение прозвища *magnus* — «старший» (см.: [Kienast 1967]). Оба эти значения — и «великий», и «старший» — приходятся как нельзя более кстати в скандинавском именовании избранного наследника королевской власти.

Семантическая составляющая «старший» в имени оказалась тем более уместной на скандинавской почве, что здесь существовала, по-видимому, собственная традиция давать старшему сыну имя, указывающее на его первенство среди других сыновей. Ср., например, о сыновьях Эйрика Кровавая Секира: «Детьми Эйрика и Гуннхильд были: Гамли, он был старшим (*Gamli var elztr*), Гутхорм, Харальд...» [Нкг., I, 164]. Имя Гамли, собственно говоря, означает 'старый', и представляет собой слабую форму прилагательного, использовавшегося часто как приименной эпитет в той же функции, что и лат. *maior* (ср.: [Cleasby 1957, 188])¹¹⁰. Напомним, что датский конунг Кнут Великий, который в ряде латинских источников обозначается эпитетом *magnus*, в скандинавской традиции известен в том числе и как Кнут Старый (*Knútr gamli*), то есть под прозвищем, призванным отличить его от молодого Кнута, его сына и преемника на престоле (ср.: [Thoma 1985, 39]). Аналогичным образом в XIII в. норвежский конунг Хакон Старый (*Hákon hinn gamli*) мог называться в документах Хаконем Магнусом [Koht 1952, 75–76; Paasche 1948, 296].

Не исключено, что в скандинавском антропонимиконе еще довольно долго сохранялась память о том времени, когда имя и прозвище как бы сосуществовали в синкретическом единстве. В языческой традиции ребенок мог при рождении получить в качестве личного имени прозвище кого-либо из своих умерших предков, а иногда ему одновременно давалось и имя, и прозвище умершего

родича (чем, по-видимому, еще больше подчеркивалась идея воплощения предка в потомке [Storr 1893, 215–217]). Этим, в частности, может объясняться то обстоятельство, что именование императора Карла — Carolus Magnus — могло восприниматься и как два личных имени, и как имя и прозвище, для чего прозрачная семантика имени Магнус давала все основания. Достаточно было владеть самыми начальными познаниями в латыни, чтобы понимать, что значит слово *magnus*.

Показательно, что в древнеисландском языке (как и во многих других языках) понятия «имя» и «титул» обозначаются одним словом — *nafn*. В архаическом обществе титул теснейшим образом связан с происхождением, с родом человека, а процедура наречения именем, по-видимому, исконно была связана с процедурой введения в род. Получив имя, человек в некотором смысле получал и титул, на который имел право по рождению (вспомним эпизод в саге, где Харальд дает внуку собственное имя и одновременно провозглашает, что тот будет конунгом после своего отца).

При изменении социального статуса, при получении нового титула, не принадлежавшего человеку от рождения, он зачастую получал и новое имя. Так, в сагах нередко рассказывается, как конунг дает титул ярла (*jarlsnafn*) кому-либо из своих приближенных, изменяя при этом его имя. Например, Сигурд Крестоносец, согласно «Саге об оркнейцах», дал Кали сыну Коля вместе с титулом ярла имя Рёгнвальд¹¹¹. В «Саге о Хаконе Старом» рассказывается, что конунг Хакон сделал некоего Оспака конунгом Гебридских островов и наряду с титулом (*konungs nafn*) дал ему другое имя — Хакон¹¹². Примеры подобного рода можно было бы умножить.

Возвращаясь к уже обсуждавшимся представителям скандинавских королевских родов, можно вспомнить о том, как был избран конунгом Энунд-Якоб. Шведы, как уже говорилось, сочли неподходящим для своего правителя имя Якоб. На тинге ему одновременно дается титул конунга (*konungs nafn*) и имя Энунд (*Önundar nafn*). Титул и династическое имя в этой процедуре выступают в единой связке.

По-видимому, в средневековой Скандинавии человек мог соответствовать или не соответствовать имени (точно так же, как он мог соответствовать или не соответствовать титулу), особенно в тех случаях, когда речь шла об именах, отчетливо обозначающих при-

надлежность к роду, в частности о династических именах. Так, Магнус Эрлингссон, рожденный не от конунга, но носивший традиционное для побочного сына конунга имя, как кажется, всю жизнь стоял перед необходимостью доказывать свое право на это имя, так же как он вынужден был доказывать свое право на монарший титул.

Любому простолюдину могли дать имя Магнус, но когда его получал потомок конунга по женской линии, а не королевский бастард, оно, вероятно, вызывало смутное неприятие у современников. Показательны в этом отношении слова архиепископа Нида-роса, произнесенные в ответ на упреки Эрлинга Кривого, отца Магнуса: «Прежде ты с лихвой преувеличил имя/титул и власть твоего сына (aukit hefir þú nú áðr með gnógu nafn ok ríki sonar þíns) <...> как я полагаю, ты больше нарушил закон, поскольку тот теперь правит страной, кто не сын конунга (er sá er konungr yfir landi, er eigi er konungs sonr). А это противозаконно и беспрецедентно здесь в стране» [Нкр., III, 462]. «Неправильное» именование может, таким образом, восприниматься как неправомерное притязание на родовое наследство, а понятия имени и титула иногда оказываются неразделимо слиты.

Итак, конунг, нарекая своего сына тем или иным именем, вводил его в род и должен был определить его место в этом роду. Повидимому, к моменту принятия христианства у скандинавов еще была вполне распространена вера в то, что в новорожденном мог заново воплотиться его предок. Повтор и чередование имен олицетворяло такое перевоплощение в цепи поколений (см. подробнее в классической работе: [Storm 1893]). Правила, регулирующие такой повтор имен в роду, надолго переживают сами представления о реинкарнации. При этом само существование культа предков предполагало тщательное отделение «своего» от «чужого», своеобразную охрану границ рода. В том числе и поэтому бастардам с осторожностью давались династические, родовые имена. Имя же Магнус, с одной стороны, отмечало незаконнорожденность его носителя (так как быстро стало традиционным именем для побочного сына), а с другой стороны, оно соединяло в себе функции личного христианского имени, прозвища и титула, обеспечивая бастарду династическое полноправие.

Претендент на престол, меняя имя, как бы выявляет свои дотоле скрытые права на титул. У конунга титул (konungsnafn) и имя, как

ни у какого другого человека, неразрывно связаны между собой. В Норвегии династической парой, задающей образец именованию конунга, стали, как мы помним, Олав Святой и Магнус Добрый. В Дании у истоков новой династической традиции, рождающейся в христианскую эпоху, стоял Свейн Астридссон, взявший себе имя Магнус. В Швеции же в христианскую эпоху проблема династической регуляции с помощью имен решалась несколько иными средствами, но принципиально сходным образом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Целесообразнее изучать не историю имени, а историю выбора имен...» Отчасти перефразируя эпиграф, можно сказать, что мы пытались рассмотреть историю королевских родов Скандинавии не как историю событий и свершений, а как историю планов, намерений и устремлений, порой осуществившихся в исторической действительности, а порой так и не нашедших своего воплощения. Эти намерения и устремления запечатлены в сложном и изощренном «языке имен», понятном современникам и ближайшим потомкам, но не всегда прозрачном для человека Нового времени. Имена оказываются ценнейшими, но с трудом поддающимися расшифровке свидетельствами внутренней жизни династии. История выбора имени — это всегда история уникальной судьбы и в то же время история рода, история всей культурной традиции, в которой этот род существует.

На примере скандинавских королевских имен X—XIII вв. можно воочию увидеть, что стоит за словами «эпоха двоеверия», можно проследить, как живые люди в реальных ситуациях оказываются перед необходимостью сочетать два начала — традиционное, восходящее к язычеству, и новое, христианское. Вырабатываются очень тонкие механизмы и создаются сложные модели-образцы, постепенно формирующие христианскую культуру Скандинавии. Наречение именем — акт чрезвычайно важный как для язычника, так и для христианина, и потому особенно показательно, что в Скандинавии история выбора имени оказалась историей относительно мирного взаимодействия язычества и христианства.

Столкновение двух этих начал в процедуре имянаречения, разумеется, не было исключительно скандинавской проблемой. Так, несомненно, одним из интереснейших для всей истории европейского Средневековья вопросов является вопрос о том, как сочетается обычай называть в честь предка и распространившийся с хри-

стианством, но не всюду ставший обязательным обычай называть в честь святого. Скандинавская ситуация двоеверия лишь выявляет эту проблематику с особой яркостью и своеобразием.

Интересующая нас эпоха уместается, условно говоря, между христианизацией Скандинавии (ее крещением на рубеже X—XI вв.) и возникновением огромного числа письменных источников собственно скандинавского происхождения (массовой записью саг в конце XII—XIII в.). В этот период еще живо все то, что связывает Скандинавию с архаической культурой раннего Средневековья, с другой же стороны, страны полуострова активно вовлекаются в орбиту общеевропейской духовной жизни. К концу этой эпохи появляется устоявшийся порядок престолонаследия и устоявшийся порядок имянаречения. Меняется самый тип культуры, и вслед за этим пропадает потребность в той тонкой и сложной регуляции династической жизни, которая была выработана во времена двоеверия. Однако влияние культурных моделей, созданных в эту эпоху, распространяется далеко за ее временные рамки и далеко за пределы собственно королевских домов.

Можно сказать, что об этом чрезвычайно важном периоде скандинавской истории мы знаем одновременно и много и мало. Действительно, от этого времени сохранились не только рунические надписи и скальдические стихи, но и довольно обильные свидетельства различных европейских хронографов, для которых Скандинавия перестала быть полностью чуждым, враждебным миром. Однако собственно скандинавские письменные источники появляются лишь к концу этого периода, а тексты, наиболее подробно повествующие о событиях X—XII вв., — саги — записываются, как уже говорилось, в основной своей массе в XIII в., и все они в той или иной степени несут на себе отпечаток своего времени.

Для составителей саг правдоподобность описания была, по-видимому, важнее того, что современный ученый считает точной фиксацией фактов. Поэтому, работая с богатейшим историческим материалом королевских и родовых саг, исследователь в каждом случае вынужден определять заново, с чем он имеет дело — с событиями XI—XII вв. или с произвольной реконструкцией этих событий, принадлежащей к веку XIII.

В нашей работе мы исходили из принципа максимального «двоеверия» к источнику. Стремясь подтвердить показания саг показаниями других исторических свидетельств, мы неизменно отдавали

себе отчет в том, что своеобразная «правда саги» — это зачастую единственная правда о том времени, которой мы располагаем. В условиях дефицита непосредственных свидетельств эпохи нам так или иначе приходится иметь дело с догадками и реконструкциями. Представления авторов саг XIII в. оказываются в любом случае ценнее и интереснее построений, созданных в XX столетии.

Имена же сохранялись всеми скандинавскими источниками с особой тщательностью, а то, как выбирали имена их предки, неизменно занимало авторов саг и их аудиторию. У нас есть, таким образом, точные знания о самих именах — в одних только сагах об исландцах, так называемых родовых сагах, упомянуто около 7000 имен — и почти столь же обширный, но нуждающийся в интерпретации материал о том, как эти имена выбирались. Попытка такой интерпретации представлена в настоящей книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сразу же отсылаем читателя к отдельным работам, где наиболее подробно рассматриваются вопросы законного и незаконного рождения в средневековой Скандинавии: [Mauger 1883; Delin 1908; Holmbäck 1929, особенно 70–75; Almquist 1951, 69–74, особенно 70; Carlsson 1965, особенно 39, 79, 231f., 234f., 238, 245].

² Здесь и в дальнейшем мы употребляем слово *ба стард* в значении исторического термина, то есть 'внебрачный сын влиятельной особы'.

³ Имена некоторых правителей на определенном этапе становятся христианскими, поскольку в самой Скандинавии появляются свои собственные святые — тэзки тех или иных конунгов. Один из них — Олав Харальдссон — сам происходил из королевского рода (он занимал норвежский престол с 1015 по 1030 гг.) и, соответственно, являлся носителем династического имени. Таким образом, некоторые династические имена приобретают как бы особый, двоякий статус: с одной стороны, они укоренены в королевском роду и были распространены в нем задолго до перехода в новую веру, с другой же стороны, они оказываются освящены с известного момента церковной традицией.

⁴ По-видимому, иначе обстояло дело в Дании, где многие члены правящего рода с XI в. обладали, как правило, двумя именами, одно из которых было иностранным, а другое — традиционным. Так, конунг Свейн Вилобородый (ум. в 1014 г.) при крещении взял имя Отто, в честь своего крестного отца, императора Оттона II. Под этим двойным именем (Suein Otto) он упоминается во многих латиноязычных источниках, в частности у Адама Бременского. Сын Свейна, конунг Кнут Великий, имел второе имя — Ламберт (Lambertus). Сестра Кнута, Астрид, называлась также Маргаретой. Ее сын, знаменитый конунг Свейн Астридссон, известен под именем Магнус (см. ниже, гл. IV). Христианским именем его дочери, Гуннхильд, было имя Елена. Эйрик Ламм известен под библейским именем Давид, а сын Эйрика Эмуна, Свейн, под именем Петр (Petrus). Подробнее о двойных именах в датской династии см.: [Steenstrup 1892–1894; Thoma 1985, 36–44, 72–74, 210–212; Grape 1911, 79; Personnamn 1947, 229–230; Axnäs 1937, 13–15; Meldgaard

1994, 204; Gallén 1992, 14f.]. Единичные случаи, когда конунг обладал двумя именами, известны и из норвежской истории, но мы коснемся их ниже.

⁵ Случаи «наплыва» христианских имен в отдельно взятом роду, вообще говоря, хорошо известны и, по-видимому, могут быть объяснены влиянием моды. О том, как родовые традиции имянаречения в средневековой Исландии изменяются в зависимости от тех или иных культурных предпочтений членов семьи, см. подробно: [Sveinsson 1936, 190—196].

Христианские имена занимают видное место в истории рода жителей хутора Одди: благодаря ему, например, в исландский антропонимикон были введены и в нем закрепились такие имена, как *Andréas* или *Kristófógus*. Целый ряд членов семьи последовательно получал христианские имена *Fillipus*, *Jón*, *Margret*, *Páll*... Наряду с увлечением христианскими именами члены этого рода испытывали пристрастие к скандинавским династическим именам (*Haraldr*, *Hálfdan*, *Ragnhildr*, *Rikiza*) и именам, почерпнутым из «литературной» традиции (*Agnat*, *Svanhildr*, *Randalín*). Для дальнейшего изложения немаловажно, что многие из носителей христианских, иностранных и других нетривиальных имен в этом роду (*Андреас*, *Вильхьяльм*, *Филипп* и др.) были по происхождению побочными детьми. В частности, незаконнорожденным сыном *Йона Лофтссона*, одного из самых известных представителей рода, считавшегося внуком норвежского конунга *Магнуса Голоногого*, был *Паль* (*Павел*), избранный в 1193 г. епископом *Скальхольта*. Примечательно, что сын *Йона* от законной жены был назван, напротив, традиционным родовым именем *Сэмунд*, в честь своего прадеда, *Сэмунда Мудрого*. О необычных именах отдельных побочных детей в исландских родовых сагах ср.: [Ebel 1993, 45]. Отметим, что в данной работе *Сэмунд Йонссон* ошибочно называется побочным сыном *Йона Лофтссона*. Этому противоречат, однако, показания многочисленных саг, где *Сэмунд* фигурирует в качестве законного наследника *Йона* (см.: [Sturl., I, 189], ср.: [Sveinsson 1953, 64; Hermannsson 1932, passim; Байок 2000, 42]).

⁶ Показательно, что, согласно саге, сам *Олав Святой* считал это верование языческим предрассудком [Flat., II, 135]. Между тем, даже в христианскую эпоху, когда записывались саги, *Олав Альв Гейрстадира* мог считаться именно тем предком из династии *Инглингов*, в честь которого был назван *Олав Святой* (см.: [Flat., II, 6—9; ОН. Leg., 1—4]). Ср.: [Storm 1893, 202, 214; Höfler 1954].

⁷ Наиболее отчетливо такая роль имени проступает, естественно, в ситуации спора за власть. В этом случае сторонникам претендента на престол важно, что он является носителем династического имени, а его противники используют другое имя, не имеющее династических ассоциаций: ср. в этой связи пример, где династическое имя (*Инги*) противопостав-

ляется простому имени того же лица и его уничижительному прозвищу — «У Николаса епископа и его людей был мальчик, про которого они говорили, что он сын Магнуса сына Эрлинга <конунга Норвегии с 1162 по 1184 г. — Ф. У.> и зовется Инги, а берестенники говорили, что он датчанин и зовется Торгильс Кучка Дерьма» (þeir Nicolas byscup hófu þar með ser svein þann er þeir colluðu Jnga son Magnus konungs Erlings-sonar. þann colluðu Birkibeinar danscan oc heita Þorgils þufu-scit) [Sv., 134], ср.: [Flat., III, 109].

⁸ Так, например, один из побочных сыновей конунга Магнуса Голоногого (ум. в 1103 г.) был первоначально известен под кельтским именем Гилли или Гилликрист (букв. «Слуга Христов»), достаточно распространенным и в Скандинавии (ср.: [Lind 1905–1915, 333–334]). Существенно, что в Ирландии, откуда, возможно, происходил этот человек, имя Гилли / Гилликрист давалось детям, предназначавшимся родителями для духовной карьеры (см.: [Mitterauer 1993, 213]). Вообще следует заметить, что церковная карьера была обычной судьбой для побочных детей знатных особ. Когда он объявил о своем происхождении, а следовательно, и о претензиях на престол, мать Гилли немедленно открыла его второе, определенно династическое имя, Харальд, которое, возможно, заранее было припасено ею именно на этот случай (см.: [Нкр., III, 300; Fask., 334; Msk., 391; Ágr., 53]; в [Оркн., 130–131; Flat., II, 440] Гилликрист сам открывает свое второе династическое имя). В дальнейшем этот человек занял норвежский престол и назывался, согласно сагам, Харальдом Гилли (или Харальд Гилликрист [Flat., I, 28]).

Здесь мы видим, в какой степени то или иное имя определяло судьбу его носителя: возможно, для мальчика с самого начала были предусмотрены два варианта судьбы, а соответственно, и два имени. Не исключено, однако, что при перемене судьбы в тот момент, когда Гилли решил претендовать на престол, его матери пришлось задним числом изобрести династическое имя, будто бы данное ему при рождении.

По нашему мнению, еще одно имя (Магнус), не отказавшись от первого, взял себе самый знаменитый из самозванцев — конунг Сверрир (см. об этом ниже, гл. III). Следует подчеркнуть, что в Норвегии наличие двойного имени у конунга не было столь же обычным явлением, как в датской династической традиции (см. выше, прим. 4).

⁹ См., например: [Назаренко 2000, 503; Sickel 1903, 110–147].

¹⁰ Сам Вальдемар, рожденный в законном браке, также был назван иностранным именем. Однако это случай особого рода, поскольку его имя не было христианским. Будущий конунг Дании родился на Руси сразу после смерти своего отца — Кнута Лаварда — и был назван в честь своего прадеда по материнской линии, Владимира Мономаха [Кnútl., 216]. Благодаря этим обстоятельствам, имя Вальдемар (< Владимир)

стало датским династическим именем (ср.: [Storm 1893, 214–215]). В частности, им был назван младший законный сын Вальдемара Великого, известный впоследствии как конунг Дании Вальдемар Старый (1202–1241). Вальдемар II получил имя еще при жизни своего отца, Вальдемара I, что, вообще говоря, идет вразрез с обычной практикой имянаречения (о ней см. подробно: [Storm 1893, 211–215; Keil 1931]).

В этой связи высказывалось предположение, что Вальдемар II был назван не по отцу, а в честь русского князя Владимира Галицкого, якобы его деда по материнской линии (см.: [Personnamn 1947, VII, 230–231] со ссылками на литературу). Аргументация исследователей, отдающих предпочтение данной гипотезе, не совсем ясна, ведь отцом Софьи (жены Вальдемара I и матери Вальдемара II) был, по-видимому, минский князь Володарь Глебович. В древнескандинавских источниках отец Софьи и дед Вальдемара II фигурирует под именем Валад (Valað) (ср. «Вальдемар конунг Данов взял в жены Суффию, дочь Валада, конунга Пулина-ланда (Польша) и королевы Рикицы» [Fask., 300]) или Валадар (Valaðar) [Knytl., 242]. См. подробнее: [Джаксон 2000, 180–181], с указанием литературы. Не исключено, правда, что имена Володарь и Владимир на данном этапе отождествлялись скандинавами.

¹¹ К этому времени имя Кнут превратилось в христианское, поскольку появились одноименные святые, происходившие из датского королевского рода (всего известно три датских святых конунга с именем Кнут: Кнут Святой, Кнут Лавард и Кнут Магнуссон). Один из них, Кнут Лавард (ум. в 1131), к тому же приходился дедом обсуждаемому здесь Кнуту Вальдемарссону. В свою очередь, сам Кнут Лавард, сын конунга Эйрика Доброго, был назван этим именем, согласно саге, в честь Кнута Святого [Knytl., 185].

¹² Так, в XIII в. норвежский герцог Скули, в определенный период находившийся у власти в стране как «законнорожденный брат конунга» (skilgetinn brodir konungs) [Flat., III, 14, 54–55], называет своего побочного сына именем Петр [Flat., III, 101], уже очень распространенным к этому времени в Норвегии, но, как будто бы, совершенно не принятым в роду самого герцога. Данный пример говорит еще и о том, что принцип наречения бастарда иностранным именем присутствовал не только в королевском роду, но и в собственно аристократической среде. Вообще, социальные границы этого явления в позднем Средневековье с трудом поддаются четкому определению.

¹³ Об основных обозначениях наложниц в древнескандинавских источниках (frilla, ambátt и др.) см.: [Ebel 1993, 150–160].

¹⁴ Ср., в частности: [Flat., II, 236–237; Msk., 3; OH. Leg., 42; Fask., 179; Flat., III, 252; Adam, 135]. Все эти источники так или иначе отмечают побочное происхождение Магнуса Доброго. История рождения

Магнуса содержится также в сочинении Уильяма Мальмсберийского (ум. в 1141); кроме того, данный сюжет представлен в скандинавской фольклорной традиции позднего Средневековья (см. подробнее: [Daae 1879, 96–100]).

Согласно Уильяму Мальмсберийскому, мать Магнуса Доброго, Эльфильда, была родом из Англии. Она стала пленницей норвежского вождя, и слухи о ее красоте дошли до Олава Святого. Олав полюбил ее и захотел сделать своей наложницей, тайком от королевы, но Эльфильда отвергла его домогательства. Тогда Олав вынудил ее к сожигательству, в результате чего на свет появился мальчик. После смерти Олава Святого епископ сообщил королеве о рождении наследника, и Эльфильда, опасаясь преследований со стороны королевы, должна была вернуться в Англию. Мальчика же, который был назван Магнусом, воспитывал епископ.

Для английского хрониста, по-видимому, судьба Эльфильды (в конце жизни она приняла постриг и была похоронена в Мальмсбери) была более значима, чем судьба ее ребенка: о нем он проявляет не слишком большую осведомленность. Магнус, по его версии, вскоре был объявлен королем, но скоропостижно скончался через полтора года [WMm, 412–413]. В тексте Уильяма Мальмсберийского ничего не сообщается об обстоятельствах его наречения именем Магнус.

¹⁵ В сагах упоминается Торир, брат Магнуса Доброго, однако он не был сыном Олава Святого. Торир был единоутробным братом Магнуса (см.: [Ág., 39; Flat., III, 317]).

¹⁶ Правда, не следует забывать и о том, что, сделав обращение Норвегии в христианство делом всей своей жизни, Олав был, пожалуй, единственным норвежским правителем, который даже в династической ситуации, подобной рассматриваемой, мог отдать предпочтение именно христианскому имени (ср.: [Джаксон, в печати]). Однако другие попытки реформировать династический именовослов, исходившие от Олава, как будто бы неизвестны.

Сам по себе интересен вопрос, каким конкретным династическим именем мог бы быть назван внебрачный сын Олава Святого. И хотя лобное рассуждение на эту тему носит заведомо гадательный характер, напрашивается предположение, что Олав намеревался назвать его в честь своего отца — Харальда Гренландца. Однако этим именем уже звали единоутробного брата Олава Святого — Харальда Сигурдарсона (Сурового), который являлся основным конкурентом Магнуса в вопросе престолонаследия. В принципе это обстоятельство едва ли стало бы решающим при наречении ребенка отцом, но для ближайшего окружения, которое было вынуждено взять процедуру наречения на себя, оно очевидно могло иметь определенное значение.

¹⁷ Как мы помним, скальд Сигват объясняет свои действия Олаву Святому следующим образом: «Ребенок был при смерти, и если бы он умер некрещеным, то попал бы к дьяволу, а теперь он Божий человек. Кроме того, я знал, что если ты разгневаешься на меня, то я поплачусь за это самое большое жизнью. Но я полагаю, что тогда я попал бы к Богу». Разумеется, рассуждение о том, что происходит с душами некрещеных младенцев, — это общее место для всей западноевропейской христианской традиции. Однако на скандинавской почве эти рассуждения приобретают неожиданный и, как кажется, вполне самобытный характер. В норвежском средневековом праве убийство некрещеного ребенка (язычника), парадоксальным образом, квалифицируется как более тяжкое преступление, чем убийство крещеного младенца. Внутренняя мотивация правовых источников в этом случае разительно совпадает с мотивацией скальда Сигвата в *sage* (см.: [Mauger 1880, 16–17]).

Появление в норвежском праве столь необычного утверждения, согласно которому убийство христианина в каком-то смысле лучше, чем убийство язычника, связано, по-видимому, с дохристианской практикой оставления (а фактически, убийства) новорожденных в Скандинавии. Вопросы о крещении ребенка и ценности жизни встраивались для Сигвата, таким образом, в совершенно особый контекст.

¹⁸ Ср., например, обращение к «царям» Константину Великому и Владимиру Святому в «Житии Владимира», где оба они называются «родниками» Бориса и Глеба, причем с Владимиром Святым Борис и Глеб были в реальном, кровном родстве, тогда как родство их с Константином Великим могло быть только «виртуальным», о чем, разумеется, знал греческий автор жития (см.: [Успенский 2000, 86]). В западноевропейской традиции наиболее популярной фигурой, часто служившей объектом такого родственного почитания, был именно Карл Великий.

¹⁹ Из текста Снорри остается неясным, знал ли скальд Сигват, выбиравший имя новорожденному, о существовании святых Магнусов или для него это было исключительно одним из имен (или частью имени) Карла Великого. Возможно, он считал это имя подобающим для христианина уже потому, что его носил христианский правитель.

По-видимому, в эпоху Олава Святого противопоставление языческого и христианского имени находилось в стадии стремительного формирования. Общество сталкивалось с необходимостью крещения как взрослых, уже имевших определенное языческое имя, так и детей, имена для которых необходимо было выбирать заново. Вероятно, в Скандинавии языческое имя могло считаться пригодным для маленького христианина, особенно если был известен взрослый с таким именем, заведомо исповедующий христианство. Можно сказать, что практически всякое имя христианина-иностранца априори могло считаться христианским.

²⁰ Вероятно, скандинавы не только считали, что у императора было два равноправных имени, но и видели необходимость в мотивации этого факта. Так, согласно относительно поздней «Саге о Карле Великом», после смерти отца Карл видит во сне ангела, который предостерегает его от опасности. Карл, скрываясь от убийц, попадает в воровскую шайку. При этом главарь шайки, Базин, должен был называть Карла Магнусом, дабы уберечь его от врагов (*hann skilldi alldre nefna Karl retta nafni sinn <...> Magnus skalltu nefna hann þuait ef fiandmenn hans verda varir vidr hann þa ottunz ek þa*). Позже, когда Карл/Магнус вернулся к своей матери, Берте, та услышала, как Базин называет ее сына Магнусом. Осведомившись о происхождении этого именованья (*áknefni*), она спросила Карла, крещен ли он (*ok spurdi ef hann væri kristinn*). Тот ответил, что крещен, но не подтвержден (*hann kuadz vera skirdr enn eigi byskupadr*). Тогда мать вызвала архиепископа и велела ему подтвердить Карла (*ek uildi át þer fermdit Karll son minn ok snærit nafn hans*). Архиепископ спросил, подтверждать ли его под именем Карл (*ok spurdi sidan ef hann skilldi Karll heita*). В ответ Берта разъяснила ему ситуацию с двумя именами: он был крещен Карлом, но Базин изменил ему имя и называет его Магнусом (*hon sagdi hann med þui <Karll. — Ø. У.> skirdan hafa verit «en þeir Basin hafa nv snuit nafni hans ok segia hann nu Magnus heita»*). После этого архиепископ подтвердил будущего императора под именем Карламагнуса («*vel ma hann nv Karllamagnus heita» ok fermdi hann sidan medr þessu nafni ok blezadi*) [Klm., 4—5, 10—11]. Не исключено, что в саге отразились некоторые сомнения, является ли Магнус самостоятельным христианским именем, и их разрешение в пользу его христианского статуса.

В Исландии XIII в. появляется имя Карламагнус [Sturl., I, 317], очевидно не без влияния литературной традиции (ср.: [Sveinsson 1953, 39]). Интересно, что впервые этим именем ок. 1270 г. назвал своего сына один из жителей хутора Одди, Магнус Андреассон [Sveinsson 1936, 195—196]. Имена Карл и Магнус уже существовали в Исландии, но нововведенное имя явно рассматривалось как цельное и самостоятельное. В частности, сына человека с таким именем называли Карламагнуссоном, а не Карлссоном или Магнуссоном (ср.: [Lind 1905—1915, 677]).

Вероятно при этом, что имя Карламагнус является заимствованием и воспроизводит внутреннюю структуру французского Charlemagne.

²¹ До сих пор в наших рассуждениях мы стремились вычлениить из рассказа Снорри наиболее общую событийную канву наречения Магнуса Доброго, останавливаясь только на ключевых моментах повествования, которые представляются нам правдоподобными. На наш взгляд, это единственная возможность реконструкции событий XI в., сколько-нибудь подробное описание которых содержится только в этом ис-

Возможен и другой подход к этому эпизоду из «Саги об Олаве Святом» — можно считать его от начала до конца «литературным вымыслом» Снорри Стурлусона. Это означало бы, однако, что Снорри изобретает этот сюжет для того, чтобы объяснить феномен имени Магнус в норвежской истории, и делает это исходя из представлений об имянаречении, сложившихся в Скандинавии к XIII в. В таком случае наше построение описывает не события XI в., а именно эти представления XIII в., что, в некотором смысле, не менее ценно для нас. Если так, то мы пытаемся решить ту же задачу, с которой имел дело Снорри, и стремимся уловить те принципы, которыми он руководствовался.

²² Уже будучи в Исландии, Торстейн Хальссон одним из первых в стране назвал своего сына Магнусом. Имя укоренилось в роду Торстейна — в частности, им был позже назван внук Магнуса Торстейнссона, будущий епископ Скальхольта Магнус Эйнарссон (1134—1148 гг.).

²³ В русской историографии имя этого конунга традиционно передается как Свен Эстридсен, в соответствии с современным датским написанием Sven Estridsen. Мы предпочитаем транслитерировать древнеисландскую огласовку его имени, которая присутствует в сагах. В русских переводах саг он упоминается то как Свейн Астридссон, то как Ульвссон.

²⁴ В сагах отмечается, насколько важно, кто дает имя ребенку и как велика при этом роль отца, особенно в тех случаях, если ребенок побочный. Так, в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», основателе норвежской династии, появление на свет и имянаречение его побочного сына Хакона описывается следующим образом: «Когда конунгу Харальду было почти семьдесят лет, ему родила сына женщина, которую звали Тора Жердинка с Морстра, потому что она была родом с острова Морстр. У нее была хорошая родня, она была в родстве с Хёрда-Кари. Она была красавицей на редкость. Ее называли рабыней конунга. Многие, и мужчины и женщины, были тогда обязаны службой конунгу, хотя и происходили из хорошего рода. Тогда было в обычае у знатных людей тщательно выбирать тех, кто должен окропить водой ребенка или дать ему имя. И вот, когда Торе подошла пора рожать, она захотела поехать к Харальду конунгу. Он был тогда на севере в Сэхейме, а она была в Морстре. Она отправилась на север на корабле Сигурда ярла. Однажды ночью они стояли у берега, и тут Тора родила ребенка на скале у конца сходен. Это был мальчик. Сигурд ярл окропил мальчика водой и назвал его Хаконом по своему отцу Хакону, хладирскому ярлу. Мальчик скоро стал красивым и статным и очень похожим на отца. Харальд конунг позволил мальчику остаться при матери, и они с матерью жили в поместьях конунга, пока мальчик не вырос» [Нкг., I, 155—156].

Признание отцовства и наречение именем, по-видимому, настолько тесно связаны друг с другом, что если человек, дающий ребенку имя, не

является его родным отцом, то он нередко становится его приемным отцом. Традиционно функция наречения именем — это естественное продолжение отцовства, а функция отцовства, таким образом, — это естественное продолжение имянаречения. Ср. эпизод из «Круга Земного», рассказывающий о еще одном из многочисленных сыновей Харальда Прекрасноволосого, Гутхорме.

Мальчик получил это имя от приближенного своего отца, герцога Гутхорма. Как сказано в саге, тот «окропил водой старшего сына Харальда конунга и дал ему свое имя. Он посадил мальчика себе на колено, стал его приемным отцом и увез к себе на восток в Вик» [Нкг., I, 127]. При этом Гутхорм-младший оказывается как бы сыном двух отцов — после смерти своего приемного отца, правителя Вика, он получает именно этот край в управление, но не по наследству, а от своего родного отца, конунга Харальда Прекрасноволосого [Нкг., I, 139].

Замечательно, что если верить Снорри Стурлусону, имя Магнус проникает в норвежский королевский род тоже «без ведома отца».

²⁵ Возможно, бастардом был еще один конунг, носивший это имя. Мы имеем в виду Магнуса сына Харальда Гилли, о котором сказано следующее: «Магнусом звали четвертого сына Харальда конунга. Его воспитывал Кюрпинга-Орм. Магнус тоже был провозглашен конунгом и получил свою часть страны. У Магнуса были больные ноги. Он прожил недолго и умер в постели. О нем упоминает Эйнар сын Скули <далее в тексте приводится скальдическая виса, где фигурирует имя Магнус. — Ф. У.>» [Нкг., III, 369], ср.: [Fask., 390].

²⁶ Несмотря на церковные запреты, у скандинавских конунгов-христиан были наложницы, но они практически никогда не называются женами. Хотя о Торе и говорится, что Харальд взял ее в жены (глагол fá в подобном контексте, как правило, означает «взять в жены»), она, в отличие от Эллисив, нигде не называется термином dróttning («государыня, королева»), который обычно применяется к законной жене конунга [Bugge 1914, 29; Джаксон 1999, 70] (ср. также: [Ebel 1993, 64, 70–71]). По-видимому, она ни в какой момент и не рассматривалась как полноправная жена конунга. Однако для нас значим тот факт, что через три десятилетия после крещения Норвегии наложницы имеют определенный «официальный» статус, причем этот статус, по-видимому, признавался за ними и два века спустя, когда были записаны саги. Что же касается самой Торы, происходившей из знатного норвежского рода, то, вероятно, союз с ней имел для Харальда «внутриполитическое» значение, тогда как брак с Елизаветой Ярославной принадлежал к области «внешней политики».

Судя по всему, знатность матери играла не последнюю роль и в судьбе бастардов-сыновей конунга. Во всяком случае, когда речь идет о конунге-бастарде, происхождение его матери нередко служит предметом полеми-

ки. Так, согласно «Кругу Земному», мать Магнуса Доброго была знатного рода, хотя Снорри утверждает, что ее называли «рабыней конунга» (*konungs ambótt*) [Нкр., II, 266]. Впрочем, тот же Снорри, описывая конфликт между матерью Магнуса Доброго и его мачехой, сообщает: «Альвхильд <матери конунга. — Ф. У.> хотелось сидеть рядом с конунгом <Магнусом. — Ф. У.>, а Астрид <мачеха конунга. — Ф. У.> называла ее своею служанкой (*ambátt*), как и было прежде, когда Астрид была женой конунга Норвегии <букв. „королевой Норвегии“ — *drottning yfir Nóregi*>, и Олав конунг правил страной» [Нкр., III, 15].

В «Легендарной саге об Олаве Святом» наложница Олава Святого и мать Магнуса Доброго названа «прачкой королевы» (*buatt kona*), и о ней сказано, что «она едва ли была свободной» (*en varla var hon gævo laus*) [ÓН. Leg., 42]. См. подробнее: [Karras 1990, 154–155; Ebel 1993, 46–49, 158–160].

Сага приписывает Сверриру, который в XII в. претендовал на норвежский престол в качестве побочного сына конунга, следующие слова: «Многие носили звание конунга, будучи сыновьями служанок (*þeir hafa konunga nafn borit margir er verit hafa ambattar synir*). Я же — истинный сын (*sang sonr*) Сигурда конунга и Гуннхильд. Хорошо известно, из какого она рода. Но, если тут есть кто-нибудь, — и, наверное, есть, — кому это неизвестно, я могу немного рассказать об этом. И он перечислил на тинге весь ее род во всех его ответвлениях, и многие узнали тогда о своих родичах с отцовской и материнской стороны, о которых они раньше не знали» [Sv., 138]. О различном статусе побочных детей в зависимости от социального положения их матери см. с. 32–33 настоящей работы.

²⁷ Не исключено, что Харальд предпринял попытку использовать политические успехи Магнуса Доброго, поместив его имя рядом со своим на датских монетах, датированных 1045–1050 гг. (см.: [Skaare 1966, 42–44, 51–54]; ср.: [Джаксон, в печати]). Магнус и Харальд, как уже упоминалось, были соправителями в Норвегии (с 1046 по 1047 гг.), но Магнус владел еще и Данией, а Харальду так и не удалось получить датский престол ни непосредственно после смерти своего племянника и соправителя, ни позднее.

²⁸ Обоснованность этих претензий в последнее время сделалась предметом научного обсуждения. Так, в целом ряде работ высказывались предположения, что ни Олав Трюгвасон, ни Олав Святой, ни, тем более, Харальд Суровый в действительности не являлись прямыми потомками Харальда Прекрасноволосого. Их принадлежность к роду Харальда Прекрасноволосого — результат генеалогических построений исландских и норвежских книжников, которые преследовали при этом политические цели и решали различного рода идеологические задачи. См. подробнее: [Krag 1989, 288–302; Sawyer, Sawyer 1996, 61].

²⁹ О том, как складывался именовослов династии Инглингов в дохристианскую эпоху, см., в частности: [Koht 1916; Wessén 1927, 87–90].

³⁰ Есть основания полагать, что мать Олава и Харальда впоследствии почиталась церковью. Об этом свидетельствует алтарная плита церкви Олава в Авальднесе (Норвегия, ок. 1400 г.), где Аста (*Asta Regina mater beati Olavi*) упоминается среди библейских персонажей, а не среди лиц, принадлежащих к норвежской династии (см.: [SR, VI, 375–376; Daae 1879, 92–93]). Ср.: [Lidén 1999, 70, 268, 300].

³¹ Впрочем, не все источники называют Сигурда Хриси сыном Sneфрид. Так, в том же самом *Ágrip* («Обзоре саг о норвежских конунгах») в качестве ее сына от Харальда Прекрасноволосого упомянут только Рёгнвальд [*Ágr.*, 3].

³² Любопытно, что в некоторых источниках ([*Fask.*, 216; *Flat.*, II, 524]) прадед Харальда Сурового носит другое, возможно не менее уничижительное, прозвище «уродливый великан, чудовище» (*gisi*).

³³ Согласно версии одной из саг, Харальд Прекрасноволосый «после того как понял, что обольщен финкой <т. е. колдуньей Sneфрид. — *Ф. У.*>, так разгневался, что прогнал своих сыновей от нее и не хотел их видеть» [*Hkr.*, I, 135–136]. Таким образом, Харальд вел свой род не от центральных фигур в династии Харальда Прекрасноволосого (таких, как Эйрик Кровавая Секира, Харальд Серая Шкура или Хакон Воспитанник Адальстейна), а от фигуры достаточно периферийной, с сомнительным происхождением и к тому же оказавшейся в свое время, согласно преданию, в опале (ср.: [Sawyer, Sawyer 1996, 61]).

Едва ли случайно в этом контексте, что составитель «Красивой кожи», говоря о приходе к власти в Норвегии Харальда Сурового, прерывает свое повествование и делает достаточно неожиданное отступление, касающееся происхождения норвежских конунгов вообще: «В те времена норвежским государством управляли правители, которые все происходили из рода конунга Харальда <Прекрасноволосого. — *Ф. У.*>, за исключением того времени, когда [Норвегией] правили датские или шведские конунги. И все эти правители принадлежали к разным ветвям рода, которые восходили к Харальду конунгу» (*A þesse stundu hafðu stýrt Noregs veldi þeir höfðingjar er aller varo komner af ætt Harallz konongs. nema þa er Dana konongar eða Sviakonongar reðu firir. oc varo þo þesser höfðingjar af ymsum ættkvíslum. þeim fra Harallde kononge varo komnar*) [*Fask.*, 244]. По-видимому, данная ремарка была призвана так или иначе предупредить возможные сомнения относительно происхождения Харальда Сурового. Сходное по своей композиционной функции отступление появляется и в стихотворном «Перечне норвежских королей», когда автор переходит к правлению Харальда Сурового (см.: [*Flat.*, II, 524]).

³⁴ Знаменательно, что Харальд не назвал никого из своих детей в честь Сигурда Свиньи. Династическое имя Сигурд вновь появляется в роду Харальда Сурового лишь у его правнука, одного из сыновей Магнуса Голоногого.

Когда сам Харальд в сагах так или иначе касается своего происхождения, стремясь подчеркнуть принадлежность к династии Харальда Прекрасноволосого, отдельные генеалогические звенья, связанные с Сигурдом Свиньей, могут попросту выпасть из его построения (см., например: [Flat., III, 352–354]).

³⁵ Крайне оскорбительный «стишок», в котором упоминается Сигурд Свинья, был сложен Магнусом Добрым для единокровного брата Торира (см.: [Msk., 110; Flat., III, 317–318]). Поводом для сочинения этого стиха послужила стихотворная реплика Харальда Сурового, где отец Торира, о котором в принципе ничего не известно, был назван «воришкой» (heyrða ec at heti // Hvinngestr faðir þinn «слышал я, что зовется Hvinngestr твой отец», ср. hvinnr 'жулик'). Замечательно, что в ответ на это Магнус сочинил стих, где, помимо описания непристойной ситуации, основное оскорбление заключается, напротив, в утверждении действительного положения дел — «...Сигурд Свинья был твой отец!» (...Sigurðr syg // sa var þinn faðir).

Вообще те редкие случаи, когда скальд апеллирует к родословной Харальда по отцовской линии, как правило, расцениваются самим Харальдом как оскорбление. Так, в «Пряди о Хрейдаре» рассказывается, что некий исландец, скальд по имени Хрейдар, изготавливает серебряную свинью и преподносит ее Харальду. Сперва конунг был в восторге от ювелирного мастерства Хрейдара, но потом догадывается, что скальд намекает на прозвище его отца, и велит казнить мастера (см.: [Msk., 135–137]; русский перевод Е. А. Гуревич: [Жорни Иггдрасила 1997, 513–526]). В «Пряди о Стuve» рассказывается, как конунг Харальд подверг исландского скальда — Стuva сына Кошачьего Торда — своеобразному интеллектуальному испытанию, из которого исландец вышел победителем. Когда скальд появился на пиру, конунг спросил его имя. Стув назвал его, но дополнительно идентифицировал себя не при помощи отчества (Тордарсон), а при помощи отцовского прозвища (Кошачий сын). Это вызвало ироническую реплику у Харальда («И кем же был твой отец: котом или кошкой?»), на что исландец только рассмеялся. Озадаченный его реакцией конунг стал отыскивать причину его смеха: «Должно быть ты подумал, что с моей стороны неумно было задавать вопрос, кем был твой отец — котом или кошкой, потому что не может быть отцом тот, кто принадлежит к слабому полу». Скальд согласился с такой интерпретацией, но рассмеялся опять, чем спровоцировал конунга на следующее рассуждение: «Догадываюсь, какой ответ ты собирался мне

дать: что мой отец не был свиньей, хотя и носил такое прозвище, и я поэтому мог знать, что и твой отец не был кошкой, даже если его так называли» [Гуревич 2000, 99, 106–107] (ср.: [Flat., III, 380]).

Упоминания Сигурда Свиньи, вызывающие гнев Харальда, неоднократно встречаются в сагах (ср., например: [Msk., 149]). По-видимому, намек на прозвище отца конунга Харальда являлся своего рода «общим местом», особенно в рассказах о скальдах, что едва ли случайно в контексте обсуждаемого здесь вопроса о его родословной.

³⁶ Ср.: «Олав конунг имел сына со своей наложницей Торой, дочьрю Арни Низкорослого. Его звали Магнус, и он был прозван Голоногим» (O. konvng gat son við frillo sinni Þoro d. Arna laga. Sa het Magnus er callabr var berföttr [Msk., 291]); (ср.: [Fask., 308]).

³⁷ Так, в драпе (хвалебной песни) скальда Стейна Хердисарсона, сочиненной в честь Олава Тихого, Норвегия названа «одадем <т. е. наследственное неотчуждаемое владение. — Ф. У.> святого конунга». Сходный мотив встречается и в «Песни о тиши на море» Торарина Славослова, сложенной через несколько лет после гибели Олава Святого (см.: [Гуревич, Матюшина 2000, 599–601]).

³⁸ Дед, отец и внук явно воспринимались в некотором единстве: ср. «[Магнус Голоногий, сын Олава Тихого] был очень высок ростом. Была сделана отметка его роста в Церкви Марии в Каупанге, в той, которую Харальд конунг [Суровый] велел построить. Там у северных дверей на каменной стене было прибито три креста, один отмечал рост Харальда, второй — Олава, третий — Магнуса. Они показывали, на какой высоте им было всего удобнее прикладываться. Выше всего был крест Харальда, ниже всего — крест Магнуса, а крест Олава был посредине» [Hkr., III, 256] (ср.: [Fask., 308–309]).

³⁹ Ср.: [Storm 1893, 204–205]. Так, Магнус сын Харальда Сурового назвал своего сына Хаконом (известен как Хакон Воспитанник Торира, ум. в 1094 г.). О его происхождении, впрочем, почти ничего не известно. Об отдельных исключениях из этого правила — не называть сына в честь живого отца — см.: [Storm 1893, 211–213; Wessén 1927, 22–23; Keil 1931, 53–55].

⁴⁰ Впрочем, в одном источнике упоминается некий (судя по всему, побочный) сын Магнуса Голоногого — Магнус Рыжий (см.: [Fask., 389]). Обстоятельства его рождения неизвестны — не исключено, что он был самозванцем (ср. о них ниже).

⁴¹ «Сигурд конунг имел сына со своей наложницей, той, которую звали Боргхильд, дочь Олава из Долины. Его звали Магнус» (S. konvng gat son við frillo sinne þeiri er Borghilldr het d. Olafs af Dali. sa het Magnus [Msk., 357]); ср.: [Ágr., 53], где он также назван «сыном наложницы» (fríþlo sunr). Известно, что Магнус Слепой, как многие незаконнорож-

денные, назывался не по отцу, а по матери, т. е. не «сын Сигурда» (Сигурдарсон), но «сын» Боргхильд» (Боргхильдарсон) [Fask., 390].

⁴² Незаконные дочери конунга в этот период также оказываются не последними фигурами в политической жизни. Во всех скандинавских странах браки с дочерьми королевских наложниц были для многих знатных семей удобным и почетным средством породниться с королевским родом (см. подробнее: [Hermanson 2000, 172—176]).

⁴³ «Ранг» побочного сына в качестве наследника был на ступень ниже, чем у законного сына, подобно тому как статус ярла был ниже статуса конунга. Так, известны определенные ситуации, когда шансы на наследование престола у законного сына ярла были больше, чем у незаконного сына конунга, или оказывались по меньшей мере сопоставимыми. В «Саге о Хаконе Старом» рассказывается, что ярл Хакон, имея законного сына (skilgetinn son) Кнута, заключил договор со своим единоутробным братом, конунгом Инги, у которого не было законных наследников, а был лишь сын от наложницы (frillusun) Гутхорм. Согласно этому договору, в частности, власть и владения как конунга, так и ярла после смерти одного из них должны были перейти к законному наследнику. Тем самым, ярл фактически сделал своего сына Кнута потенциальным наследником престола, а побочного сына конунга исключил из ситуации престолонаследия (см. [Flat., III, 10, 54, ср. 56]). Излишне специально обсуждать, что такое соглашение едва ли оказалось бы возможным, будь у конунга Инги законнорожденный сын.

Предыстория этого договора тоже по-своему примечательна. Дело в том, что мать будущего конунга Инги, Цецилия Сигурдардоттир (дочь конунга Сигурда Рта и, возможно, сестра Сверрира), ушла от своего мужа и попыталась выйти второй раз замуж за норвежского аристократа Барда Гутхормссона. Архиепископ Эйстейн поначалу воспротивился этому браку, поскольку первый муж Цецилии, Фольквид, был еще жив. Тогда Цецилия объявила, что она не была замужем, поскольку ее отдали Фольквиду против ее воли в качестве наложницы. Ее заявление подтвердили свидетели, и архиепископ был вынужден дать разрешение на брак Цецилии с Бардом. У них родился сын Инги. После смерти Цецилии, ее старший сын Хакон заставил церковных иерархов объявить Инги незаконным сыном, поскольку тот был рожден, когда первый муж его матери был жив. В ответ на это Инги заявил, что его мать вышла замуж за Барда с разрешения архиепископа. Прения между братьями зашли в тупик, и в качестве компромисса был заключен тот договор, о котором речь шла выше (см. подробнее: [Jochens 1986, 142—143]). Описываемые здесь события имели место в Норвегии в конце XII — начале XIII в.

⁴⁴ «...Некий Сверрир, сын ремесленника, отказавшись от священнического сана, который он некоторое время носил в Ферогин <Фарерские

о-ва. — Ф. У.>, прибыл в Норвегию [и] под воздействием [того] обстоятельства, что Эрлинг убил некоего Эйстейна <Девчушку. — Ф. У.>, сменил церковное поприще на военное. Ему [Сверриру] случайно попался навстречу отряд этого [Эйстейна], спасавшийся бегством через пустоши. Он сделался его вождем и стал бороться за власть с недавними победителями. А дабы не показалось, что [у него] нет [на это] признака родовитости, [Сверрир] солгал о [своем происхождении], обманно заявив, что он внук Харальда Хибернийского <Харальда Гилли. — Ф. У.> и сын Сигурда <Рта. — Ф. У.>. Именем же его [Сигурда, Сверрир] наделил сына, которого прежде по имени [своего] отца назвал Унасом. А чтобы скрыть все перемены в прежней судьбе и [чтобы] поверили, что прадед (или предок) представлен в нем [своим] именем, он не постеснялся присвоить славу рода, к которому не принадлежал, украсив себя новым именем и постановив, чтобы в подтверждение родовитости его называли Магнусом. Эта столь бесстыдная ложь, которая, вследствие заблуждения сбитых с толку воинов и поддержки, [оказывавшейся Сверриру] доверчивым народом, не была раскрыта, стала причиной жесточайшей резни и величайшего кровопролития по всей Норвегии» (перевод В. В. Рыбакова) (...Suerus quidam, fabro patre genitus, sacerdotii, quod in Ferogia aliquamdiu gesserat, partibus abdicatis, Norvagiam petens, religionis munus militia mutavit, Osteni cuiusdam ab Erlingo prostrati occasione adductus. Cuius agmini per deserta fugienti fortuito obuius ducem se praebuit resque adversum victores novare coepit. Et ne generis titulo carere videretur, originem mentitus, Haraldum Hyberniensem avum sibi vindicando, Siwardo se procreatum confingit. Cuius etiam nomen filio, quem antea patris vocabulo Unam appellaverat, aptavit. Et ut omnia prioris fortunae momenta subrueret proavusque vocabulo in eo repraesentari crederetur, simulatae prosapiae decus novi nominis ornamentis usurpare sustinuit Magnumque se in argumentum generis vocitari constituit. Quod tam impudens mendacium, turbulento militum errore credulaque vulgi suffragatione protectum, ad totius Norvagiae cruentissimam stragem extremamque perniciem penetravit [Saxo, II, 502—503].)

⁴⁵ Явление Олава Святого во сне — достаточно типичный и распространенный сюжет в древнескандинавской литературной традиции. Однако в данном случае сны Сверрира, возможно, содержат в себе аллюзию на жизнеописание Магнуса Доброго, которому отец, согласно целому ряду источников, также являлся во сне и предрекал будущее.

⁴⁶ Вообще говоря, во времена Харальда Прекрасноволосого стремление передать страну единственному правителю воспринималось как отступление от древнего наследного права, согласно которому отцовское наследство должно быть поделено между всеми сыновьями (ср.: [Taganer 1934—1936]). Законы Харальда, по-видимому, впервые противопо-

ставили королевский род всем остальным родам Норвегии. Можно сказать, что это был первый этап превращения рода конунга в королевскую династию. Однако влияние архаической традиции еще долго сохраняло свою силу и для королевского дома, и раздел страны между всеми сыновьями конунга рассматривался как одна из возможностей при наследовании власти. Такая возможность была реализована, например, при разделе страны между сыновьями Магнуса Голоногого.

⁴⁷ Характерно, что практика раздела страны между бастардами — сыновьями Магнуса Голоногого или сыновьями Харальда Гилли — столь отчетливо осознавалась Сверриром как дополнительный «козырь» в его притязаниях на власть.

⁴⁸ Недаром Саксон Грамматик считал, что Сверрир взял себе имя Магнус в честь Магнуса Голоногого.

⁴⁹ Сверрир, готовившийся к духовной карьере, несомненно хорошо знал латинские литургические тексты, во всяком случае те из них, которые были связаны с Олавом Святым. В литургической же практике времен Сверрира Олав Святой именовался, в частности, *Magnus Dominus* (см.: [Lidén 1999, 127]).

⁵⁰ Ни в коем случае нельзя согласиться с мнением ряда исследователей, что Магнус для Сверрира не имя, а прозвище (см., например: [Lind 1920–1921, 251; Skaare 1966, 51]). В скандинавской традиции известно множество исторических лиц, носивших личное имя Магнус. При этом достоверно известен только один случай использования на скандинавской почве (не в Норвегии!) элемента Магнус исключительно в качестве именного эпитета. Так называется в ряде текстов, составленных на латыни, датский конунг Кнут Могучий (1014–1035), крестильное имя которого — Ламберт [Thoma 1985, 38; ср. 210].

Что касается самого Сверрира, то целый ряд документов не допускает сомнений, что речь здесь идет о новом, втором имени (см., например: [RN, 16, 19; RN 1989, 177]: ср. у Саксона Грамматика *simulatae prozariae decus novi nominis ornamentis usurpare sustinuit Magnumque se in argumentum generis vocitari constituit* [Сахо, II, 502]. Кроме того, косвенным свидетельством в пользу того, что Магнус было полноценным вторым именем Сверрира, может служить тот факт, что этим именем был назван правнук Сверрира — будущий конунг Норвегии Магнус (1263–1280) Хаконарсон (Исправитель Законов), родившийся в законном браке. Само имя Сверрир также вошло в королевский род — им был назван внук конунга Хакона Старого, умерший, по-видимому, еще в детском возрасте в 1260 г. (см.: [Flat., III, 204, 208]). Необходимо отметить, что Сверрир II иногда упоминается в исландских анналах как Сверрир Магнус (в остальных случаях он фигурирует здесь как Сверрир) [IA, 134, 193, 330, 482, sub anno 1260].

⁵¹ Говоря о самозванцах, мы не обсуждаем каждый раз обоснованность их притязаний на престол. Почти всегда этот вопрос нуждался бы в специальном исследовании. Термин «самозванцы» используется в данной работе по отношению к тем претендентам, которые при жизни конунга не считались его наследниками и были вынуждены заявлять о своих правах на престол некоторое время спустя после его смерти. Утверждение в правах на власть нередко связано для них с утверждением в праве на имя. Недаром один из норвежских самозванцев — Эрлинг Каменная Стена (1204—1207), выдававший себя за сына Магнуса Эрлингссона, — обвинялся прежде всего в том, что «сам себе дал имя и прозвище» (то есть имя отца конунга) [Flat., III, 84].

⁵² По-видимому, исконно скандинавское имя Бене или Бейни воспринималось к тому времени как производное от христианского имени Бенедикт. О подобного рода отождествлениях христианских и исконно скандинавских имен см. подробнее: [Гиппиус, Успенский 2000, 29—36; Успенский, в печати].

Следует отметить, что и само имя Магнус, сходным образом, могло ассоциироваться с традиционным в Скандинавии именем Магни (Magni) и восприниматься как его производная форма ([Naumann 1912, 155], ср.: [Jónsson 1902, 638—639]). Кроме того, существуют свидетельства, что имя Магнус отождествлялось с именем Мюнан (Munnán) [Norske Gaardnavne 1897, 100; Rygh 1901, 180]. Наконец, в «Care о Стурлунгах» упоминается персонаж по имени Magnús Andrésson [Sturl. 1906—1911, I, 499], который вскоре опять появляется под именем Agnar Andrésson [Sturl. 1906—1911, II, 315]. Не исключено, что и в данном случае речь идет об отождествлении христианского и традиционного имени — Магнус и Агнар. Подробнее об этом случае см.: [Успенский, в печати; Sveinsson 1936, 196].

⁵³ Показательно в этой связи свидетельство «Саги о Хаконе Старом», где рассказывается о том, что будущий конунг Хакон Старый, сын конунга Хакона и некой женщины по имени Инга, в детстве первоначально был отдан в ученье. Когда же ярл Хакон, его воспитатель, узнал, чем он занят (он разучивал молитвы), то распорядился прервать занятия, «ибо не быть тебе ни епископом, ни священником» [Flat., III, 9]. Духовное воспитание получил, по-видимому, и другой персонаж этой саги — уже упоминавшийся здесь побочный сын герцога Скули по имени Петр (см.: [Flat., III, 160]).

⁵⁴ Неожиданным образом, «духовная карьера» Харальда Гилли все же состоялась. Существуют свидетельства, что погибший в 1136 г. мученической смертью Харальд Гилли почитался как святой в Норвегии (см., например: [Hkr., III, 349; Msk., 414]).

⁵⁵ Ср. «Сигурд <Слембидьякон. — Ф. У.> был в детстве отдан в ученье <букв. „засажен за книги“ settr til bókar>, сделался потом священнослужителем (klerkr) и был посвящен в дьяконы (vígðr til djákns). <...> И вот Сигурду стало известно, что его мать сказала, будто Магнус Голоногий его отец. Как только он стал сам собой распоряжаться, он забросил свое священство (klerka-síðu) и уехал из страны. В таких странствиях он провел много времени. Потом он отправился в Йорсалир <Иерусалим. — Ф. У.>, был на Иордане и посетил святые места, как это в обычае у паломников (svá sem palmargum er títt)» [Нкр., III, 340–341]. Ср.: [Msk., 405].

⁵⁶ Именно в правление Магнуса Эрлингссона принимается закон о престолонаследии, согласно которому корона наследуется только по мужской линии (см.: [NGL, I, 3]).

⁵⁷ Так, на норвежском престоле с 1030 по 1162 гг. побывало всего два конунга, обладавших несомненно законным происхождением. Один из них — Харальд Суровый, о котором речь шла выше. Другой — Инги Горбун (1136–1161), один из сыновей Харальда Гилли. Инги был рожден в законном браке между Харальдом Гилли и шведкой Ингирид (см.: [Нкр., III, 348; Оркн., 193; Flat., II, 472; Msk., 404, 412; Fask., 341]) и был назван в честь своего прадеда по материнской линии — шведского конунга Инги Стейнкельссона.

В шведском королевском роду имя Инги было династическим и часто давалось старшему сыну — потенциально главному наследнику [Wessén 1927, 31]. Для норвежского же правящего дома имя Инги также не было совсем чужим, так как связывало его носителя с Инглингами, легендарными родоначальниками как шведской, так и норвежской династии.

Более обычные норвежские династические имена получили другие, побочные, сыновья Харальда Гилли — Сигурд (будущий конунг Норвегии Сигурд Рот), рожденный от наложницы конунга Торы, дочери Гутхорма Седобородого [Нкр., III, 316], Эйстейн (ок. 1142–1157), возможно, рожденный еще до появления Харальда Гилли в Норвегии (его мать звали кельтским именем Бьядок) [Нкр., III, 368–369] и признанный своими братьями [Fask., 351], и уже упоминавшийся здесь Магнус [Нкр., III, 369], о котором почти ничего не известно.

Судя по всему, Инги Горбун был единственным законным сыном Харальда Гилли и Ингирид, русский же перевод «Круга Земного», в том, что касается их общих детей, следует признать ошибочным: ср. «А Ингирид, конунгова вдова, сразу же отправилась на восток в Вик. Другого ее сына от Харальда звали Инги. Он воспитывался в Вике у Амунди, сына Гюрди, сына Берси Законодателя» [Круг Земной 1980, 514] при ... en Ingiríðr dróttning fór þegar austr í Vík. Ingi hét sonr þeira Haraldz

konungs, er var at fóstri þar í Víkinni með Ámunda Gyðarsyni Lögbersasonar [Hkr., III, 348] в оригинале.

⁵⁸ Естественно, права любого бастарда, не признанного своим отцом официально, не могли не подвергаться сомнению. Самозванцу гораздо чаще приходилось подтверждать и отстаивать свои права силою оружия, но зачастую и победа не делала его статус несомненным.

Показателен в этом отношении случай с Сигурдом Слембидьяконом, называвшим себя побочным сыном Магнуса Голоногого. Организовав заговор, он убил правящего конунга Харальда Гилли и потребовал, чтобы его самого, по праву рождения, объявили конунгом. Однако непреодолимое препятствие заключалось в том, что Харальд Гилли также считался побочным сыном Магнуса Голоногого и никто не захотел видеть Сигурда Слембидьякона конунгом, говоря, «никогда этого не будет, чтобы они подчинились и служили убийце своего брата:

— А если он не был твоим братом, тогда ты не конунг по рождению» (en ef hann var eigi þinn bróðir, þá áttu engi ætt til vera konungr) [Hkr., III, 346].

⁵⁹ По-видимому, законы Харальда Прекрасноволосого, касающиеся его династии, были первой попыткой вывести королевский род из-под юрисдикции общего для всего народа наследственного права. До Харальда то, чем владел конунг, рассматривалось как одаль, который, как каждый одаль, должен был быть распределен в определенных пропорциях между сыновьями. Харальд, установив единовластие, отдал страну в управление своему сыну Эйрику Кровавая Секира.

Это установление, как уже говорилось, противоречило обычному праву, противоречило общепринятой традиции. При этом и самим Харальдом оно проводилось не вполне последовательно, так как, согласно одному из его законов, все его наследники по мужской линии имели право на сан конунга. Остается не вполне понятным, как права этих конунгов должны были соотноситься с правами верховного конунга в единовластной Норвегии. См. подробнее: [Taranger 1934—1936].

⁶⁰ Перелом в пользу законнорожденных нашел свое отражение и в законе о престолонаследии, принятом Хаконем Хаконарсоном в 1260 г. В законе оговаривается, что конунгом в Норвегии может стать лишь законный (skilgetenn) сын конунга Норвегии [NGL, II, 309]. Сам Хакон Хаконарсон, как известно, был побочным сыном конунга.

⁶¹ В действительности, сыновья Хакона — Сигурд, Хакон и Магнус — поочередно становились конунгами еще при жизни отца, но ко времени его смерти в живых оставался лишь один из них — Магнус. Находясь на смертном одре, Хакон Старый специально подчеркивал тот факт, что не оставляет после себя ни одного сына, кроме конунга Магнуса [Flat., III, 230]. Очевидно, что подобное признание было призвано ис-

ключить саму возможность появления самозванцев, выдававших себя за бастардов. Ср. в этой связи [Flat., III, 162], где специально оговаривается отсутствие признанных сыновей у герцога Скули, одного из главных противников конунга Хакона.

⁶² В «Саге о Хаконе Старом», по-видимому, обыгрывается двусмысленность обещания Хакона и то, как он сам попадает в ловушку этой двусмысленности — в сущности, его обещание в конце концов оказывается исполненным независимо от его воли. Когда архиепископ Норвегии предложил Хакону дать своему младшему сыну Магнусу титул герцога и треть страны, то Хакон, не желая ущемлять права других своих сыновей и сеять раздор между ними, отказался это сделать. В дальнейшем, когда у Хакона Старого из сыновей остался только Магнус, архиепископ, как отмечает сага, был вынужден убедиться в правильности такого решения (см.: [Flat., III, 190, 198–199]). Магнус, таким образом, волею судьбы сделался единственным наследником норвежского престола, и его отец смог выполнить свое обещание, ничего не предпринимая для этого.

⁶³ Недаром уже упоминавшийся самозванец Бенедикт, претендовавший на то, что он сын Магнуса Эрлингссона, назвал себя Магнусом в честь своего отца. Для него, в отличие, например, от Сверрира, актуальной оказывалась связь не с легендарным историческим прошлым, а с непосредственно предшествующей династической ситуацией.

⁶⁴ По-видимому, помазание в Европе изначально служило универсальным средством для возмещения недостатка легитимности, недостатка наследственных прав у царствующего монарха. Во франкском королевстве, например, впервые помазан на царство был Пипин Короткий, сместивший законного правителя Гильдерика III и не обладавший правом на престол по рождению. Замечательно, что в Скандинавии эта функция — компенсировать недостаток родовых прав — вполне осознавалась: ср. в этой связи речь Хакона Старого перед епископами, произнесенную перед коронацией и помазанием [Flat., III, 165].

⁶⁵ В «Красивой коже» Эрлинг отвечает архиепископу несколько иначе: в ответ на опасения архиепископа, что появятся истинные наследники престола и будут оспаривать власть над страной, он говорит: «не во всех книгах законов написано, что тот, кто не сын конунга, не должен быть конунгом» (*æighi er ritat i allum loghbokum. at sa skule konongr vera er æighi er konongs sun*) [Fask., 367]. Замечательно, что после помазания и коронации Магнуса сына Эрлинга, состоявшейся в 1163/64 г., в Норвегии был принят закон о престолонаследии, который начинался словами: «конунгом Норвегии должен быть тот, кто является законнорожденным сыном конунга Норвегии» (*sa skal konogr vera at Norege er skilgetenn er Norex konongs sunr*) [NGL, I, 3].

⁶⁶ Слово *bastardr* появляется поздно в исландских источниках и употребляется прежде всего как прозвище Вильгельма Завоевателя (см.: [Cleasby 1957, 53]). Его значение было несомненно понятно составителям саг. Так, в «Саге об Эдуарде Святом» говорится: «...Вильгельм, которого прозвали бастард (*bastardr*), хотя он был законнорожденным сыном (*eiginkonu sun*) и его мать звали Гунхильд. Она была сестрой конунга Адальрада. Но все герцоги в Нормандии, [правившие] до него, были сыновьями наложниц (*frillusynir*). Поэтому он, как все его предки, был назван бастард (*bastardr*)» [Flat., III, 463] (ср.: [Flat., III, 400]). Замечательно, что, согласно саге, когда Вильгельм посватался к Матильде, дочери Балдуина, графа Фландрии, она ответила сперва отказом, мотивируя его тем, что девушка королевского рода не может выйти замуж за бастарда. Вильгельму, как сказано в саге, пришлось объяснить, что он бастард по прозвищу, а не по происхождению (*eigi er ek bastard nema at auknefni* [Flat., III, 463–464]).

Кроме того, в сагах упоминается меч по имени Бастард, принадлежавший одному из противников Эрлинга Кривого (см.: [Fask., 361]).

⁶⁷ Этот аргумент Эрлинга Кривого не соответствует действительности: первым коронованным правителем в Скандинавии был Магнус Эрлингссон, а не упомянутые здесь конунги Дании.

⁶⁸ Законность происхождения зачастую использовалась в качестве аргумента в пользу различного рода сомнительных претендентов. Так действовали приближенные могущественного герцога Скули, сына Барда (1217–1240). Он был единокровным братом умершего конунга Инги (подробнее об их семье см. прим. 43 в настоящей работе). Сторонники Скули утверждали, что тот может наследовать конунгу, будучи «законнорожденным братом конунга».

⁶⁹ Ср. «The Norwegian succession law of 1163, which required the successor to be legitimate, was not followed. It was not until 1240 that the principle was accepted, and illegitimate sons were not completely excluded from the order of succession as laid down in 1260» [Sawyer, Sawyer 1996, 171].

⁷⁰ Заметим, что различные источники содержат различные сведения о происхождении сыновей Кнута Могучего. Так, если Адам Бременский считал Хардекнута законным сыном, а Харальда и Свейна побочными, то в «Саге о Кнютлингах» и ряде других саг Харальд и Хёрдакнут названы законными сыновьями конунга и королевы Эммы, причем Харальд назван здесь старшим из них [Knytl., 49; Fask., 298]. В сагах сын Эммы, английский конунг Ятвард (Эдуард), называет своим единоутробным братом иногда только Хёрдакнута [Flat., III, 286], а иногда Харальда и Хёрдакнута [Hkr., III, 72]. В качестве последнего члена древней датской династии, прекратившей свое существование приблизительно в середине XI в., древнескандинавские источники называют то Хёрда-

кнута [Кнýtл., 54], то Харальда [Fms., XI, 206], но никогда Свейна. Источники вообще единодушны в вопросе, касающемся его происхождения от наложницы конунга по имени Альвива. Не исключено, что Свейн сын Альвивы и Кнута получил свое имя в честь Свейна Вилобородого (отца Кнута Могучего), который считался побочным сыном конунга (см. ниже). Об именах сыновей Кнута Могучего см.: [Storm 1893, 211].

⁷¹ В «Саге о Кнютлингах» о нем, в частности, сказано, что отец не любил его и не хотел передавать ему власть над государством, поскольку тот был сыном от наложницы (Haraldr konungr unni honum lítit, þviat hann var frilluson, ok vildi hann ekki þíki fá honum til foðráða) [Кнýtл., 32]. У Адама Бременского происхождение Свейна не обсуждается, но из текста скорее следует, что он был законным сыном [Adam, 63–64] (ср.: [Flat., I, 17; Saxo, II, 485]). Хорошо известно, что между отцом, Харальдом Синеzubым, и сыном, Свейном Вилобородым, был конфликт, в результате которого Свейн занял датский престол, а Харальд был изгнан из страны и умер в изгнании. Саговая традиция приписывает всем этим событиям следующее объяснение: Свейн был рожден от случайной связи, отец не желал признавать его, и Свейн добивался признания своего высокого происхождения силой (см., например: [Müller 1973, 127–128], ср.: [Weibull 1948–1949, I, 275]). Не известно, насколько достоверным является такое объяснение этого конфликта. Для нас более интересно, как в литературной традиции рассматривается сюжет, построенный на непризнании отцом своего побочного сына. Характерно, что в сагах, которые трактуют Свейна как бастарда, он может называться по имени матери Саум-Эсы: «Прошло время и Эса родила мальчика. Ему было дано имя Свейн, а называли его Саум-Эсусоном [Jmsv., 44].

Стоит напомнить, что Свейн Вилобородый является первым конунгом Дании, который был известен под двумя именами — династическим (Свейн) и христианским (Отто).

⁷² Впрочем, известны случаи, когда имя матери используется для именования законных детей. Так, сыновья Эйрика Кровавая Секира (ум. в 954) и его жены (т. е. внуки Харальда Прекрасноволосого) упоминаются в сагах и как «сыновья Эйрика» и как «сыновья Гуннхильд». Сама Гуннхильд при этом носила прозвище «Мать Конунгов» (konungatóðir), которое она получила после гибели своего мужа. Подобное «переключение» в именовании сыновей Эйрика Кровавая Секира, возможно, отражает негативное отношение, которое закрепилось за ними в традиции. Сама Гуннхильд, мать конунгов, была дочерью датского конунга Горма (отца Харальда Синезубого). Использование имени матери при обозначении сыновей Эйрика, по-видимому, актуализировало их связь с датским королевским родом и призвано было подчеркнуть неуместность их притязаний на власть по сравнению с прямыми наследниками Харальда

Прекрасноволосого. Тем самым, «сыновья Гуннхильд» как бы превращались в чужеродных, пришлых правителей у себя на родине.

По-видимому, описываемый обычай именованья был повсеместно представлен в Скандинавии (ср.: [Sørensen 1984, 123–144]). Так, в сагах упоминаются датчане, сыновья Торгунн, именовавшиеся по имени своей матери [Кпýtl., 92] (ср.: [Hermanson 2000, 162]). В «Саге об оркнейцах» рассказывается, что после убийства Олава сына Хрольва его сын Свейн стал зваться сыном Аслеив (так звали жену Олава и мать Свейна) [Orkn., 150; Flat., II, 451].

По свидетельству исландских родовых саг, использование имени матери в качестве патронима было естественно для человека, у которого рано умер отец. Как правило, в сагах такие случаи оговариваются: так, в «Саге о Глуме-Убийце» упоминается некий Торгрим, «который был назван по своей матери и прозывался сыном Хливы, поскольку она жила дольше, чем Гуннстейн <отец Торгрима. — Ф. У.>» (var kendr við móður sína ok var kallaðr Hlífafarson fyrir því at hon lifði lengr en Gunnsteinn); о знаменитых героях «Саги о сыновьях Дроплауг», которые обозначались по имени их матери, рассказывается: «Торвальд скончался, не дожив до старости, а Дроплауг и ее сыновья остались жить там» (Þorvaldr varð eigi gamall maðr ok andaðiz, en Droplaug bió þar eptir ok synir hennar); в «Саге о Крока-Рæве» о Геллире говорится, что «его мать звали Сигрид... ее муж умер, и поэтому Геллира звали сыном Сигрид» (móðir hans... hét Sigríðr... bóndi hennar var andaðr, ok því var Gellir kallaðr Sigríðarson); Торгиальс сын Халлы, согласно «Саге о людях из Лососеь Долины», «потому был назван по своей матери <Халле>, что она жила дольше, чем его отец» (...en því var hann kendt við móður sína, at hon lifði lengr en faðir hans). Такого рода случаи использования в родовых сагах имени матери в качестве патронима тщательно собраны в работе: [Keil 1931, 2–4].

Существенно, однако, что из родовых саг известны и случаи подобного именованья побочных детей. Так, например, Кьяртан Торродссон в «Саге о людях с Песчаного Берега» зачастую фигурирует как сын Турид (т. е. обозначение по имени матери), поскольку его происхождение вызывало определенные сомнения — недаром один из персонажей саги называет его однажды «сыном Торрода и всех остальных» (Kjartan, son þeira Þórodds allra saman) [Еб., 144]. Использование имени матери в качестве патронима воспринималось как оскорбительное утверждение о том, что у человека нет законного отца. Вспомним Свейна Саум-Эсусона (Вилобородого), которого, согласно саге, отказывается признать отец, датский конунг Харальд Синезубый.

В историческом романе Сигрид Унсет (1882–1949) «Улав, сын Аудуна из Хествикена» обыгрывается это обстоятельство: здесь описывается ссора между Улавом и Эйнармом, сыном Колбейна: «Улав ответил ему

довольно презрительно: — Не бойся, никто не станет призывать к ответу твоего отца или вас, его сынов: никому и на ум не взбредет, что Колбейн, сын Боргхильд, мог, да еще так не ко времени, подстрекать своего сводного брата к благородству. — Ну берегись, сопляк! Отца моего назвали в честь Туре из Хува; наш род столь же знатен, сколь и род потомков асов, не забывай о том, Улав, и нечего сидеть и тискать мою родственницу! А ну убери лапы с ее колен, да поживее!» [Унсет 1984, 88, ср. 585].

Остается добавить, что в сагах бастарды часто характеризуются по роду матери — даже в описаниях их внешности часто отмечается, что своим обликом они напоминали предков по материнской линии (ср., например, описание внешности Петра, побочного сына герцога Скули, в [Flat., III, 160]).

⁷³ Там, где существовали патронимы, подобные скандинавским, — в Древней Руси, — имя матери для образования «отчества» также встречается в именовании побочных детей княжеского рода. Так, сын Ярослава Галицкого и его наложницы Анастасии упоминается в летописи как Олег Настасьич (1187 г.) (см.: [Тупиков 1903, 80–81]). Ср. в этой связи выражение «отецкий сын / отецкая дочь», которому могут быть противопоставлены как выражение «не отецкий сын / дочь», так и выражение «мáтерин сын / дочь» (т. е. незаконные, внебрачные дети). См. подробнее: [Успенский 1988, 257].

⁷⁴ Так, например, сын Суннивы (внучки Магнуса Доброго) звался Хакон Суннивасон. Другой датский политический деятель XII в., Педер Бодильсен, также своим именованием подчеркивал, что через свою мать, Бодиль, он связан с конунгом Эйриком Добрым (1095–1103). См. подробнее: [Hermanson 2000, 154–176].

⁷⁵ Следует оговориться, что Свейн Астридссон использует имя матери в качестве патронима относительно регулярно, а Магнус Эрлингссон окказионально называется «сыном Кристин» в сагах и регулярно у скальдов (ср.: [Raasche 1948, 134]).

⁷⁶ До своего восшествия на датский престол Свейн Астридссон был ярлом, что было достаточно обычным явлением для потомка по женской линии (ср. закон, приписываемый Харальду Прекрасноволосому: «каждый его потомок по мужской линии должен носить сан конунга, а если он происходит по женской линии, то сан ярла» [Hkr., I, 147–148]). Титул ярла (jarlsnafn) Свейн получил, по-видимому, непосредственно от Магнуса Доброго. Поэтому всякое изменение статуса Свейна оставалось незамеченным для Магнуса: ср. слова составителя «Красивой кожи», который, ссылаясь на скальдические стихи Тьодольва, где Свейн назван ярлом, отмечает: «конунг Магнус и его люди звали Свейна ярлом, тогда как он сам и его сторонники звали его конунгом» (Magnus konongr oc hans

menn kallaðo Svæin iarl. þo at sialfr callaðe hann sec konong oc hans vinir) [Fask., 213] (ср.: [Fask., 249–250; Flat., III, 284]). Ср. еще: [Hkr., III, 51], где различие точек зрения также выражается в том, что Магнус называет Свейна «своим ярлом», а датчане конунгом.

⁷⁷ Ср., например: «Тогда власть в Дании взял Магнус, сын Олава Святого, он был тогда там конунгом, как говорится в жизнеописании норвежских конунгов. Он правил Данией одну зиму, прежде чем на престол взошел Свейн, которого, как сказано, другим именем звали Магнус» (En þá tók Magnús, son Óláfs ens helga, ríki í Danmörk; var hann þá þar konungur yfir, sem segir í æfi Nóregis konunga; hann réð einn vetr Danmörk, áðr þar hófz til ríkis í móti honum Sveinn, sá er sagt er Magnús hétu öðru nafni [Knytl., 55]); Sueno Magnus, nepos Kanuti [SmHD, I, 165], Svenno Magnus rex, Svenno cognomento Magnus [SmHD, I, 157, 178], в «Хронике Роскильде» (XII в.) — Svenno Magnus [SmHD, I, 23], Suenomagnum у Эльнота, Magnus Sueno в надписи на так называемом кресте Гуннхильд-Елены, его дочери (см.: [Steenstrup 1892–1894, 730; Meldgaard 1994, 205]. Один из его побочных сыновей, конунг Кнут Святой, писал о себе в 1085 г.: ego CNVTO quartus magni regis filius («я, Кнут, четвертый сын короля Магнуса») [Bergh, Birger 1988, 40 ff.]. О втором имени Свейна Астридссона см. еще: [DGP 1941, 877, 1316; Thoma 1985, 210–213].

⁷⁸ Так, Адам Бременский, который, как правило, оговаривает наличие у того или иного исторического лица второго (крестильного) имени, был хорошо знаком со Свейном Астридссоном, но ничего не упоминает о наличии у него второго имени Магнус. Имя Магнус не встречается также в папских посланиях к этому правителю, хотя папа Григорий VII предпочитал именовать своих адресатов христианскими именами, если у них таковые имелись. На монетах, относящихся к раннему периоду его пребывания на престоле, это имя отсутствует. Оно появляется только на монетах, относящихся ко второй половине его правления. См. подробно: [Thoma 1985, 210–211].

⁷⁹ Высказывалось мнение, что Свейн Астридссон берет себе имя Магнус, именно начиная борьбу за норвежский престол [Thoma 1985, 212]. Эта попытка закончилась ничем в 1068 г., норвежский престол остался у другого Магнуса — сына Харальда Сурового.

⁸⁰ Наличие одинаковых имен у родных братьев или сестер — явление вполне возможное, хотя и не частое в средневековой Скандинавии. Одинаковыми именами, по-видимому, могли называть близнецов (см.: [Keil 1931, 26]) — в частности, одним именем были названы сыновья-близнецы Харальда Прекрасноволосого и Асы, их называли Хальвдан Белый и Хальвдан Черный. В исландских родовых сагах содержатся отдельные упоминания братьев, носящих одно и то же имя: так, в «Саге об Эгиле Скаллаgrimссоне» фигурируют два брата по имени Ульв, находившиеся

на службе у ярла Арвида; в «Саге о людях из Лососьей Долины» упоминаются братья — Ан Белый и Ан Черный; согласно «Саге о Ньяле», двух сыновей Асгрима сына Лодейного Грима звали Торхалль; в «Саге о Греттире» встречаются два брата, каждого из которых зовут Торд; в «Саге о Торстейне Битом» упоминается Гудмунд (правнук Халля с Побережья), у которого были две дочери по имени Тора; братья и сестры с одинаковыми именами фигурируют и в «Книге о занятии земли» (*Landnáttabók*), посвященной истории заселения Исландии.

⁸¹ В том, что Магнус в латинском именовании Кнута Могучего является эпитетом, а не именем, нас убеждают следующие обстоятельства. Во-первых, хорошо известно второе, христианское, имя Кнута — Ламберт. Св. Ламберт был епископом в Маастрихте и погиб мученической смертью в 705/706 г. Сам Кнут был назван Ламбертом в честь своего двоюродного брата герцога Мешко / Ламберта II (990—1034 гг.), старшего сына Болеслава Храброго (см.: [Gallén 1992, 15], с указанием литературы). Во-вторых, эпитет Магнус находится в явном соответствии с его скандинавскими прозвищами, такими как «Великий», «Старый», «Могучий»; Магнус представляет собой как бы обобщенный перевод всех этих прозвищ. Наконец, само употребление элемента Магнус в источниках позволяет говорить о нем скорее как об эпитете, нежели как об имени: ср. в перечне правителей (*Series et genealogiae regum Danorum*) аббата Вильгельма (XII в.) «*Kanutus cognomento Magnus*» [SmHD, I, 178] или *fortuna magni Kanuti* у Саксона Грамматика [Saxo, II, 315]. У этого же автора встречается обозначение Кнута Могучего как *Kanutus Major* или *magnitudo* [Saxo, II, 304, 299]. Ср.: [Bolin 1931, 194].

⁸² Возможно также, имя Магнус было дано первому сыну Свейна Астритдссона, поскольку осознавалось его значение 'старший'. Ср., например, использование элемента *magnus* в роду нормандских герцогов [Kienast 1967]. Ср. также ситуацию с сыновьями Харальда Сурового, старший (*hinn eldri*) из которых был назван Магнусом [Fask., 264; Flat., III, 344], а младший (*hinn yngri*) — Олавом.

⁸³ Впрочем, мнение о побочном происхождении Якоба можно обнаружить и в отдельных иностранных работах. Так, А. Шёберг (без какой-либо аргументации) явно считает его внебрачным ребенком. Это следует, в частности, из того, что автор однажды называет Якоба *Ingigerd's halfbrother* [Sjöberg 1982, 119]. При этом законное происхождение Ингигерд, дочери Олава Шётконунга, ставшей женой Ярослава Мудрого, никогда не вызывало никаких сомнений у исследователей. Ошибочные сведения о происхождении Якоба содержатся и в «Шведском биографическом лексиконе», где о нем сказано, что он рожден Олавом от второй жены (...med hans adra gemål [SBL 1920, II, 74]). Никакой второй жены у Олава Шведского, по-видимому, не было (во всяком случае, источники

ничего не сообщают на этот счет). Матерью большинства других детей конунга была наложница, которую автор статьи лексикона (N. Beckman) ошибочно принимает за первую жену. Тем самым, законная и единственная супруга, появившаяся позже, автоматически превратилась в статье во «вторую» по счету жену конунга.

⁸⁴ На это обстоятельство впервые обратил внимание Густав Сторм в своей работе о «Круге Земном»: [Storm 1873, 223]. См. также: [Nordal 1914, 168].

⁸⁵ Как дело обстояло в действительности, мы не знаем. Не исключено, что обе женщины — и законная жена, и наложница — были славянского происхождения. Ср. в этой связи: [Gallén 1992, 13–30].

⁸⁶ Именование Эдлы «рабыня конунга» лишний раз подчеркивает ее статус. Как уже упоминалось, это своего рода стереотипная формула для обозначения наложниц скандинавских конунгов, употреблявшаяся независимо от их знатности и родовитости. Интересно, что Снорри в разных частях «Круга Земного» несколько раз объясняет, почему ту или иную наложницу называют «рабыней конунга», и каждый раз делает это по-разному. На самом деле, как можно заключить из текста, единственное, что объединяет всех женщин, обозначаемых этой фразой, — это то, что они были наложницами, а не законными женами. Ср.: [Karras 1990, 154; Ebel 1993, 46–49, 70–71, 158–160].

⁸⁷ Конунг Эймунд (Eymundr, вариант имени Эмунд) неоднократно упоминается в «Круге Земном» как отец конунга Эйрика — прадеда Олава Шведского (см., например: [Hkr., I, 115, 139; II, 143]). Правда, в другом древнеисландском источнике он назван Эундом (Onundr) (см.: [Herv., 69], ср. также: [Flat., II, 109]), то есть в точности тем же именем, которое получает наш Якоб при избрании конунгом на тинге. Данное расхождение между источниками, как кажется, имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой здесь коллизии с именами.

Ученая генеалогия в «Саге о Хервёре» составлялась явно ретроспективным образом, т. е. от относительно недавнего прошлого к событиям, значительно удаленным во времени, относящимся к легендарной истории (ср. о таких генеалогиях: [Koht 1916, 420]). Если в исторической традиции наследник престола обычно назывался в честь того или иного царственного предка, то в генеалогиях, подобных рассматриваемой, легендарный предок, напротив, мог быть назван в честь своего потомка, чье имя было наверняка известно автору сочинения. Тем самым легко восполнялись недостающие звенья при составлении обширной родословной.

Принимая это во внимание, можно предположить, что автор саги видоизменил имя uppsальского конунга, жившего в IX в., под влиянием более знакомой ему шведской ситуации XI в. Составитель генеалогии, по-видимому, не имел представления о том, в честь какого конунга све-

ев был наречен Энунд-Якоб, но для него была очевидна связь между именем упсальского конунга IX в. и именем старшего сына Олава Шведского, которого он, кстати, называет Эймундом (Eymundr), а не Эмундом. Такое положение дел его не устраивало, поскольку в контексте данной родословной имя Энунд как бы «повисало в воздухе», а бастард Эмунд, правление которого в саге оценивается крайне негативно, оказывался бы снабжен легендарным предком. Поэтому составитель генеалогии изменил имя династического предка на Энунд и добился тем самым искомого результата: теперь своего династического прототипа лишилось имя незаконнорожденного сына Олава Шведского, правившего, согласно саге, недолго и не заботившегося о поддержании христианства в стране.

Кроме того, некий Эмунд сын Эйрика, правивший в 966 г., упоминается в схолии II, 22 Адама Бременского. Об именах Энунд и Эмунд в шведской династии см.: [Wessén 1927, 87–88].

⁸⁸ Вместе с именем как таковым извне заимствуются и некоторые принципы имянаречения. В приведенных фрагментах «Круга Земного» содержится отчетливое указание на то, что имя ребенку могло даваться в соответствии с церковным календарем. Таких указаний в древнескандинавских письменных источниках совсем немного, и все они относятся к существенно более позднему времени.

Так, в «Саге о епископе Лаврансе» рассказывается, что будущий епископ Холара с 1324 по 1331 г. родился в день св. Лаврентия. Младенец был при смерти, и его родственник, священник, дал обет назвать его Лаврансом (Dá hiet sira Þorarin. ad þesse pilltur skilldi Laurencius heita) [Ls., 5].

Не исключено, что по календарю был назван датский герцог Кнут Лавард (ум. 1131), сын Эйрика Доброго (как можно заключить из саги, побочный; ср., впрочем: [Hoffmann 1976, 65]): «Эйрик конунг взял в плен госпожу Ботхильд, сестру Хенрика кейсаря, которую кейсарь отдал в жены Бьерну в Вендланде, как об этом было написано раньше. Эйрик привез госпожу Ботхильд с собой в Данию. У нее был сын от Эйрика конунга, этот мальчик был назван в честь конунга Кнута Святого, брата Эйрика (sa sveinn hét eptir Knúti konungi enum helga)» [Knútl., 185].

Существуют некоторые основания полагать, что конунг Олав IV Хаконарсон (правил Норвегией с 1380 по 1387 гг.) был назван в соответствии с церковным календарем в честь Олава Святого. Именно так, по-видимому, можно объяснить загадочную фразу из генеалогий в «Книге с Плоского Острова»: «Этот Олав был назван, согласно его собственному указанию, в честь святого конунга Олава сына Харальда. Он <Олав IV. — Ф. У.> был конунгом тогда, когда была написана сия книга» (þessi Olafi var heitinn eptir hinum heilaga Olafi konungi Haralldzsyni eftir sialfs hans tilvisan. hann var þa konungur er sia bok var skrifud) [Flat., I, 28].

Возможно, эту фразу следует понимать как указание на то, что Олав IV, который родился, согласно исландским анналам, в ночь на Рождество 1370 г., был крещен в день св. Олава (29 июля, перенесение мощей — 3 августа). Ср.: [Lidén 1999, 89, 262, 268]. Как мы видим, в именах этих представителей династии (Олава IV и Кнута Лаварда) удачным образом совмещены два принципа именования: по христианскому календарю и в честь родича по отцовской линии.

В отличие от греческой православной традиции, практика наречения именем по церковному календарю (т. е. именем святого, чья память совпадает или определенным образом соотносена с днем рождения ребенка) была нетипична для западного обряда. Она появляется на Западе в качестве нововведения лишь в конце XI—XII в. (см.: [Mitterauer 1993, 337—338]) и остается здесь как одна из возможных, но отнюдь не обязательных форм имянаречения. Таким образом, события, нашедшие свое отражение в «Круге Земном», как кажется, не вполне вписываются в культурный контекст рассматриваемого периода (напомним, что наречение церковно-календарным именем должно было иметь место в первой трети XI в.). Отсюда можно сделать вывод о чрезвычайно раннем проникновении данного способа именования в Скандинавию.

Учитывая характер контактов между Скандинавией и Византией, нельзя исключить, что это обстоятельство, в свою очередь, объясняется не чем иным, как непосредственным влиянием византийской традиции (ср. сходные соображения: [Mitterauer 1993, 336]; впрочем, следует отметить, что в конечном итоге автор этой работы отвергает такую возможность и оставляет вопрос открытым).

Не исключена и другая возможность, которую также следует учитывать при рассмотрении столь раннего случая имянаречения в соответствии с церковным календарем. Можно предположить, что автор «Круга Земного» переосмыслил таким образом сам факт появления первого христианского имени в королевском роду. Не находя этому обстоятельству объяснения, он попросту «применил» один из известных, современных ему принципов именования к событиям шведской истории двухвековой давности (о некоторых принципах наречения в честь христианских святых в Исландии XIII в. см.: [Сопmack 1994, 45—48, 74, 88, 95, 111, 124]). О подобном обращении Снорри с материалом и, в частности, с именами см.: [Storm 1893, 213].

В нашем случае Якоба называют в честь апостола, чей праздник (25 июля), как сказано в некоторых редакциях, приходится на следующий день после дня рождения ребенка. Такой обычай имянаречения засвидетельствован, в частности, у болгар, но, по-видимому, не характерен для русских, которые давали имя непосредственно в день появления ребенка на свет, либо на восьмой день после его рождения. Впрочем, соглас-

но другим редакциям саги, будущий конунг Швеции родился непосредственно в день св. Якоба.

⁸⁹ На этом тинге Энунд-Якоб был сделан соправителем Олава Шведского: избравшие его бонды вменяли ему в обязанность править вместе с отцом и соблюдать договор с конунгом Норвегии. Такая практика существовала в Скандинавии (ср., например, соправление Харальда Прекрасноволосого и Эйрика Кровавая Секира), однако инициатива по назначению соправителя обычно исходила от правящего конунга и позволяла регулировать на определенном этапе порядок престолонаследования. Вскоре после описываемых событий Олав Шведский умер (1022/24), а его младший сын стал единовластным правителем.

⁹⁰ Ср.: [Dórhall Vilmundarson 1975, 97–98]. Имя Энунд присутствует в именованном шведской династии Инглингов. Так, одного из уппсальских конунгов звали Энунд Дорога (Braut-Önundr) (см.: [Нкг., I, 60–64]). Некий король свеев Анунд (Anundus) упоминается в «Житии св. Ансгария» Римберта (тот же самый Анунд (Anundus) фигурирует со ссылкой на Римберта у Адама Бременского [Adam, 27]). Неясно, можно ли считать Энунда Дорогу и Анунда из латиноязычных источников одним и тем же лицом.

Возвращаясь к вопросу о соотношении имен Энунд и Эмунд в письменных текстах, необходимо отметить, что братья могли смешиваться друг с другом в средневековых исторических описаниях. Иногда это происходило от незнания отдельных фактов ранней шведской истории: так, Стуре Болин показал, что Саксон Грамматик (ок. 1150 — ок. 1220 гг.), по-видимому, не предполагал, что у Олава Шведского были сыновья помимо Эмунда, которому датский хронист приписывает некоторые деяния Энунда-Якоба (см.: [Bolin 1931, 197; Jacobsen 1932, 144]; ср. еще: [Storm 1873, 175; Bolin 1931, 149]). Кроме того, Саксон Грамматик полагал, что имя Якоб взял себе при крещении сам Олав Шётконунг: «Благодаря... деятельности этого епископа король Светии Олав перешел в христианскую религию и украсился именем Якоба, добавив к добрым нравам славное прозвание» (Eiusdem pontificus industria Suetiae regem Olavum ad Christiana sacra perductum Iacobi nomine venustavit, morum profectui decus vocabili tribunes [Saxo, II, 282]) (перевод В. В. Рыбакова, которому мы обязаны указанием на данный фрагмент у Саксона).

В отдельных случаях братья оказываются носителями одного и того же имени, как в шведском перечне королей, где они фигурируют то под именем Emund, то под именем Amund [CR, 8, 15, 236, 238] (впрочем, Энунд-Якоб появляется здесь и под своим двойным именем [CR, 4], под которым он обычно упоминается и в других перечнях правителей — см., например: [SR, I, 12] или [Fask., 160]).

⁹¹ Вообще говоря, для многих средневековых авторов довольно естественно воспринимать имена, принадлежащие к инокультурной традиции, в своей собственной перспективе именования. В Дании, как уже говорилось, было распространено двойное имя (христианское и языческое), поэтому датский историк XII в. мог воспринимать сочетание прозвища и имени у определенного лица, жившего в отдаленном языческом прошлом, как двойное имя. В частности, именно так рассматривает Свен Агтесен имя Пальна-Токи, известного персонажа саг (...*Palnonis Tokki, qui binominis exitit...* [SmHD, 74]) (см. подробнее: [Müller 1973, 128–129, прим. 68]).

⁹² Свейн Астридссон хорошо знал Энунда-Якоба лично и даже состоял с ним в родстве (подробнее о Свейне Астридссоне и Энунде-Якобе см.: [Bolín 1932, 222–223, 230–238]).

Знаменательно также, что одного из своих побочных сыновей (двенадцатого по счету) Свейн Астридссон назвал Эймундом [Knytl., 61], по-видимому, в честь побочного сына Олава Шведского и единокровного брата Энунда-Якоба (см. о сыновьях Свейна Астридссона ниже).

⁹³ Следует отметить, что точка зрения Адама на последовательность двух имен получила признание у большинства исследователей (см., например: [Grøe 1911, 79–80; Wessén 1927, 87]).

⁹⁴ Незадолго до смерти Свейн потребовал от данов на тинге, чтобы ему позволили назначить своего преемника. Его выбор пал на Кнута, хотя старшим из сыновей был Харальд [Knytl., 62]. Тем не менее, после смерти Свейна, вопреки его завещанию, конунгом был избран его старший сын Харальд, а Кнут был назначен ярлом. В дальнейшем каждый следующий по старшинству сын Свейна Астридссона получал право на престол после смерти своего старшего брата (см.: [Knytl., 149, 166, 196]).

⁹⁵ Об имени Пипин и выборе имен у каролингов см. подробнее: [Jarnut 1997, 123–125], ср.: [Storm 1893, 208–209].

⁹⁶ Из саг известны случаи, когда человек мог быть крещен языческим именем. Так, например, в «Саге об оркнейцах» рассказывается, что Олав Трюгтвасон взял в заложники сына ярла Сигурда, которого звали «Целенок или Собачка» (Huelþr eller Hund), и крестил (skíra) его именем Хледвир (Hlaudvis) [Orkn., 26]. Судя по всему, Олав Трюгтвасон дал ему в крещении родовое имя — именно так, Хледвир, звали деда этого мальчика, т. е. отца ярла Сигурда.

⁹⁷ Не исключено, что у них были и крестильные, христианские имена, но, в большинстве случаев, нам о них ничего не известно. Вообще говоря, проблема двойных имен в Скандинавии представляется весьма интересной и, как кажется, недостаточно исследованной.

Так, мы знаем о монахах, носивших языческие имена, и редко встречаем упоминания об их христианских именах (ср.: [Meldgaard 1994,

207–209]). Между тем, в древнеисландском языке существовал специальный термин для крестильного имени (*skírnarnafn*), а отдельные источники говорят о том, что при крещении дается второе имя (ср., например, в «Древненорвежской книге проповедей»: *en oss er oc geuet annat nafn í varre skírn, því at vér collomc cristnir oc gerðomsc guðs synir, er aðr varom synða þrælar* («нам дается второе <другое? — Ф. У.> имя в крещении, ибо мы называемся христианами и сделались Божиими сынами, а прежде были рабами греха») [Нот., 85]). Мы знаем о целом ряде датских конунгов, носивших двойные имена (династическое и христианское), при этом нам почти ничего не известно о двойных именах в Норвегии. См. подробнее: [Steenstrup 1892–1894, 729–741; Þórhall Vilmundarson 1975, 95–99].

⁹⁸ Мать этого Торгисля, по-видимому, была русской. Сведения, которыми мы о нем располагаем, крайне немногочисленны — в той же саге кратко упомянуто, что «Торгисль отправился на восток в Гардарики <Русь. — Ф. У.>, там у него были знатные родичи с материнской стороны. Там он рос и воспитывался и там он был избран в конунги, и с той поры он никогда не возвращался в Данию» (*Þorgisl <...> fór austr í Garðaríki; þar átti hann móðurætt göfga; fœddiz hann þar upp ok var þar til konungs tekinn ok kom ekki síðan til Danmerkr* [Кнýtł., 61]; ср. также с. 77 той же саги).

⁹⁹ Относительно данного имени см.: [DGP 1941, 1511].

¹⁰⁰ О том, какие скандинавские имена были наиболее типичны для той или иной династической традиции, см.: [Koht 1916; Wessén 1927, 87–96].

¹⁰¹ На не вполне понятных нам основаниях Эва Вилларсен Мельдгаард считает Магнуса одним из младших сыновей Свейна, родившимся уже после Бенедикта и перед Никуласом [Meldgaard 1994, 206].

¹⁰² Существует мнение, что Свейн Астридссон называл своих сыновей «в честь самого себя», руководствуясь образом, заимствованным у франков и немцев. В Дании поступок Свейна Астридссона стал образцом для следующих поколений правителей: так, в честь Эйрика Доброго был назван при жизни один из его сыновей, Эйрик Эмун, а Вальдемар II, возможно, был назван в честь своего отца, Вальдемара I, также при жизни последнего (о Вальдемаре I и Вальдемаре II см. прим. 10 в настоящей работе). Со временем такое наименование становится возможным и в Норвегии: Сигурд Рот (ум. в 1155) называет одного из своих сыновей Сигурдом, у конунга Эйстейна (ум. в 1157) был сын Эйстейн Девчушка (не исключено, правда, что он родился, когда его отца уже не было в живых), а Хакон Старый (ум. в 1263) дал свое имя второму сыну (см.: [Storm 1893, 211–213]).

¹⁰³ Хотя ко времени составления саги имя Хакон, несомненно, воспринималось как династическое имя норвежских королей, однако в тексте специально подчеркивается, что Сигурд ярл дает мальчику имя не в честь его королевских родичей, а в честь собственного отца Хакона хладирского ярла. Не исключено, что Сигурд пытался таким образом, путем сложной подстановки имен, связать свой род с родом конунга Харальда Прекрасноволосого.

Следует отметить, что имя Хакон в свой черед «вернулось» в род ярла Сигурда: уже будучи конунгом Норвегии, Хакон Добрый окропил водой новорожденного сына ярла и его жены Бергльот и дал ему свое имя [Нкр., I, 182]. Сын Сигурда хладирского ярла, получивший имя от самого конунга, впоследствии правил Норвегией и известен в норвежской истории под именем Хакона Могучего (ум. в 995 г.).

Видимо, теми же соображениями — связать свой род с родом конунга Харальда Прекрасноволосого — руководствовался герцог Гутхорм, правитель Вика, давая свое имя другому сыну Харальда (см. выше, прим. 24). Ср. практику обмена именами между родом конунга и родом его приближенного в случае с Магнусом Добрым, когда скальд Сигват нарек сына Олава Святого, а Олав стал крестным отцом его дочери.

Сходные случаи имянаречения, судя по всему, имели место и в Западной Европе, однако здесь они возникали как следствие всевозможных политических альянсов (ср., например, описание того, как один из сыновей Фридриха Барбароссы был назван в честь кельнского архиепископа Филиппа, предложенное в работе: [Althoff 1997, 138–139]).

¹⁰⁴ Тема незаконного происхождения Хакона Доброго еще раз возникает в саге: отдавая своего сына на воспитание английскому королю Адальстейну, Харальд стремился подчеркнуть свое превосходство над ним. Дело в том, что по существовавшему в Скандинавии обычаю ребенка отдавали на воспитание людям менее знатным, чем его родители. Принимая же на воспитание незаконнорожденного, человек естественно демонстрирует свое еще более низкое положение в иерархии по сравнению с отцом ребенка. Иностранец, не подозревающий о существовании такой практики, мог оказаться втянутым в эту ситуацию вопреки своему желанию и узнать о понижении своего статуса лишь постфактум. Согласно саге, дружинник Харальда, Хаук Длинные Чулки, привез Хакона в Англию, посадил мальчика на колени английскому королю и произнес: «Харальд конунг просит тебя воспитать своего сына от рабыни» (Haraldr konungr bað þik fóstara honum ambáttar-barn) [Нкр., I, 158]. Ср. аналогичный мотив в рассказе о том, как Ярослав Мудрый стал приемным отцом незаконнорожденного сына (son... lavngetenn) Олава Святого, Магнуса Доброго [Msk., 1–3; Flat., III, 252].

Остается добавить, что Хакон Харальдссон, согласно источникам, принял в Англии христианство, однако о существовании у него второго, христианского, имени, полученного при крещении, в источниках ничего не сообщается.

¹⁰⁵ Попытка ответа на некоторые из этих вопросов и отдельные, очень ценные для нас наблюдения над династическими именами в известных в средние века западноевропейских правящих домах содержатся в работах: [Jarnut 1997; Althoff 1997].

¹⁰⁶ Любопытны также некоторые клише в описании конкубината конунгов. Так, в сагах при описании конкубины конунга как правило употребляется стандартная формула *ее называли или она была рабыней конунга* (*konungs ambátt*), при этом нередко здесь же указывается, что она происходит из знатного рода (ср.: [Karras 1990, 154; Ebel 1993, 49, 158–160]).

¹⁰⁷ Спор за отцовское наследство между законными и побочными сыновьями Харальда Прекрасноволосого, по-видимому, имел огромное значение для последующей истории Норвегии. В частности, противостояние незаконнорожденного, Хакона Доброго, и Эйрика Кровавая Секира, законного сына, получившего власть после отца благодаря своему происхождению, убедительно показано в работе: [Schreiner 1927–1929; 161–223].

¹⁰⁸ Необходимо отметить, что внук Харальда Прекрасноволосого — будущий конунг Норвегии Харальд Серая Шкура (ум. ок. 970) — был не самым старшим из законных сыновей Эйрика Кровавая Секира.

¹⁰⁹ Так, в саге существует описание того, как конунг Харальд Златобородый, правивший еще до Харальда Прекрасноволосого, тоже дает свое имя внуку — Харальду Юному [Нкг., I, 88; Флоат., 1]. Исторических сведений об этом конунге явно недостаточно, однако известно, что его дочь впоследствии стала одной из жен отца Харальда Прекрасноволосого, Хальвдана Черного.

¹¹⁰ Об имени Гамли у старшего сына Эйрика Кровавая Секира см. [Storm 1893, 216–217], где высказывается предположение, что он был назван в честь деда по материнской линии, датского конунга Горма Старого (*Gorm hinn Gamli*). Таким образом, сын Эйрика и Гуннхильд, по мнению исследователя, получил прозвище своего предка в качестве личного имени. В работе содержатся некоторые дальнейшие рассуждения относительно именования данного персонажа.

Любопытно отметить, что в отдельных древнеисландских источниках это прозвище — *Gamli* «Старый» — носят князь Владимир и Ярослав Мудрый (см.: [Lind 1920–1921, 101]).

¹¹¹ «Сигурд конунг дал Калю сыну Коля половину Оркнейских островов <...> и титул ярла в придачу. Еще он дал ему имя ярла Рётнвальда

сына Бруси, ибо Гуннхильд, его мать, сказала, что тот был достойнейшим из оркнейских ярлов» (Sigurðr konungr gaf Kala Kolssyni Orkneyjar hálfar <...> ok jarlsnafn með. Hann gaf honum ok nafn Rögnvalds jarls Brúsasonar, því at Gunnhildr, móðir hans, sagði hann verit hafa gerviligastan allra Orkneyingjarla [Orkn., 140; Flat., II, 445]). Тем самым, конунг Сигурд дал ему имя, которое по традиции приличествует ярлу Оркнейских островов. Позднее Рёгнвальд Кали, умерший в 1158 г., был канонизирован церковью (см.: [Дае 1879, 206]).

¹¹² Обращает на себя внимание, что конунг дает Оспаку свое имя, подобно тому как это мог бы сделать крестный отец при крещении (примеры подобного рода в скандинавской традиции известны). Замечательно при этом, что новое имя Оспака оказывается как бы «невытребуемым», точно так же как невытребуемые в бытовом обиходе могли быть крестильные имена. Оспака продолжает называться в саге своим именем, а об имени Хакон больше не упоминается: ср. «на том тинге он <Хакон Старый. — Ф. У.> дал Оспаку титул конунга. Тот был прозван Оспака Гебридский. Кроме того, он дал ему имя Хакон» (а því þingi gaf hann Vspaki konungs nafn. Enn hann var kalladr Vspakr enn Sudreyski. Þar með gaf hann honum Hakonar nafn) [Flat., III, 101]. Ср. в этой связи отдельные наблюдения, приведенные в работах [Mitterauer 1993, 297; Althoff 1997, 130–131], которые, как кажется, могли бы быть применены и к скандинавскому материалу.

СОКРАЩЕНИЯ И СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Adam — *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum* / Hrsg. von B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.

Ágr. — *Ágrip af Nóregs konunga sögum* / Hrsg. von Finnur Jónsson. Altnordische Saga-Bibliothek. H. 18. Halle a. S., 1929.

CR — *Catalogi regum* / Ed. E. M. Fant // *Scriptores rerum Svecicarum medii aevi*. Bnd. 1. Uppsala, 1818.

DGP — *Danmarks Gamle Personnavne*. Bnd. I. Fornavne / Udg. af Gunnar Knudsen og Marius Kristensen, under Medvirksomhed af Rikard Hornby. Halvbnd. 1. København, 1936. Halvbnd. 2. København, 1941.

DI — *Diplomatarium Islandicum*. København; Reykjavík, 1857–1923. Bnd. I–XII.

Eb. — *Eyrbyggjasaga* / Hrsg. von H. Gering. Altnordische Saga-Bibliothek. H. 6. Halle a. S., 1897.

Fask. — *Fagrskinna* / Udg. ved Finnur Jónsson. Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. XXX. København, 1902–1903.

Flat. — *Flateyrbók*. Christiania, 1860–1868. Bnd. I–III.

Fms. — *Fornmannasögur eptir gömlum handritum*. Kaupmannahöfn, 1825–1837. Bnd. I–XII.

Floam. — *Floamannasaga* / Utg. ved Finnur Jónsson. Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. XXIII. København, 1893–1901.

Herv. — *Hervarar saga ok Heiðreks* / Gen. ed.: G. Turville-Petre. Viking Society for Northern Research. London, 1956.

Hkr. — *Heimskringla* / Udg. ved Finnur Jónsson. Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. XXIII. København, 1893–1900/1901, Bnd. I–IV.

Hkr. 1941–1951 — *Snorri Sturluson*. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Íslenzk fornrit. Bnd. XXVI–XXVIII. Reykjavík, 1941–1951. Bnd. I–III

Hom. — Gammel Norsk Homiliebog / Udg. af C. R. Unger. Christiania, 1864.

HRA — *William of Newburgh*. Historia rerum Anglicarum / Ed. R. Howlett. Rolls Series. Vol. 82. London, 1884. Vol. I.

IA — *Islandske Annaler indtil 1578* / Udg. af G. Storm. Christiania, 1888.

Jmsv. — *Jómsvikingasaga* / Utg. af C. Petersen(s). Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. VII. København, 1882.

Klm. — *Karlamagnús saga* / Texte norrois édité par Agnete Loth. Copenhagen, 1980. T. I–II.

KLMN — Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid. Malmö; Kopenhagen, 1956–1978. Bnd. I–XXII.

Knýtl. — *Sögur Danakonunga*. Sögubrot af fornkonungum. Knyttlingasaga / Utg. af C. Petersens och E. Olson. Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. XLVI. København, 1919–1925.

Ls. — *Laurentius saga biskups* / Ed. Árni Björnsson. Rit Handritastofnunar Íslands. Bnd. 3. Reykjavík, 1960.

Msk. — *Morkinskinna* / Udg. ved Finnur Jónsson. Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. LIII. København, 1932.

NGL — *Norges gamle Love indtil 1387* / Udg. af G. Storm, E. Hertzberg, R. Keyser, P. A. Munch. Christiania, 1846–1895. Bnd. I–V.

ÓH. Leg. — *Olafs saga hins helga* / Utg. ved Oscar Albert Johnsen. Kristiania, 1922.

Orkn. — *Orkneyinga saga* / Finnbogi Guðmundsson gaf út. Íslenzk fornrit. Bnd. XXXIV. Reykjavík, 1980.

Reich. — *Reichenau-Listen* / Ed. Finnur Jónsson og Ellen Jørgensen // *Annaler (Aarbøger) for nordisk Oldkyndighed og Historie*. København, 1923.

RN — *Regesta Norvegica (991–1263)* / Utg. av G. Storm. Christiania, 1898. Bnd. I.

RN 1989 — *Regesta Norvegica* / Utg. av E. Gunnes. Oslo, 1989. Bnd. I.

Saxo — *Saxo Grammaticus*. Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik, H. Raeder. København, 1931. Bnd. I–II.

SBL 1920 — *Svenskt Biografiskt Lexikon* / Red. Bertil Boethius, Stockholm, 1917. Bnd. I— .

SmHD — *Scriptores minores historiae Danicae medii aevi* / Ed. M. Cl. Gertz. Copenhagen, 1917–1922. Bnd. I–II.

SOH — *Den Store Saga om Olav den Hellige* / Utg. av Oscar Albert Johnsen og Jón Helgason. Oslo, 1941. Bnd. I–II.

SR — *Scriptores rerum Danicarum medii aevi*. København, 1772–1878. Bnd. I–IX.

Sturl. — *Sturlungasaga* / Ed. by G. Vigfusson. Oxford, 1878. Vol. I–II.

Sturl. 1906–1911 — *Sturlunga saga efter membranen Króksfjarðarbók udfyldt efter Reykjarfjarðarbók*. København; Kristiania, 1906–1911. Bnd. I–II.

Sv. — *Sverris saga* / Utg. ved G. Inderbø. Kristiania, 1920.

WMm — *Willelmi Malmesbiriensis monachi. De gestis pontificum Anglorum libri quinque* / Ed. by N. E. S. A. Hamilton. Rolls Series. Vol. 52. London, 1870.

Байок 2000 — Д. Л. Байок. Наложницы и дочери в Исландии XIII века: Вальгерд Йонсдоттир и Сольвейг, Вигдис Гисльсдоттир и Турид // Другие Средние века: К 75-летию А. Я. Гуревича / Сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.; СПб., 2000.

Гиппиус, Успенский 2000 — А. А. Гиппиус, Ф. Б. Успенский. К вопросу о соотношении языческого и христианского имени — древнерусские антропонимические дублиеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи: (Славянский мир между Римом и Константинополем: христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья): Тезисы XIX конференции. М., 2000.

Гуревич 2000 — Е. А. Гуревич. «Прядь о Стuve» // Другие Средние века: К 75-летию А. Я. Гуревича / Сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.; СПб., 2000.

Гуревич, Матюшина 2000 — Е. А. Гуревич, И. Г. Матюшина. Поэзия скальдов. М., 2000.

Джаксон 1999 — Т. Н. Джаксон. Елизавета Ярославна, королева норвежская // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999.

Джаксон 2000 — Т. Н. Джаксон. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М., 2000.

Джаксон, в печати — Т. Н. Джаксон. Карл Великий, Магнус Добрый и Сверрир Магнус: К вопросу о происхождении и семантике скандинавского имени Магнус.

Корни Иггдрасиля 1997 — Корни Иггдрасиля. Эдда. Скальды. Саги / Сост. и отв. ред. О. А. Смирницкая. М., 1997.

Круг Земной 1980 — Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Назаренко 2000 — А. В. Назаренко. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: Наследственные разделы, сеньорат и попытка десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000.

Сага о Сверрире 1988 — Сага о Сверрире / Изд. подгот.: М. И. Стеблин-Каменский, А. Я. Гуревич, Е. А. Гуревич, О. А. Смирницкая. М., 1988.

Тупиков 1903 — Н. М. Тупиков. Словарь древне-русских личных собственных имен. СПб., 1903.

Унсет 1984 — С. Унсет. Улав, сын Аудуна из Хествикена / Пер. с норв. Л. Брауде и Н. Беяковой. М., 1984.

Успенский 1988 — Б. А. Успенский. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии: (Семантика русского мата в историческом освещении) // Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman / Ed. M. Halle, K. Pomorska, E. Semeka-Pankratov, B. Uspenskij. Columbus, Ohio, 1988.

Успенский 2000 — Б. А. Успенский. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

Успенский, в печати — Ф. Б. Успенский. Варяжское имя в русском языковом обиходе (к этимологии слова «олух»).

Almquist 1951 — J. E. Almquist. Den svenska Familjerättens Historia. Stockholm, 1951.

Althoff 1997 — G. Althoff. Namengebung und adliges Selbstverständnis // Nomen et gens: Zur historischen Aussagekraft frühmittelalterlicher Personennamen / Hrsg. von D. Geuenich, W. Haubrichs, J. Jarnut. Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde / Hrsg. von H. Beck, H. Steuer, D. Geuenich. Berlin; New York, 1997. Bd. 16.

Angenendt 1973 — *A. Angenendt*. Taufe und Politik im frühen Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien. 1973. Bd. VII.

Axnäs 1937 — *K. Axnäs*. Slavisch-baltisches in altnordischen Beinamen. Nomina Germanica. Nr. 2. Uppsala, 1937.

Bergh, Birger 1988 — Textinnehållet i Knut den heliges gåvobrev ur filologisk synvinkel. I: Gåvobrevet 1085. Föredrag och diskussioner vid Symposium kring Knut den heliges gåvobrev 1085 och den tidiga medeltidens nordiska samhälle. Lund, 1988.

Bolin 1931 — *S. Bolin*. Om Nordens äldsta historieforskning. Lund, 1931.

Bolin 1932 — *S. Bolin*. Kring mästern Adams text. Interpretation och kommentar. Bidrag til Nordens historia under 900- och 1000-talen // Scandia. 1932. Bnd. V.

Bugge 1906 — *A. Bugge*. Vikingerne: billeder fra vore forfædres liv. Kobenhavn, 1906.

Bugge 1914 — *A. Bugge*. Smaa Bidrag til Noregs Historie paa 1000-Tallet // Videnskapselskapets Skrifter II. Hist. — Filos. Klasse. Kristiania, 1914. No. 2.

Carlsson 1965 — *L. Carlsson*. 'Jag giver dig min dotter'. Trolovning och äktenskap i den svenska kvinnas äldra historia. Lund, 1965.

Cleasby 1957 — *R. Cleasby*. The Icelandic-English Dictionary / Enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson. Oxford, 1957.

Cormack 1994 — *M. Cormack*. The saints in Iceland. Their Veneration from the Conversion to 1400. Subsidia Hagiographica. T. 78. Société des Bollandistes. Bruxelles, 1994.

Daae 1879 — *L. Daae*. Norges helgener. Christiania, 1879.

Delin 1908 — *C. Delin*. Om oäkta börd samt oäkta barns rättställning enligt alder svensk rätt. Lund, 1908.

Ebel 1993 — *E. Ebel*. Der Konkubinats nach altwestnordischen Quellen. Philologischen Studien zur sogenannten «Friedelehe». Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde / Hrsg. von H. Beck, H. Steuer, D. Timpe. Berlin; New York, 1993. Bd. 8.

Fritzner 1954 — *J. Fritzner*. Ordbog over det gamle norske Sprog. Oslo, 1954. Bnd. I–III.

Gallén — *J. Gallén*. Vem var Ulf jarl, Sven Estridsens far // Scandia. 1992. Bnd. 5. H. 1.

Grape 1911 — *A. Grape*. Studier over de i fornsvenskan inlånade personnamnen: (Företrädesvis intill 1350) I. Uppsala, 1911.

Hansen 1917 — *N. Hansen*. Vore Helgener. København, 1917.

Hermanson 2000 — *L. Hermanson*. Släkt, vänner och makt (en studie av elitens politiska kultur i 1100-tales Danmark). Göteborg, 2000.

Hermannsson 1932 — *Halldór Hermannsson*. Sæmund Sigfússon and the Oddaverjar // *Islandica*. Ithaca; New York, 1932. Vol. XXII.

Hoffmann 1976 — *E. Hoffmann*. Königserhebung und Thronfolgeordnung in Dänmark bis zum Ausgang des Mittelalters. Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters. Bd. V / Hrsg. von H. Fuhrmann. Berlin; New York, 1976.

Höfler 1954 — *O. Höfler*. Über die Grenzen semasiologischer Personennamenforschung // *Festschrift für D. Kralik*. 1954.

Holmbäck 1929 — *Å. Holmbäck*. Ätten och arvet enligt Sveriges medeltidslagar. Uppsala, 1929.

Holst 1936 — *H. Holst*. Norges mynter til slutten av 16 århundre. Nordisk Kultur (Mønt). Bnd. 29. Oslo; Stockholm, 1936.

Jacobsen 1932 — *L. Jacobsen*. Vikingetidens "historiske" danske Runeindskrifter // *Scandia*. 1932. Bnd. V.

Jarnut 1997 — *J. Jarnut*. Nobilis non vilis, cuius et nomen et genus scitur // *Nomen et gens. Zur historischen Aussagekraft frühmittelalterlicher Personennamen* / Hrsg. Von D. Geuenich, W. Haubrichs, J. Jarnut. Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde / Hrsg. Von H. Beck, H. Steuer, D. Geuenich. Berlin; New York, 1997. Bd. 16.

Johens 1986 — *J. M. Jochens*. Consent in marriage. Old Norse law, life, and literature // *Scandinavian Studies*. 1986. Vol. 58.

Jónsson 1902 — *Jón prestur Jónsson*. Um íslenzk mannanöfn // *Safn til sögu Íslands og íslenzkra Bókmenta*. Kaupmannahöfn, 1902. Bnd. III.

Kahle 1909 — *B. Kahle*. Die altwestnordischen Beinamen bis etwa zum Jahre 1400 // *Arkiv för nordisk filologi*, 1909. Bnd. XXVI, H. 2 (продолжение работы см. в *Arkiv för nordisk filologi*, 1910. Bnd. XXVI, H. 3.).

Karras 1990 — *R. M. Karras*. Concubinage and slavery in the Viking Age // *Scandinavian Studies*. 1990. Vol. 62.

Keil 1931 — *M. Keil*. Altisländische Namenwahl. Palaestra. Bd. 176. Leipzig, 1931.

Kienast 1967 — *W. Kienast*. Magnus = Der Ältere // *Historische Zeitschrift*. München, 1967. Bd. 205, H. 1 (August).

Koht 1916 — *H. Koht*. Skandinaviske motenavn i vikingtiden // Historisk Tidsskrift (Femte Række). Kristiania, 1916. Bnd. III.

Koht 1952 — *H. Koht*. Kong Sverre. Oslo, 1952.

Krag 1989 — *C. Krag*. Norge som odel i Harald Hårfagres ætt // Historisk Tidsskrift. Oslo, 1989. Bnd. 68.

Lidén 1999 — *A. Lidén*. Olav den Helige i medeltida Bildkonst: (Legendmotiv och attribut). Stockholm, 1999.

Lind 1905–1915 — Norsk-Isländska Dopnamn ock fingerade Namn från Medeltiden / Samlade ock utgivna av E. H. Lind. Uppsala; Leipzig, 1905–1915.

Lind 1920–1921 — Norsk-Isländska Personbinamn från Medeltiden / Samlade ock utgivna med Förklaringa av E. H. Lind. Uppsala, 1920–1921.

Maurer 1880 — *K. Maurer*. Ueber die Wasserweihe des germanischen Heidenthumes. München, 1880.

Maurer 1883 — *K. Maurer*. Die unächte Geburt nach altnordischem Rechte. München, 1883.

Meldgaard 1994 — *E. V. Meldgaard*. De kristne personnavne kommer // Vikingetidens sted- og personnavne. NORNA-Rapporter 54. Uppsala, 1994.

Mitterauer 1993 — *M. Mitterauer*. Ahnen und Heilige. Namensgebung in der europäischen Geschichte. München, 1993.

Müller 1973 — *G. Müller*. Harald Gormssons Königsschicksal in heidnischer und christlicher Deutung // Frühmittelalterliche Studien. 1973. Bd. 7.

Naumann 1912 — *H. Naumann*. Altnordische Namenstudien. Acta Germanica. Neue Reihe. H. 1 / Hrsg. von R. Hennig. Berlin, 1912.

Nordal 1914 — *S. Nordal*. Om Olaf den helliges saga: En kritisk undersøgelse. Copenhagen, 1914.

Norske Gaardnavne 1897 — Norske Gaardnavne / Udg. af O. Rygh. Kristiania, 1897.

Paasche 1948 — *F. Paasche*. Kong Sverre. Oslo, 1948.

Personnamn 1947 — Personnamn / Utg. av A. Janzén. Nordisk Kultur. Bnd. VII. Stockholm, 1947.

Rygh 1901 — *O. Rygh*. Gamle Personnavne i norske Stednavne. Kristiania, 1901.

Sawyer, Sawyer 1996 — *B. Sawyer, P. Sawyer*. Medieval Scandinavia. From Conversion to Reformation circa 800–1500 // The Nordic Series. Vol. 17. Minneapolis; London, 1996.

Schreiner 1927–1929 — *J. Schreiner*. Harald Hårfagre og hans efterfølgere // Historisk Tidsskrift. Oslo, 1927–1929. Bnd. 28 (Femte Række, Syvende Bind).

Sickel 1903 — *W. Sickel*. Das Thronfolgerecht der unehelichen Karolinger // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. Weimar, 1903. Bd. 24.

Sjöberg 1982 — *A. Sjöberg*. Pop Upir' Lichoј and the Swedish Rune-carver Ofeigr Upir // Scando-Slavica. Copenhagen, 1982. Bnd. 28.

Skaare 1966 — *K. Skaare*. Harald Hardråde som myntherre // Harald Hardråde / Red. A. Berg. Oslo, 1966.

Steenstrup 1892–1894 — *J. Steenstrup*. Dobbelte Navne. Erik Lam-David // Historisk Tidsskrift (Sjette Række). København, 1892–1894. Bnd. IV.

Steenstrup 1918 — *J. Steenstrup*. Mænds og Kvinders Navne i Danmark gennem Tiderne. København, 1918.

Storm 1873 — *G. Storm*. Snorre Sturlassons Historieskrivning. Copenhagen, 1873.

Storm 1893 — *G. Storm*. Vore Forfædres Tro paa Sjælevandring og deres Opkaldelsessystem // Arkiv för nordisk filologi. Lund, 1893. Bnd. IX.

Sveinsson 1936 — *Einar Ól. Sveinsson*. Nafngiftir Oddaverja // Bidrag till Nordisk Filologi tillägnade Emil Olson. Lund, 1936.

Sveinsson 1953 — *Einar Ól. Sveinsson*. The Age of the Sturlungs // Islandica. Ithaca; New York, 1953. Vol. XXXVI.

Sørensen 1984 — *J. K. Sørensen*. Patronymer i Danmark (Runetid och Medelalder). København, 1984. Bnd. I.

Taranger 1934–1936 — *A. Taranger*. Om kongevald i Norge i sagatiden // Norsk Historisk Tidsskrift. Oslo, 1934–1936. Bnd. 30.

Thoma 1985 — *G. Thoma*. Namensänderungen in Herrscherfamilien des mittelalterlichen Europa. Münchener Historische Studien. Abteilung mittelalterliche Geschichte / Hrsg. von E. Hlawitschka. Bd. 3. München, 1985.

Vries 1977 — *J. de Vries*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Zweite verbesserte Auflage. Leiden, 1977.

Dórhall Vilmundarson 1975 — *Dórhall Vilmundarson*. Ólafur chaim // Binamn och Släktnamn (Avgränsning och Ursprung). Handlingar från NORNA: s tredje symposium i Uppsala 27–28 april 1974 (Redigerade av Thorsten Andersson). Uppsala, 1975.

Weibull 1948–1949 — *L. Weibull*. Nordisk Historia. Lund, 1948–1949. Bnd. I–III.

Wessén 1927 — *E. Wessén*. Nordiska namnstudier. Uppsala, 1927.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

ГЕНЕАЛОГИЯ ШВЕДСКИХ КОНУНГОВ

Эйрик Победоносный
(ум. ок. 990 г.)

Олав Шётконунг
(ум. ок. 1022 г.)

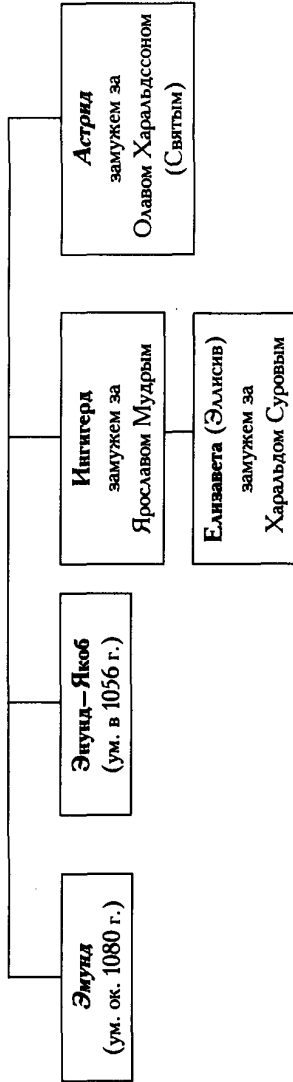
Эмунд
(ум. ок. 1080 г.)

Эмунд-Якоб
(ум. в 1056 г.)

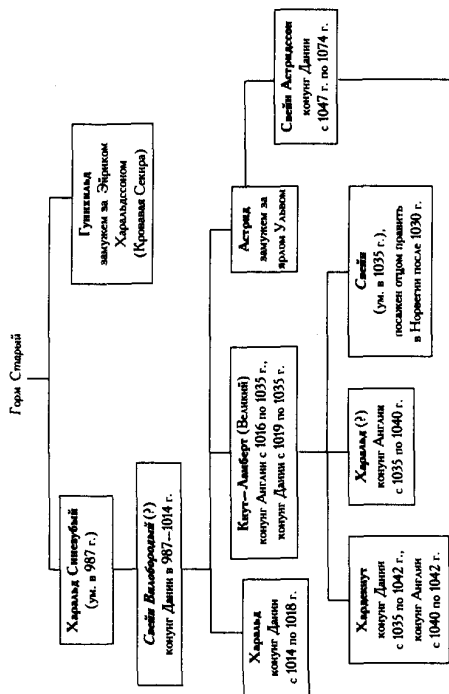
Ингигерд
замужем за
Ярославом Мудрым

Астрид
замужем за
Олавом Харальдссоном
(Святым)

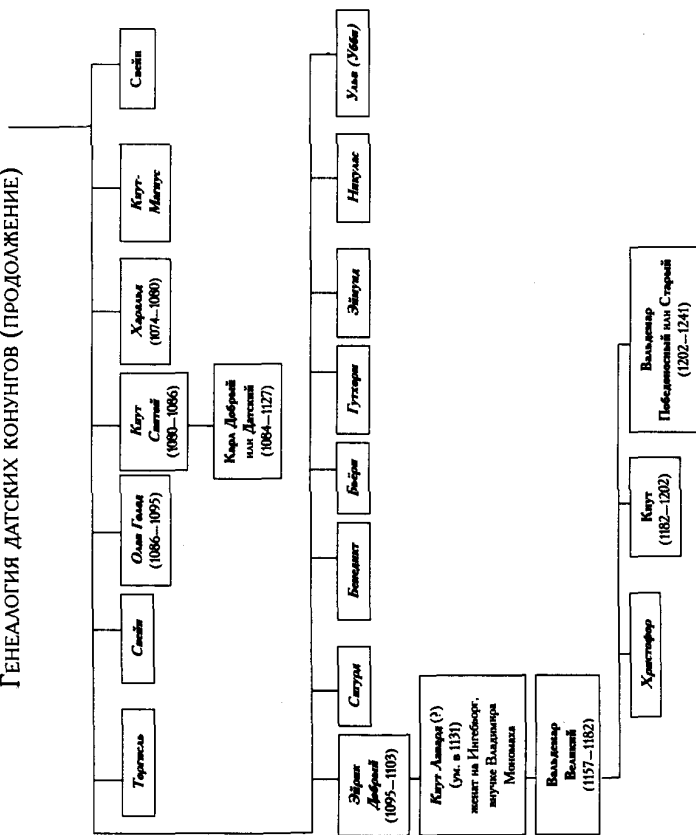
Елизавета (Элксив)
замужем за
Харальдом Суровым

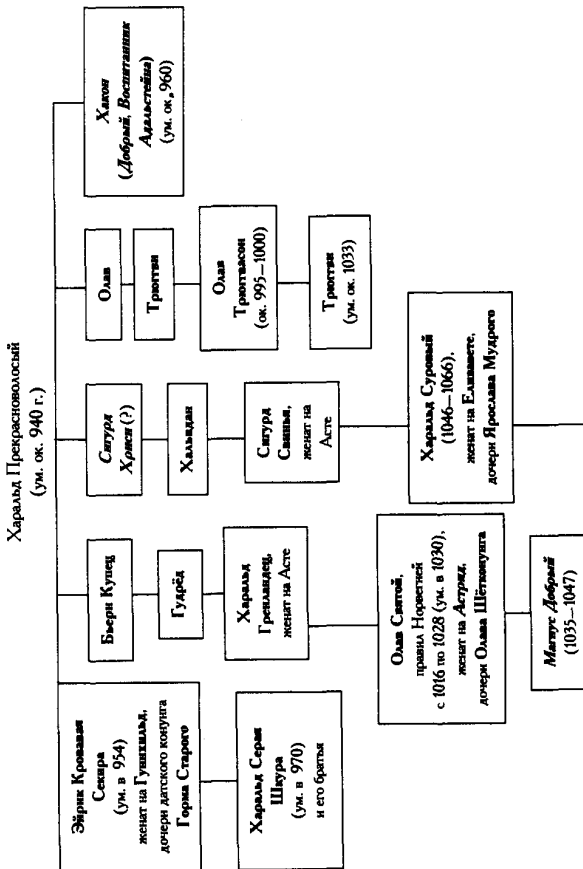
ГЕНЕАЛОГИЯ ДАТСКИХ КОНУНГОВ

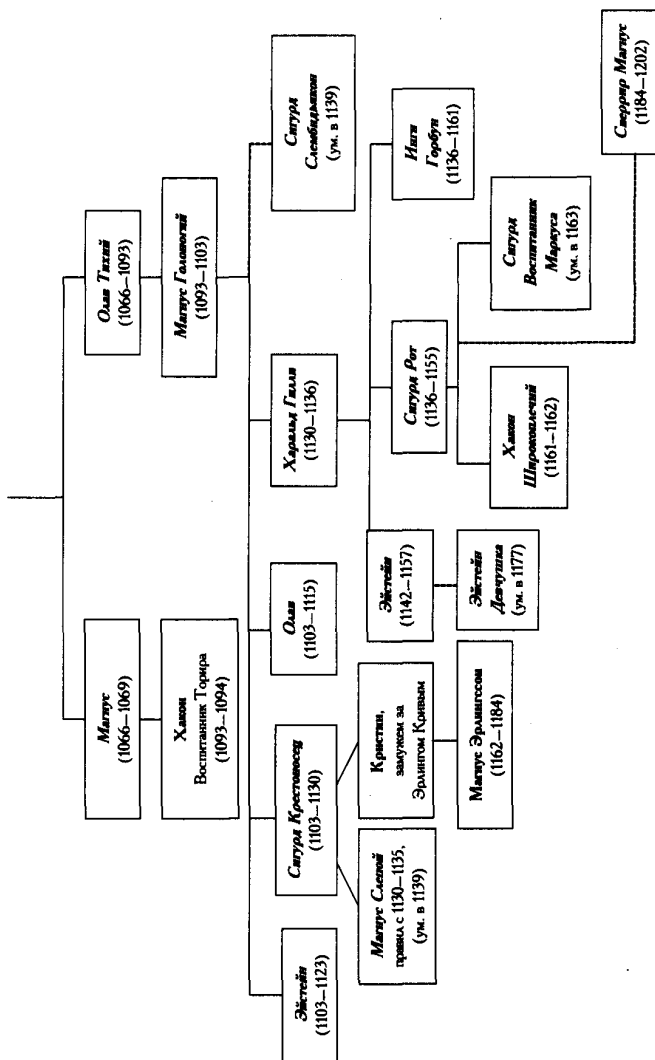
ГЕНЕАЛОГИЯ ДАТСКИХ КОНУНГОВ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

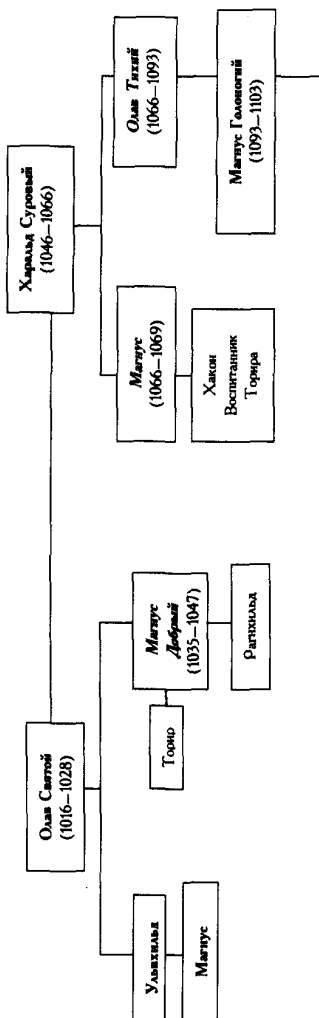
ГЕНЕАЛОГИЯ НОРВЕЖСКИХ КОНУНГОВ (1)

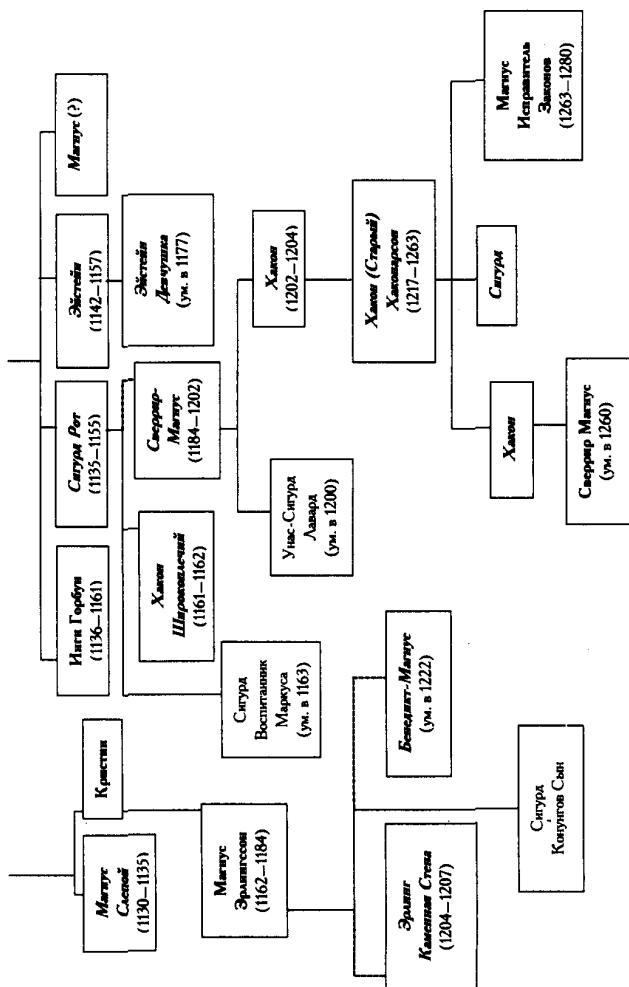
ГЕНЕАЛОГИЯ НОРВЕЖСКИХ КОНУНГОВ (1) (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ГЕНЕАЛОГИЯ НОРВЕЖСКОЙ ДИНАСТИИ (2)
 Родственные связи отдельных лиц, упоминаемых в работе

ГЕНЕАЛОГИЯ НОРВЕЖСКОЙ ДИНАСТИИ (2) (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ И ПЕРСОНАЖЕЙ

А

- Агнар Андрессон (или Андреассон)**, см. Магнус Андрессон
- Адальрад (Этельред Нерешительный)**, английский король, ум. в 1016 105
- Адальстейн (Этельстан)**, английский король с 925, ум. в 939 становится воспитателем Хакона Доброго 117
- Адам Бременский**, немецкий хронист, ум. после 1080 114 его информанты 65 о двух именах Энунда-Якоба 64, 65 о жене и наложнице Олава Шведского 60, 61 о происхождении сыновей Олава Шведского 60, 61 о разделе владений между сыновьями Кнута Могучего 49 о Свейне Вилобородом 106 о старшем сыне Свейна Астридсона 54 упоминания датских конунгов под двумя именами в его сочинении 85, 109
- Адела**, жена Кнута Святого, мать Карла Доброго, согласно сагам, дочь Балдуина VI, герцога фландрского 66 происхождение 67
- Альвива**, наложница Кнута Могучего, мать его сына Свейна 106 ее сын получает имя матери в качестве патронима 51
- Альвхильд (Эльфиальда)**, наложница Олава Святого, мать Магнуса Доброго 22, 89 положение при конунге 94 рождение сына Магнуса 22
- Амунди Гюрдарсон**, воспитатель Инги Горбуна 102–103
- Ан (Белый)**, персонаж Саги о людях из Лососьей Долины, брат Ана Черного 110
- Ан (Черный)**, персонаж Саги о людях из Лососьей Долины, брат Ана Белого 110
- Анастасия (Настаська)**, наложница князя Ярослава Галицкого ее сын получает имя матери в качестве патронима 108
- Анунд**, король свеев у Адама Бременского и Римберта 114
- Арнвид (Слепой)**, знатный швед в XI в. 60
- Арнвид**, ярл, персонаж Саги об Эгиле 110
- Арни (Конунгов Отчим)**, знатный норвежец, муж Ингирид, вдовы Харальда Гилли и матери Инги Горбуна советует избрать Магнуса Эрлингссона конунгом 46
- Аса**, дочь ярла Хакона, жена Харальда Прекрасноволосого

- называет близнецов одинаковыми именами 109
- Асgrim**, сын Лодейного Грима, персонаж *Саги о Ньяле*
дает сыновьям одинаковые имена 110
- Аслейв**, персонаж *Саги об оркнейцах*, мать Свейна Олавссона или Аслейварсона
ее сын получает имя матери в качестве патронима 107
- Аста**, мать Олава Святого и Харальда Сурового, замужем за Харальдом Гренландцем и Сигурдом Свиной 29
церковное почитание 95
- Астрид (Эстрид)**, согласно некоторым источникам, жена Олава Шведского, мать Энунда-Якоба 60, 61
- Астрид Стейк**, предполагаемая мать самозванца из партии кукольщиков 41
- Астрид**, дочь конунга Свейна Виллбородого, сестра конунга Кнута Могучего и мать конунга Свейна Астридссона 50
берет себе второе имя Маргарета 85
происхождение 49, 51
- Астрид**, побочная дочь Олава Шведского, жена Олава Святого 58, 62, 94
- Б**
- Базин**, соратник Карла Великого в одноименной саге 91
- Балдуин**, в саге отец Матильды, жены Вильгельма Незаконнорожденного 105
- Балдуин**, герцог Фландрии, ум. в 1070, согласно сагам, отец Адельы, жены Кнута Святого 67
- Бард**, сын Гутхорма, норвежский аристократ, муж Цецилии, отец конунга Инги и герцога Скули
история его брака 98
- Бейни**, см. Бенедикт
- Бене**, см. Бенедикт
- Бенедикт (Бене, Бейни, Магнус)**, священник, самозванец, ум. в 1222 берет себе имя Магнус 40, 41, 104
гибель 40
объявляет себя сыном Магнуса Эрлингссона 40, 41
переосмысление христианского имени 101
- Бенедикт Свейнссон**, побочный сын Свейна Астридссона, ум. в 1086 71, 116
наречение христианским именем 72
- Бергльот**, жена яра Сигурда Хаконарсона, мать Хакона Могучего 117
- Берта**, мать Карла Великого в саге 91
- Бодиль**, родственница и приближенная датского конунга Эйрика Доброго
ее сын берет имя матери в качестве патронима 108
- Болеслав (Храбрый)**, князь, польский король с 1025, ум. в 1025 110
- Боргхильд**, см. Боргхильд
- Боргхильд (Боргхильд)**, наложница Сигурда Крестоносца, мать Магнуса Слеплого
ее сын получает имя матери в качестве патронима 51, 97–98
проходит испытание 32
становится наложницей Сигурда Крестоносца 32, 97
- Боргхильд**, персонаж романа Сигрид Унсет *Улав*, сын *Аудуна из Хествикена*, наложница Туре из Хува, мать Колбейна
ее сын получает имя матери в качестве патронима 108
- Борис**, сын Владимира Святого, князь ростовский, святой, убит в 1015
«виртуальное» родство с Константином Великим 90

Ботхильд, сестра Генриха IV и жена (наложница?) Эйрика Доброго, мать Кнута Лаварда 112

Бьери Свейнссон, побочный сын Свейна Астридссона 71
назван норвежским династическим именем 72

Бьери, согласно *Саге о Кнутлингах*, саксонский герцог, первый муж Ботхильд 112

Бьядок, по-видимому, наложница Харальда Гилли, мать Эйстейна Харальдссона 102

В

Валад, см. Володарь Глебович (Минский)

Валадар, см. Володарь Глебович (Минский)

Вальдемар Вальдемарссон (Старый), род. в 1170, конунг Дании с 1202, ум. в 1241 88
возможно назван в честь своего отца 116
выбор имени 88

Вальдемар Великий, род. в 1131, сын Кнута Лаварда и правнук Владимира Мономаха, конунг Дании с 1157, ум. в 1182 87

возможно, дает сыну свое имя 116
нарекает своего внебрачного сына христианским именем 19

нарекает своего законного сына династическим именем 19

появление имени Вальдемар в датской династии 87–88

Вильгельм, аббат, датский хронист XII в. 110

Вильгельм (Вильяльм) Незаконнорожденный (или Завоеватель), герцог Нормандии, король Англии с 1066, ум. в 1087
как образец для Эрлинга Кривого 47

семантика прозвища на скандинавской почве 105

Вильяльм, см. Вильгельм

Владимир Володаревич, князь галицкий с 1141, ум. в 1153
наречение в его честь? 88

Владимир Всеволодович (Мономах), князь киевский с 1113 по 1125, прадед Вальдемара Великого
наречение в его честь 87

Владимир Святославич (Святой), князь киевский с 980, ум. в 1015
его прозвище в скандинавских источниках 118

родство с Борисом и Глебом 90

Володарь (Валад, Валадар) Глебович (Минский), князь галицкий, ум. в 1124 88

Г

Гамли Эйрикссон, сын Эйрика Кровавая Секира и Гуннхильд
наречение в честь деда по материнской линии? 118

семантика имени 76

Геллир, персонаж *Саги о Крокарэве*
получает имя матери в качестве патронима 107

Генрих (Хенрик) IV, германский король с 1056, император с 1084, ум. в 1106, дядя по матери Кнута Лаварда 112

Гилли, **Гилликрист**, см. Харальд Гилли

Гильдерик III, последний король из династии Меровингов, смещенный Пипином 104

Глеб, сын Владимира Святого, князь муромский, святой, убит в 1015
«виртуальное» родство с Константином Великим 90

Горм Старый, основатель датской королевской династии, отец Харальда Синезубого и Гуннхильд, ум. приблизительно в середине X в. 106

наречение в его честь? 118

- Григорий VII (Гильдебрандт)**, папа римский с 1073 по 1085 христианские имена скандинавских правителей в его письмах 109
- Гудмунд**, персонаж *Саги о Торстейне Битом* дает дочерям одинаковые имена 110
- Гуннстейн**, персонаж *Саги о Глуме-Убийце*, отец Торгрима 107
- Гуннхильд**, дочь датского конунга Горма Старого и сестра Харальда Синезубого, жена Эйрика Кровавая Секира 118
ее сыновей называют по имени матери 106–107
наречение старшего сына 76
рождение сына 75
- Гуннхильд**, дочь Свейна Астридссона 109
берет себе второе имя Елена 85
- Гуннхильд**, жена Свейна Астридссона 71, 72
- Гуннхильд**, жена Симуна воспитывает Хакона Широкоплечего 73
- Гуннхильд**, мать Рёгнвальда Кали выбор имени для сына 119
- Гуннхильд**, мать Сверрира 94
- Гунхильд**, мать Вильгельма Незаконнорожденного в саге 105
- Гутхорм Свейнссон**, побочный сын Свейна Астридссона 71
назван норвежским династическим именем 72
- Гутхорм Седобородый**, знатный норвежец, отец Торы, наложницы Харальда Гилли 102
- Гутхорм Сигурдарсон**, приближенный Харальда Прекрасноволосого дает свое имя сыну Харальда Прекрасноволосого 93, 117
- Гутхорм Харальдссон**, сын Харальда Прекрасноволосого получает имя от приемного отца 93, 117
- Гутхорм Эйрикссон**, сын Эйрика Кровавая Секира и Гуннхильд 76
- Гутхорм**, побочный сын конунга Инги Бардарсона 98

Д

- Давид**, см. Эйрик Ламм
- Дроплауг**, персонаж *Саги о сыновьях Дроплауг*
сыновья получают ее имя в качестве патронима 107

Е

- Елена**, см. Гуннхильд
- Елизавета**, см. Элисив

И

- Иаков**, см. Якоб
- Инга**, наложница конунга Хакона, мать Хакона Старого 101
- Инги Стейнкельссон**, конунг шведов приблизительно с 1084, ум. ок. 1100
наречение в его честь 102
- Инги Харальдссон (Горбун)**, законный сын Харальда Гилли, конунг в Норвегии с 1136, ум. в 1161 происхождение 33–34, 102
родство с ним 46
- Инги**, он же Торгильс Кучка Дерьма, самозванец, выдававший себя за сына Магнуса Эрлингссона противопоставление династического и простого имени 86–87
- Инги**, сын Барда, конунг Норвегии с 1204, ум. в 1217 105
договор с Хаконем Бешеным, единоутробным братом 98
происхождение 98
- Ингигерд (Инград)**, законная дочь Олава Шведского, жена Ярослава Мудрого
законное происхождение 60, 110
- Ингигерд**, законная дочь Харальда Сурового 28
- Ингирид**, жена Олава Тихого 30

Ингрид, жена Харальда Гилли, внучка шведского конунга Инги 102

Инград, см. Ингигерд

Й

Йон Лофтссон, род. в 1124, знатный исландец, возможно внук Магнуса Голоногого, ум. в 1197

имена его побочных и законных детей 86

Йон сын Инги (Орм), самозванец из партии кукольщиков
оппоненты открывают его истинное имя и происхождение 41

К

Кали Кольссон, см. Рётгвальд Кали
Карл Великий (Карламагнус, Магнус), король франков с 768, император с 800, ум. в 814 22, 24, 67, 90

восприятие элемента Магнус в составе его имени (Carolus Magnus) 25–26, 76–77, 90, 91

в саге подтверждается под именем Карламагнус 91

наречение в его честь 24, 67, 76
переименовывает своего сына Карломана, решение династических задач 67–68

получает имя Магнус 91

Карл Кнутссон (Добрый или Датский), законный сын Кнута Святого, ум. в 1127
наречение неродовым именем 66
происхождение 67

Карламагнус, знатный исландец, сын Магнуса Агнара, ум. в 1310 91

Карламагнус, см. Карл Великий
Карломан (Пипин), третий сын Карла Великого, род. в 777, король Италии с 781, ум. в 810
получает имя Пипин 67–68

Карломан, род. в 751, брат Карла Великого, король с 768, ум. в 771

наречение в его честь 68

Кнут Магнуссон, соправитель Свейна Грате в Дании с 1146, ум. в 1157 88

Кнут Свейнссон (Великий или Могучий), род. ок. 1000, сын Свейна Вилобородого, конунг Дании с 1019, ум. в 1035 49, 51, 55, 105, 106

берет при крещении второе имя Ламберт 85, 110

делит власть между своими сыновьями 49

путешествие в Рим 55

ситуация после его смерти 49

эпитет Магнус 55, 76, 100, 110

Кнут Свейнссон (Святой), побочный сын Свейна Астридссона, конунг Дании с 1080, ум. в 1086 54, 67, 71, 88, 109

назван датским династическим именем 72

называет сына неродовым именем 66
наречение в его честь 88, 112

отец объявляет его своим преемником 115

планы и перспективы при наречении сына 66–67

получает титул ярла 115

Кнут Хаконарсон, побочный сын Хакона Бешеного
отец обеспечивает ему право на власть 98

Кнут Эйрикссон (Лавард), сын датского конунга Эйрика Доброго, святой, убит в 1131 87, 88
наречение в честь Кнута Святого 88, 112, 113

Кнут, по некоторым версиям — старший сын Свейна Астридссона, см. также Магнус 54, 71

Кнут, род. в 1163, законный сын Вальдемара Великого, конунг Дании с 1182, ум. в 1202

получает от отца династическое имя 19

Колбейн, персонаж романа Сигрид Унсет *Улав, сын Аудуна из Хествикена*, отец Эйнара получает имя матери в качестве патронима 108

Константин Великий, род. в 274, император римский с 306, ум. в 337

«виртуальное» родство с Борисом и Глебом 90

Кристин, законная дочь конунга Сигурда Крестоносца, жена ярла Эрлинга Кривого, мать конунга Магнуса Эрлингссона

имя Кристин используется в качестве патронима для ее сына 52, 108

ее сына предлагают избрать конунгом 46

происхождение 47

Кьяртан Торродссон, персонаж *Саги о людях с Песчаного Берега* получает имя матери в качестве патронима 107

Кюрпинга-Орм Свейнссон, отец Эрлинга Кривого, воспитатель Магнуса, сына Харальда Гилла 93

Л

Лавранс, епископ в Холаре (Исландия) с 1324, персонаж одноименной саги, ум. в 1331

наречение в честь святого 112

Лавранс (Лаврентий), святой, праздник 10 августа 112

Лаврентий, см. Лавранс

Ламберт, епископ в Маастрихте, святой, убит в 705/706 110

Ламберт, см. Кнут (Великий или Могучий)

Людовик (Благочестивый), род. в 778, четвертый сын Карла Великого, король Аквитании с 781, император франков с 814, ум. в 840 68

М

Магнус (Агнар) Андрессон (или Андрессон), знатный исландец XIII в.

называет своего сына Карламагнусом 91

переосмысление христианского имени 101

Магнус (или Кнут?), старший сын Свейна Астридссона, см. также Кнут 55

возможная семантика имени Магнус 110

второе имя 54

назван в честь отца? 72

послан в Рим для посвящения на царство 54, 55

связь с Кнутом Могучим 55

старшинство среди других сыновей Свейна Астридссона 116

христианское и династическое имя 71

Магнус Олавссон (Голоногий), род. в 1073, побочный сын Олава Тихого, конунг в Норвегии с 1093, ум. в 1103 27, 55, 86, 87, 96, 97 воспроизведение династической ситуации времен Олава Святого 97

его побочные дети 31

имя Магнус ко времени его правления 31

наречение в его честь 55, 100

планы относительно сыновей 31–32, 70

получает имя Магнус 30–31

появление на свет 30, 97

самозванцы выдают себя за его сыновей 41, 71, 102, 103

семейное положение 31

Магнус Олавссон (Добрый или Могучий), незаконный сын Олава Святого, род. в 1024, конунг Норвегии с 1035, первый носитель имени Магнус в норвежской дина-

- сти, ум. в 1047 24, 26, 27, 28, 30, 31, 52, 53, 89, 91, 94, 117 берет власть над Данией 49, 109 годы его правления становятся легендарными 37 дает титул ярла Свейну Астридсону 108–109 дарит свое имя 26 делит власть со своим дядей 28, 94 его роль в идеологической программе Сверрира 36 завещает Данию Свейну Астридсону 49–50 как образец для последующих поколений 27, 34–35, 52, 67, 79 как образец для Свейна Астридсона 53 как образец для Сверрира 36, 37, 38• обладатели имени Магнус до него 25 Олав Святой является во сне Магнусу 99 оскорбительный стих об отце Харальда Сурового 96 отдан на воспитание Ярославу Мудрому 117 отношение к Свейну Астридсону 50 по его приказу записывается свод законов 37 политическое влияние 26 появление на свет и наречение именем 21–22, 23 приход к власти 23, 38, 49 происхождение 67, 88–89 стремительное распространение имени при жизни Магнуса Доброго 26
- Магнус Рыжий**, возможно побочный сын Магнуса Голоногого как самозванец 41, 71 назван в честь своего отца 97
- Магнус Сигурдарсон или Боргхильдарсон (Слепой)**, род. в 1115, побочный сын Сигурда Крестоносца, конунг в Норвегии с 1130 по 1135, ум. в 1139 27 патроним, производный от имени матери 51, 97–98 появление на свет 32, 97–98
- Магнус Торстейнссон**, один из первых носителей имени Магнус в Исландии получает имя 92
- Магнус Хаконарсон (Исправитель Законов)**, род. в 1238, законный сын Хакона Старого и Маргареты, конунг Норвегии с 1263, ум. в 1280 104 наречение именем 45–46, 100 становится конунгом 103, 104
- Магнус Харальдссон**, род. в 1048, побочный сын Харальда Сурового, конунг в Норвегии с 1066, ум. в 1069 27, 28–29, 30, 109 не может дать имя Магнус своему сыну 31, 97 получает власть от отца 28 получает имя Магнус 27, 28–29, 30, 53, 110 соперничество двух Магнусов 53
- Магнус Эйнарсон**, епископ Скальхольта (Исландия), ум. в 1148 92
- Магнус Эйрикссон**, побочный сын датского конунга Эйрика Ламма, ум. в 1175 55
- Магнус Эрлендссон**, оркнейский ярл, святой, ум. в 1115, праздник 16 апреля появляется собственно скандинавский святой с именем Магнус 39
- Магнус Эрлингссон**, сын Кристин и Эрлинга Кривого, конунг Норвегии с 1163 или 1164, ум. в 1184 закон о престолонаследии 102, 104 законное происхождение 47 имя и происхождение 46, 78 как первый коронованный и помазанный конунг в Скандинавии 46–47, 105

- легитимность его власти 46, 47
патроним, производный от имени матери 52, 108
принадлежность к королевскому роду по женской линии 43, 47, 50
самозванец объявляет себя его сыном 41, 87, 101, 104
Сверрир о его происхождении 38, 44
Сверрир предлагает ему раздел страны 37
ситуация в стране в годы его правления 43–44
соперничество двух Магнусов 36, 38
стратегия поведения 52
- Магнус**, епископ, святой-мученик, убит при римском императоре Деции в III в., праздник 19 августа 25
- Магнус**, племянник Магнуса Доброго и внук Олава Святого получает имя своего дяди 26
- Магнус**, предводитель викингов в X в. 25
Магнус, самозванец в конце XI — начале XII в. 41
- Магнус**, святой, апостол баварцев, ум. ок. 750, праздник 6 сентября 25
- Магнус**, скандинавский паломник IX в. ? 25
- Магнус**, см. Карл Великий
- Магнус**, см. Свейн Астрдссон
- Магнус**, см. Сверрир
- Магнус**, сын Харальда Гилли, возможно был провозглашен конунгом происхождения 93, 102
- Маргарета**, королева, жена Хакона Старого
к власти приходит ее сын 45
происхождение 45
Хакон Старый о ее потомстве 45
- Маргарета**, см. Астрд
- Маргрета**, дочь шведского конунга Инги, жена Магнуса Голоногого 31
- Мария**, законная дочь Харальда Сурового 28
- Матильда**, жена Вильгельма Незаконнорожденного, ум. в 1083 105
- Мешко (Ламберт)**, герцог, польский король с 1025, ум. в 1034 наречение в его честь 110

Н

Николас, епископ в Норвегии с 1188 по 1225, один из главных сторонников Магнуса Эрлингссона и оппонент Сверрира 87

Николас, сын Скьяльдвер и Сигурда, знатный норвежец, племянник Магнуса Голоногого

его речь об избрании конунга 46

Никулас (Нильс) Свейнссон, побочный сын Свейна Астрдссона, конунг Дании с 1103, ум. в 1134 71, 116

наречение христианским именем 72

появление имени Магнус в его семье 55

Нильс, см. Никулас

О

Олав Альв Гейрстадира, легендарный конунг из династии Инглингов отождествление его с Олавом Святым 17, 86

Олав из Долины, отец Боргхильд, наложницы Сигурда Крестоносца 32, 97

Олав Магнуссон, побочный сын Магнуса Голоногого, конунг в Норвегии с 1103, ум. в 1115 27 получает династическое имя 70 происхождения 31

Олав Свейнссон (Голод), побочный сын Свейна Астрдссона, конунг Дании с 1086, ум. в 1095 66, 71 назван норвежским династическим именем 72

- Олав Трюггвасон**, конунг Норвегии приблизительно с 995, ум. в 1000
при крещении называет сына оркнейского ярла языческим именем Хледвир 115
принадлежность к роду Харальда Прекрасноволосого 94
- Олав Хаконарсон**, конунг Норвегии с 1380, ум. в 1387
наречение в честь Олава Святого 112—113
- Олав Харальдссон (Святой)**, конунг, креститель Норвегии с 1016 по 1028, ум. в 1030 23, 25, 27, 31, 49, 50, 52, 53, 67, 89, 90, 94, 95
во сне Сверрира нарекает его Магнусом 36
восприятие имени Магнус 26
годы его правления становятся легендарными 37, 38
дает сыну имя Магнус 89
законы Олава 37, 44, 47
имитация его действий единоутробным братом, Харальдом Суrowым 29, 30
имитация его действий племянником, Олавом Тихим 31
как обладатель династического имени 85
крестит дочь скальда Сигвата Тордарсона 26, 117
литургические тексты 100
наречение в его честь 30, 112—113
Олав в сне Сверрира 99
Олав как образец 79
отождествление его с легендарным предком 17, 86
патрон Норвегии 31, 35, 52—53
подражание Олаву 52—53, 67
происхождение 29, 94
расцвет культа 29, 31
реакция на наречение сына именем Магнус 22, 24
рождение у него сына Магнуса 21
- Сверрир как наследник Олава 36, 37, 38
связь претендента на престол с патроном Норвегии 35, 36
связь с Карлом Великим 24—25, 67, 76
ситуация в стране после его смерти 27, 38
- Олав Харальдссон (Тихий)**, побочный сын Харальда Суrowого, конунг в Норвегии с 1066, ум. в 1093 27, 28, 30, 110
воспроизведение династической ситуации времен Олава Святого 31, 97
дает сыну имя Магнус 30
назван в честь Олава Святого 30
приходит к власти в стране 30
семейное положение 30, 97
хвалебная песнь в его честь 97
- Олав Хрольвссон**, персонаж *Саги об оркнейцах*, отец Свейна
его сын берет имя матери в качестве патронима 107
- Олав Эйрикссон (Шётконунг или Шведский)**, конунг Швеции приблизительно с 995 по 1020, ум. в 1024 51—52, 59, 60, 61, 64, 65, 66, 70, 111, 114
династические планы и перспективы 63—64
называет своего сына именем Яков 57
семейное положение 58—59, 60, 62, 63, 110—111
согласно Саксону, берет в крещении имя Яков 114
утрачивает поддержку бондов 59, 114
- Олав**, отец Боргхильд, наложницы Сигурда Крестоносца 32, 51
- Олег Настасьич**, побочный сын князя Ярослава Галицкого
получает имя матери в качестве патронима 108
- Орм**, см. Йон сын Инги

- Оспак (Хакон) Гебридец**, сын Дувгала, конунг Гебридских островов, ум. в 1230
в 1230 получает титул и имя Хакон от конунга 77, 119
- Отто**, саксонский герцог, муж Ульвхильд, дочери Олава Святого называет сына в честь Магнуса Доброго 26
- Отто**, см. Свейн Вилобородый
- Оттон II**, германский император с 973 по 983
упоминается как крестный отец Свейна Вилобородого 85
- П**
- Палль (Павел) Йонссон**, род. в 1155, венчанный сын Йона Лофтссона, епископ Скальхольта (Исландия) с 1193, ум. в 1211
наречение христианским именем 86
- Пальна-Токи**, персонаж *Саги о йомсвикингах*, воспитатель и покровитель Свейна Вилобородого переосмысление его имени в датских источниках 115
- Педер**, сын Бодиль, датский аристократ
берет имя матери в качестве патронима 108
- Петр**, побочный сын герцога Скули бастард характеризуется по роду матери 108
выбор имени 88
духовная карьера 101
отец пытается закрепить за ним право на власть 45
- Петр**, предполагаемый отец самозванца из партии кукольщиков 41
- Петр**, см. Свейн Грате
- Пипин (Горбатый)**, побочный сын Карла Великого
исключение из числа наследников 68
получает династическое имя 68
- Пипин (Короткий)**, род. в 714, король франков с 751, ум. в 768 68
помазание 104
- Пипин**, см. Карломан
- Р**
- Рёгнвальд Брусасон**, род. ок. 1011, оркнейский ярл, ум. ок. 1045
наречение в его честь 118—119
- Рёгнвальд Калл Кольссон**, род. ок. 1102, оркнейский ярл, святой, убит в 1158, канонизирован в 1192
смена имени в 1129 77, 118—119
церковное почитание 119
- Рёгнвальд**, сын Харальда Прекрасноволосого и финки Снефрид 95
- Рикица**, жена Володаря Глебовича 88
- Римберт**, автор *Жития св. Ангария* 114
- С**
- Сакси**, отец Сигрид, наложницы Магнуса Голоногого 31
- Саксон Грамматик**, род. ок. 1150, датский хронист, ум. ок. 1220
не различает сыновей Олава Шведского 114
о двух именах старшего сына Сверрира 39, 98—99
о перемене имени Сверриром 36, 98—99, 100
ошибочные сведения о крестильном имени Олава Шведского 114
- Саум-Эса**, наложница Харальда Синезубого, мать Свейна Вилобородого
ее сын получает имя матери в качестве патронима 106, 107
- Свейн Астридссон или Ульвссон**, род. ок. 1020, конунг Дании с 1047, ум. в 1074 30, 49, 51, 63, 65, 110
берет патроним, производный от имени матери 50—51, 108

- берет себе второе имя Магнус 26, 52, 72, 79, 85, 109
 дает имя Магнус своему сыну 54—55, 72, 110
 называет сыновей своим именем 116
 наречение сыновей 71—72, 115
 отношение к Магнусу Доброму 50, 53
 получает Данию от Магнуса Доброго 49—50
 получает титул ярла от Магнуса Доброго 108—109
 порядок престолонаследия после его смерти 66, 115
 посылает своего сына в Рим 54
 принадлежность к королевскому роду по женской линии 43, 49, 50, 51—52, 55, 108
 родство с шведским правящим домом 71—72, 115
 легенды о его коронации 48, 105
 стратегия поведения 50, 51, 52, 53, 71, 72
- Свейн Вилобородый**, возможно побочный сын Харальда Синезубого, конунг Дании приблизительно с 987, ум. в 1014 49, 51, 72
 берет при крещении второе имя Отто 85, 106
 конфликт с отцом 106
 наречение в его честь 72, 106
 патроним, производный от имени матери 106, 107
 происхождение 50, 106
- Свейн Грате**, конунг Дании с 1146, ум. в 1157
 известен под именем Петр 85
- Свейн Олавссон**, персонаж *Саги об оркнейцах*
 берет имя матери в качестве патронима 107
- Свейн Свейнссон**, законный сын Свейна Астридссона 71
 назван в честь отца 72
 наречение в честь прадеда по отцу или в честь деда по материнской линии 72
- Свейн Свейнссон**, побочный сын Свейна Астридссона 71
 назван датским династическим именем 72
- Свейн Хаконарсон**, ярл, отец Гуннхильд, жены Свейна Астридссона
 наречение в его честь? 72
- Свейн**, сын датского конунга Кнута Великого и его наложницы Альвивы, наместник в Норвегии с 1030, ум. в 1036 49
 патроним, производный от имени матери 51
 получает власть в Норвегии 49
 происхождение 105—106
 уступает норвежский престол Магнусу Доброму 38, 49
- Свен Аггесен**, датский хронист XII в.
 переосмысливает имя и прозвище как двойное имя 115
- Свен Эстридсен**, см. Свейн Астридссон
- Сверрир (Магнус) Хаконарсон**, внук Хакона Старого, ум. в 1260
 наречение в честь Сверрира 100
- Сверрир**, возможно побочный сын конунга Сигурда Рта, конунг Норвегии с 1184, ум. в 1202 27, 73, 98, 104
 апелляция к временам Олава Святого 37
 видит во сне Олава Святого 36, 99
 двойное имя на документах 38
 духовная карьера 100
 его стратегия 38, 40, 41
 заказывает сагу 36
 идеологическая программа 36, 40
 имя Магнус во времена Сверрира 38—39
 использование второго имени Магнус 38

- ищет опору в древнем праве 37, 43–44
 как самозванец 40
 Магнус — имя или эпитет? 39, 100
 надпись на печати 38
 наречение в его честь 100
 наречение старшего сына двумя именами 39, 99
 о положении наложниц при конунге 94
 о своем происхождении 38
 отождествляет себя с Магнусом Добрым 37, 38, 53
 планы раздела страны 37, 100
 получает имя Магнус 39, 87
 присваивает имя Магнус 98–99, 100
 происхождение 35
 смена имени 99
 спор двух Магнусов 38
- Сигват Тордарсон**, р.о.д. ок. 995, выдающийся исландский скальд, друг и приближенный Олава Святого и Магнуса Доброго, ум. ок. 1045
 дает имя сыну Олава Святого 22, 90, 117
 объясняет выбор имени Магнус 22, 24, 76, 90
 Олав Святой крестит его дочь 26, 117
- Сигрид Унсет (1882–1949)**, норвежская писательница 107
- Сигрид**, наложница Магнуса Голоногого, мать Олава Магнуссона 31
- Сигрид**, персонаж *Саги о Крока-Рэве*, мать Геллира
 ее сын получает имя матери в качестве патронима 107
- Сигурд (Унас) Лавард**, старший сын Сверрира, ум. в 1200
 являясь сыном самозванца, обладает двумя именами 39, 98–99
- Сигурд Магнуссон (Крестоносец)**, побочный сын Магнуса Голоногого, конунг в Норвегии с 1103, ум. в 1130 27, 51
 берет в наложницы Боргхильд дочь Олава 32
 дает в 1129 имя и титул ярлу 77, 118–119
 наречение побочного сына именем Магнус 32
 получает династическое имя 70, 96
 происхождение 31
 рождение побочного сына 97
- Сигурд Свейнссон**, побочный сын Свейна Астридссона 71
 назван норвежским династическим именем 72
- Сигурд Свинья**, правнук Харальда Прекрасноволосого, отец Харальда Сурового и отчим Олава Святого 29, 96
 как объект насмешек 96–97
- Сигурд Сигурдарсон (Воспитанник Маркуса)**, сын Сигурда Рта, возможно брат Сверрира, ум. в 1163
 получает имя своего отца 116
- Сигурд Слембидьякон**, возможно побочный сын Магнуса Голоногого, убийца Харальда Гилли, ум. в 1139
 духовная карьера 41, 102
 как претендент на престол и братоубийца 103
- Сигурд Хаконарсон**, сын Хакона Старого
 становится конунгом 103
- Сигурд Хаконарсон**, ярл из Хладира
 дает имя Хакону Доброму 73–74, 92, 117
 имя Хакон в его роду 117
- Сигурд Харальдссон (Рот)**, побочный сын Харальда Гилли, конунг в Норвегии с 1136, ум. в 1155 27, 35, 98
 бастард получает династическое имя 102

- возможно, дает одному из сыновей свое имя 116
 наречение в его честь 39, 99
 предполагаемый отец Сверрира 36, 39, 94, 99
 родство с ним Магнуса Эрлингсона 46
 рождение у него побочного сына 72—73
- Сигурд Харальдссон (Хриси)**, сын Харальда Прекрасноволосого и финки Снефрид 29
 происхождение 95
 семантика прозвища 29, 95
- Сигурд Хледвирсон (Толстый)**, оркнейский ярл 115
- Симун**, норвежский бонд, воспитывает Хакона Широкоплечего 73
- Скули**, сын Барда, ярл и герцог, брат конунга Инги, ум. в 1240 101, 108
 борьба за власть 45, 105
 завещание 104
 наречение побочного сына 88
 происхождение 105
 Закон Старый о правах его рода на власть 45
- Снефрид**, дочь Сваси, финка-колдунья, обольстившая Харальда Прекрасноволосого, мать Сигурда Хриси 95
 рассказ о ней в *Круге Земном* 29
- Снорри Стурлусон**, род. в 1179, исландский скальд и политический деятель, ум. в 1241 22, 58, 59, 62
 наречение в честь христианских святых 113
 о двух именах Энунда-Якоба 64
 о жене и наложнице Олава Шведского 60—61
 о статусе наложницы 94, 111
 о христианском и династических именах в семье Олава Шведского 65—66
- описание появления на свет Магнуса Доброго 23, 24, 90, 91—92, 93
- Собачка (Хунд)**, см. Хледвир
- София (Суффия)**, жена Вальдемара Великого и мать Вальдемара Старого, ум. в 1198 88
- Стейн Хердисарсон**, исландский скальд XI в.
 хвалебная песнь в честь Олава Тихого 97
- Стув сын Кошачьего Торда**, исландский скальд, персонаж одноименной пряди
 намеки на прозвище Сигурда Свины 96—97
- Суннива**, внучка Магнуса Доброго ее сын берет имя матери в качестве патронима 108
- Суффия**, см. София
- Сэмунд Йонссон**, знаменитый исландец, законный сын Йона Лофтссона, ум. в 1222
 наречение родовым именем, в честь прадеда 86
 происхождение 86
- Сэмунд Сигфуссон (Мудрый)**, род. в 1056, исландский историк, священник, ум. в 1133
 наречение в его честь 86

Т

- Тора (Жердинка)**, наложница Харальда Прекрасноволосого, мать Хакона Доброго
 рождение сына 73—74, 92
- Тора**, две сестры с одинаковыми именами, персонажи *Саги о Торстейне Битом* 110
- Тора**, дочь Гутхорма Седобородого, наложница Харальда Гилли, мать Сигурда Рта 102
- Тора**, дочь Иоана или Арни Низкорослого, наложница Олава Тихого, мать Магнуса Голоногого 30, 97

- Тора**, наложница конунга Сигурда Рта, мать Хакона Широкоплечего рождение сына 31
станвится наложницей конунга 73
- Тора**, наложница Магнуса Голоногого, мать Сигурда Крестоносца 31
- Тора**, наложница Харальда Сурового, мать его сыновей, Магнуса и Олава, жена или наложница? 28, 93
положение при конунге 93
- Тора**, по-видимому, наложница Свейна Астридссона, мать его сына Магнуса 54
- Торарин Славослов**, исландский скальд XI в.
поминальная песнь об Олаве Святом 97
- Торвальд**, персонаж *Саги о сыновьях Дроплауг*, муж Дроплауг 107
- Торгильс Кучка Дервья**, см. Инги
- Торгильс**, персонаж *Саги о людях из Лососьей Долины*
получает имя матери в качестве патронима 107
- Торгисль Свейнссон**, побочный сын Свейна Астридссона (возможно, от русской наложницы) 71
назван норвежским династическим именем 72
происхождение 116
- Торгрим**, сын Хливвы, персонаж *Саги о Глуме-Убийце*
получает имя матери в качестве патронима 107
- Торгуни**, датчанка в XI в.
ее сыновья получают имя матери в качестве патронима 107
- Торд**, два брата с одинаковыми именами, персонажи *Саги о Греттире* 110
- Торир**, единокровный брат Магнуса Доброго 89
вступает в конфликт с Харальдом Суrowым 96
- оказывается при дворе Свейна Астридссона 50
- Торрод**, персонаж *Саги о людях с Песчаного Берега*, отец Кьяртана 107
- Торстейн Халльссон** (сын Халля с Побережья), знатный исландец XI в., дружинник Магнуса Доброго получает в дар имя Магнус 26, 92
- Торхалль**, сыновья Асгрима с одинаковыми именами, персонажи *Саги о Ньяле* 110
- Туре из Хува**, персонаж романа Сигрид Унсет *Улав, сын Аудуна из Хествикена*, отец Колбейна 108
- Турид**, персонаж *Саги о людях с Песчаного Берега*, мать Кьяртана ее сын получает имя матери в качестве патронима 107

У

- Убби**, см. Ульв Свейнссон
- Уильям из Ньюберга**, английский хронист XII в., современник Сверрира
о надписи на печати Сверрира 38
- Уильям Мальмсберийский**, английский хронист, ум. в 1141
рождение Магнуса Доброго 89
- Улав**, персонаж романа Сигрид Унсет *Улав, сын Аудуна из Хествикена* 107, 108
- Ульв (Убби) Свейнссон**, побочный сын Свейна Астридссона 71
наречение в честь деда 72
- Ульв**, два брата с одинаковыми именами, персонажи *Саги об Эиле* 109
- Ульв**, ярл, наместник Кнута Могучего в Дании, отец конунга Свейна Астридссона, ум. ок. 1025 50, 72
- Ульвхильд**, законная дочь Олава Святого, единокровная сестра Магнуса Доброго
называет своего сына в честь Магнуса Доброго 26

- Унас**, гребенщик с Фарерских островов
предполагаемый отец Сверрира 35, 39, 99
- Унас**; см. Сигурд Лавард
- Ф**
- Филипп**, архиепископ Кёльна в XII в.
наречение в его честь 117
- Фольквид**, шведский лагман (законораспорядитель), первый муж Цецилии и отец Хакона Бешеного 98
- Фрейвид (Глухой)**, знатный швед в XI в. 59, 60
- Фридрих Барбаросса**, король германский, император с 1155, ум. в 1190
выбор имени для сына 117
- Х**
- Хакон Магнуссон (Воспитанник Торира)**, конунг в Норвегии с 1093, ум. в 1094
происхождение 97
- Хакон Сигурдарсон (Могучий)**, ярл из Хладира, правитель Норвегии приблизительно с 974 по 975, ум. в 995
получает имя от Хакона Доброго 117
- Хакон Сигурдарсон (Широкоплечий)**, побочный сын Сигурда Рта, конунг в Норвегии с 1161, ум. в 1162 27
рождение и наречение именем 73
- Хакон Фольквидссон (Бешеный)**, ярл, племянник Сверрира, покровитель и воспитатель Хакона Старого, ум. в 1214 101
договор с конунгом 98
объявляет своего единоутробного брата бастардом 98
- Хакон Хаконарсон (Младший)**, сын Хакона Старого
получает имя своего отца 116
становится конунгом 103
- Хакон Хаконарсон (Старый)**, конунг Норвегии с 1217, отец Магнуса Исправителя Законов, ум. в 1263 103, 104
власть в Норвегии после его смерти 45–46
дает свое имя приближенному 77, 119
духовная карьера 101
завещание 103
закон о престолонаследии 103
заявление о наследовании власти после его смерти 45, 104
имя Магнус до его восшествия на престол 46
называет сына своим именем 116
перелом в пользу законнорожденных наследников конунга в годы его правления 45, 103
помазание 104
происхождение 103
решение династических задач 45, 104
эпитет Магнус и семантика прозвища 76
- Хакон Харальдссон (Добрый или Воспитанник Адальстейна)**, побочный сын Харальда Прекрасноволосого, первый конунг-христианин в Норвегии, ум. ок. 960 75, 95
дает свое имя сыну ярла Сигурда 117
крещение в Англии 118
оспаривает норвежский престол у Эйрика Кровавая Секира 118
отдан на воспитание английскому королю 117
происхождение 117
рождение и наречение именем 73–74, 92–93, 117
- Хакон**, внебрачный сын Сверрира, конунг в Норвегии с 1202, ум. в 1204 101
- Хакон**, см. Оспак Гебридец

- Хакон**, сын Суннивы, правнук Магнуса Доброго, датский аристократ берет имя матери в качестве патронима 108
- Хакон**, ярл из Хладира наречение в его честь 74, 92, 117
- Халла**, персонаж *Саги о людях из Лососьей Долины*, мать Торгильса ее сын получает имя матери в качестве патронима 107
- Халль с Побережья**, знатный исландец 110
- Хальвдан Харальдссон (Белый)**, сын Харальда Прекрасноволосого получает то же имя, что и у брата-близнеца 109
- Хальвдан Харальдссон (Черный)**, сын Харальда Прекрасноволосого получает то же имя, что и брат-близнец 109
- Хальвдан Черный**, норвежский конунг в X в., отец Харальда Прекрасноволосого 118
- Харальд Гилли**, он же Гилли, Гилликрис, возможно побочный сын Магнуса Голоногого, конунг в Норвегии с 1130, убит в 1136 27, 87, 93, 102
автор саги о его потомках 33
духовная карьера 41, 101
его гибель 103
открывает свое второе династическое имя, претендуя на власть 87
Сверрир объявляет себя его внуком 99
семантика имени Гилли (Гилликрис), 87
семейное положение 102
церковное почитание 101
- Харальд Гормссон (Синезубый)**, конунг Дании приблизительно с 958, ум. ок. 987 50
конфликт с сыном 106, 107
- Харальд Гренландец**, правнук Харальда Прекрасноволосого, отец Олава Святого 31
- Олав Святой не называет своего побочного сына в его честь 89
- Харальд Златобородый**, шведский конунг в конце VIII в.
дает имя Харальд своему внуку 118
- Харальд Прекрасноволосый**, конунг Норвегии, основатель норвежской династии, ум. ок. 940, 29, 30, 95, 106–107, 118
дает имя Харальд своему внуку 75, 77, 118
его законы 99–100, 103
закон о потомках конунга по мужской и по женской линии 44, 103, 108
как династический образец 29, 75, 94, 96
называет близнецов одинаковыми именами 109
отдает власть своему сыну 75, 99–100, 103, 114
отдает на воспитание побочного сына 117
прогоняет своих сыновей, рожденных от Снефрид 95
рождение побочного сына 73–74, 92–93, 117
установление единовластия в Норвегии 37
- Харальд Свейнссон**, побочный сын Свейна Астридссона, конунг Дании с 1074, ум. в 1080 71
избирается конунгом 115
назван датским династическим именем 72
- Харальд Сигурдарсон (Суровый)**, единоутробный брат Олава Святого, конунг Норвегии с 1046, ум. в 1066 27, 28, 29–30, 50, 89, 94, 95, 97
воспроизведение династической ситуации времен Олава Святого 97
дает сыну имя Магнус 28–29, 30, 53, 110

- династическое имя Сигурд в роду Харальда Сурового 96
 имя Магнуса на его монетах? 94
 конфликт с единоутробным братом Магнуса Доброго 50, 96
 наречение сыновей 96, 110
 объявляет конунгом своего сына 28
 подражает Олаву Святому 29, 30
 приход к власти 28, 50
 происхождение 29—30, 94, 95, 96—97, 102
 Сверрир о разделе страны между ним и Магнусом Добрым 37
 связь с Олавом Святым 29—30
 семейное положение 28, 93
 скальды о его происхождении 30, 97
- Харальд Эйрикссон (Серая Шкура)**, внук Харальда Прекрасноволосого, конунг Норвегии приблизительно с 960, ум. ок. 970 76, 95
 его положение среди братьев 118
 получает имя от деда 75
- Харальд (Юный)**, сын Хальвдана Черного, отца Харальда Прекрасноволосого
 получает имя от своего деда Харальда Златобородого 118
- Харальд (законный или побочный?)** сын Кнута Могучего, ум. в 1040
 получает во владение Англию 49
 происхождение 49, 105—106
- Хардекнут (Хёрдакнут)**, законный сын Кнута Могучего, род. в 1018, конунг Дании с 1035, ум. в 1042 49, 76
 договор с Магнусом Добрым 49
 получает во владение Англию 49
 получает во владение Данию 49
 происхождение 49, 105—106
- Хаук Длинные Чулки**, приближенный Харальда Прекрасноволосого отдает на воспитание Хакона Доброго 117
- Хвиннгестр**, имя или прозвище отца Торира, единоутробного брата Магнуса Доброго 96
- Хенрик**, см. Генрих
- Хёрда-Кари**, знатный норвежец из Хёрдаланда
 родство с ним 73, 92
- Химильтруд**, наложница Карла Великого, мать Пипина Горбатого 68
- Хледвир (до крещения — Хвельпр (Щенок) или Хунд (Собачка))**, сын Сигурда Толстого, заложник Олава Трюгвасона получает при крещении родовое имя 115
- Хледвир Торфиннссон**, оркнейский ярл
 наречение в его честь 115
- Хлива**, персонаж *Саги о Глуме-Убийце*, мать Торгрима
 ее сын получает имя матери в качестве патронима 107
- Хольмфрид**, побочная дочь Олава Шведского 58, 59, 62
- Хрейдар**, исландец, персонаж одноименной пряди
 изготавливает серебряную свинью, намекая на прозвище Сигурда Свиньи 96
- Христофор**, внебрачный сын конунга Дании Вальдемара Великого
 получает от отца христианское имя 19

Ц

- Цеццалия**, дочь Сигурда Рта, сестра Сверрира
 история ее брака 98

Щ

- Щенок (Хвельпр)**, см. Хледвир

Э

- Эдгар**, король англо-саксов с 959 25
- Эдла**, наложница Олава Шведского, мать Эмунда и Астрид 58, 59, 62, 66

- статус наложницы 111
- Эдуард**, см. Ятвард
- Эймунд** (**Эмунд** или **Энунд**), конунг из шведской династии, прапрадед Олава Шведского 111
- Эймунд Свейнссон**, побочный сын Свейна Астридссона 71
назван шведским династическим именем 72, 115
- Эйнар Колбейнссон**, персонаж романа Сигрид Унсет *Улав, сын Аудуна из Хествикена* 107–108
- Эйнар сын Скули**, исландский скальд XII в. 93
- Эйрик Ламм**, конунг Дании с 1137, ум. в 1146
называет побочного сына Магнусом 55
упоминается под именем Давид 85
- Эйрик Свейнссон (Добрый)**, побочный сын Свейна Астридссона, конунг Дании с 1095, ум. в 1103 71, 88, 108, 112
назван шведским династическим именем 71–72
называет сына своим именем 116
- Эйрик Харальдссон (Кровавая Секира)**, сын Харальда Прекрасноволосого, ум. ок. 954 95, 118
борьба за норвежский престол между ним и Хаконом Добрым 118
его сыновья получают имя матери в качестве патронима 106–107
как соправитель отца 114
наречение старшего сына 76
получает власть от отца 75, 103
рождение сына 75
- Эйрик Эймундссон**, конунг шведов, прадед Олава Шведского 111
- Эйрик Эмун**, конунг Дании с 1134, ум. в 1137 85
назван в честь своего отца 116
- Эйрик**, архиепископ Нидароса при Сверрире
апелляция к церковным постановлениям архиепископа Эйстейна 37
- Эйстейн Девчушка**, возможно побочный сын конунга Эйстейна Харальдссона, претендент на власть, ум. в 1177 99
получает имя своего предполагаемого отца 116
- Эйстейн Магнуссон**, побочный сын Магнуса Голоногого, конунг в Норвегии с 1103, ум. в 1123 27
дружба с ним компрометирует Боргхильд дочь Олава 32
получает династическое имя 70
происхождение 31
- Эйстейн Харальдссон**, побочный сын Харальда Гиалли, конунг в Норвегии приблизительно с 1142, ум. в 1157 27
возможно, дает одному из сыновей свое имя 116
происхождение 33–34, 102
- Эйстейн Эрлендссон**, архиепископ Нидароса с 1161, ум. в 1188
о браке Цецилии и Барда 98
о правах Магнуса Эрлингссона на власть 47
об имени и титуле Магнуса Эрлингссона 47, 78
позиция церкви в вопросах престолонаследия 48
- Эллисив (Елизавета)**, дочь Ярослава Мудрого, жена Харальда Сурового, ум. после 1066 28
отношение к наложнице Харальда 93–94
- Эльнот**, датский клирик английского происхождения в XII в., автор жизнеописания Свейна Астридссона и Кнута Святого 72, 109
- Эльфилда**, см. Альвхильд
- Эмма**, жена Этельреда Нерешительного и Кнута Могучего 105
- Эмунд (Старый)**, побочный сын Олава Шведского, род. после 1000, конунг Швеции приблизительно с 1050, ум. ок. 1061 58–59, 62, 64

- его имя в генеалогиях 111—112
наречение в его честь 115
обладатель династического имени 63
обсуждение его кандидатуры на тинге 59
происхождение 59, 60, 63
смешивается с Энундом-Якобом 114
- Эмунд Эйрикссон**, согласно Адаму Бременскому, конунг шведов в X в. 112
- Эмунд**, лагман (законораспорядитель) на тинге в Швеции 59
- Энунд Ингварссон (Дорога)**, конунг шведов из династии Инглингов 114
- Энунд-Якоб**, сын Олава Шведского, конунг Швеции с 1022, ум. ок. 1050 57, 60, 61, 67, 70, 111, 114, 115
его имя в генеалогиях 111—112
законное происхождение 57—58, 59, 60, 61, 62, 66, 110—111
как соправитель Олава Шведского 114
обсуждение его кандидатуры на тинге 59—60
отсутствие династического имени 62—63, 63—64, 65, 66, 70
появление на свет и наречение христианским именем 58—59, 62, 64, 113—114
провозглашение конунгом и наречение династическим именем 60, 64, 77
связи со Свейном Астридссоном 115
- смешивается с Эмундом Старым 114
- Эрлинг Каменная Стена**, возможно сын Магнуса Эрлингссона, претендент на престол с 1204, ум. в 1207
обвиняется в присвоении имени 101
- Эрлинг Кривой**, ярл, отец конунга Магнуса 49, 78, 99, 105
в сне Сверрира — противник Олава Святого 36
о правах своего сына на власть 47—48, 104, 105
- Эстрид**, см. Астрид
- Этельред**, см. Адальрад
- Этельстан**, см. Адальстайн

Я

- Якоб (Иаков)**, апостол, праздник 25 июля 58, 62, 113—114
- Якоб**, см. Энунд-Якоб
- Ярослав Владимирович (Мудрый)**, великий князь киевский, ум. в 1054
его прозвище в скандинавских источниках 118
женат на Ингигерд 110
становится воспитателем Магнуса Доброго 117
- Ярослав Владимирович Осмомысл**, князь галицкий, ум. в 1187
его сын получает имя матери в качестве патронима 108
- Ятвард (Эдуард Исповедник)**, английский король, ум. в 1066
о сыновьях Кнута Могучего 105

Научное издание

Федор Борисович Успенский

ИМЯ И ВЛАСТЬ

**Выбор имени как инструмент династической борьбы в
средневековой Скандинавии**

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Наталии Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор М. Н. Григорян

Подписано в печать 04.01.2001. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 3,36. Тираж 1000 экз. Заказ № 1082

Издательство «Языки русской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
В «МАЛОЙ СЕРИИ» ВЫШЛИ КНИГИ

Айрапетян Вардан. Русские толкования. – 208 с. – 2000.

Задача этой книжки — показать на избранных примерах, что русская герменевтика возможна как самостоятельная гуманитарная наука. Сквозная тема составивших книжку статей — иное, инакость по данным русского языка и фольклора и продолжающей фольклор литературы.

Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. – 192 с. – 2000.

Читатель познакомится со сведениями древнескандинавских источников о пребывании на Руси в конце X — первой половине XI в. четырех норвежских королей (конунгов). Жизнь норвежских конунгов на Руси описывается в сагах лаконично, одной-двумя общими фразами. Совершенно очевиден недостаток конкретной информации, равно как и тенденция авторов саг к преувеличению роли знатного скандинава на Руси. И все же факт присутствия скандинавских правителей на Руси, вопреки молчанию русских источников, не вызывает сомнения. Основанием для такого утверждения служат скупые по содержанию, но несущие достоверную фактическую информацию стихи скальдов.

Замятина Н. А. Терминология русской иконописи. – 2-е изд. – 272 с. – 2000.

Это первый опыт строго научного лексикографического описания специальной лексики русских иконописцев. Основную часть книги занимает словарь, включающий более 700 терминов (вохра, ковчег, киноварь, инокопь, отживка и др.). В приложениях рассматривается история названий двух красных красок — бакан и варзия.

История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. – 528 с.: ил. – 2000.

Сборник посвящен критическому анализу новой концепции всемирной истории, которая развивается в трудах академика А. Т. Фоменко и его соавторов и коротко называется ими «новой хронологией». В нем ученые разных специальностей (историки, археологи, филологи, астрономы, физики, математики), профессионально связанные с кругом проблем «новой хронологии», дают конкретный анализ этой концепции и ее основных положений с позиций своих наук. Предназначен для самого широкого круга читателей.

Подосинов А. В. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. – 176 с. – 2000.

Каждому известны зоантропоморфные символы четырех евангелистов: Матфей ассоциируется с ангелом в человеческом образе, Марк —

с образом льва, Лука — быка (тельца), Иоанн — орла. Эта символика появляется со II в. н. э. и закрепляется в христианском богословии и искусстве с IV в. Несмотря на повсеместное распространение этих символов, их происхождение и значение до сих пор не имеют удовлетворительного объяснения. Соединив методы традиционного толкования библейских текстов и результаты этнологических и историко-антропологических штудий последних десятилетий, автор сумел приподнять завесу над тайной «четырёх животных».

Смирнов С. Г. Годовые кольца истории. — 304 с. — 2000.

Каждая из 13 глав книги представляет собою портрет человечества в одно мгновение его долгой истории: от основания Рима до высадки первых людей на Луне. Такой портрет охватывает все сферы деятельности народов, одновременно населяющих земной шар: войну и экономику, политику и культуру, научные исследования и поиск религиозных ценностей. Особое внимание уделено поступкам первопроходцев, которые жили в разных регионах Земли и, не ведая друг о друге либо взаимодействуя между собой, разведывали возможные пути человечества в еще не определенное будущее.

Интервал между последовательными срезами исторического континуума составляет 250 лет (до Нового времени) и 150 лет в Новое время. Такой большой срок выявляет вековые ритмы истории, не различимые при взгляде в упор, и дает читателю цельный образ исторического процесса на протяжении последних 27 веков.

Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. — 128 с. — 2000.

Настоящая работа продолжает цикл исследований, посвященных восприятию истории в Древней Руси («*Historia sub specie semioticae*», «Восприятие истории в Древней Руси и доктрина "Москва — Третий Рим"», «Царь и патриарх: Харизма власти в России» и др.).

Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. — 144 с. — 2000.

Настоящая работа продолжает цикл исследований, посвященных различным аспектам истории царской власти («Царь и Бог», «Царь и самозванец», «Царь и патриарх»).

Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. — 144 с. — 2000.

Автор рассматривает все дошедшие до нас высказывания Пушкина о древностях и их исследователях, сопоставляет их с тем, что мы знаем об археологии XIX века и с современными представлениями о прошлом. Такой подход позволяет увидеть в произведениях Пушкина новые детали, затронуть вопрос о различии путей познания поэта и ученого.